

НАПАВЛЕ

По мотивам мира Артёма Каменнистого

Денис Владимиров

ЛЮТЕРА

Annotation

Судьба улыбнулась Люгеру — он смог выжить. Но удача оборачивается злой насмешкой. Теперь нельзя останавливаться, а цель одна — добраться первым до наследства рейдера, предавшего все и всех. Книга написана по мотивам серии «Стикс» Артема Каменистого.

Люгер (вальтер-2)
Денис Владимиров

Глава 1. Скреббер

Гога Безбашенный теперь по праву носил свою кличку. Если до момента, когда картечь почти отделила голову от туловища, его крестный, давая имя, видимо, оценил умственные способности, помноженные на боевой задор, подчеркнул и ярко выраженную неславянскую внешность, то теперь Каштан и физические параметры тела привел к общему знаменателю.

Казней я за свою жизнь видел достаточно. Поэтому мне было неинтересно наблюдать, как тяжелый свинец впился в мягкую плоть, разрывая ее, разбрызгивая в стороны кровь, а порох, вытолкнувший металл своим огненным дыханием опалил блестящий на солнце бритый затылок приговоренного. Москвич откровенно скучал, смотря осоловевшими и сонными глазами, куда-то в сторону. Рядом с ним Дохлер думал о чем-то своем, и старательно полировал ногти. Зондер и еще несколько водителей торжествовали — кара настигла злодея, Гыча и Тальк негромко переговаривались. Третьяк же с самого начала, безглаголиво поморщившись, сплюнул сквозь зубы, наблюдая, как Каштан с плотоядной ухмылкой выжал спуск дробовика, и на лице палача промелькнуло выражение радостного предвкушения. Тут крестный только покачал головой.

Обставить казнь бандита неверняка можно было и с меньшей помпой: петля и веревка, нож, бесшумное оружие — все это имелось под рукой. Но, похоже, командир таким образом давал возможность спустить пар одному из своих подопечных — Каштану, когда на вопрос Москвича: «Что делать с Гогой?», единственным из всех устроителей засады, кто оставался до настоящего момента живым, ответил коротко и четко:

— Эту шестерку до Острога не потащим. Все равно ничего нового в СБ не скажет Лишняя возня и перевод живца. Каштан, давай исполни, только без излишеств — времени нет. И сделай все желательно потише.

Трофейный барабанный дробовик, по крайней мере, я раньше не замечал подобного экзотического карамульгука ни у кого из рейдеров, как ничто другое подходил под определение — «желательно потише». Что же касалось «излишеств»... То они и не требовались, все было сделано заранее во время военно-полевого допроса. Пленному, на мой взгляд, оказывали милосердие. Хотя это же Улей, поэтому выколотые глаза, отрезанные уши и гениталии, сломанные и обструганные пальцы, скорее всего, зажили бы, срослись, отросли, поставь кто-то вдруг задачу — вылечить Гогу. Однако добрых докторов не наблюдалось, а Айболиту, после попадания пули из КПВТ в грудь, самому требовалось помощь, выходящая далеко за рамки людских возможностей.

Слова Бармалея подтвердились, бандит, чье полное имя дополнилось приставкой Безбашенный, лишь немного раскрасил часть рассказа килхантера, внося несколько субъективных оценок о ситуации в целом, но ничего нового не сказал. Действительно, в иерархии он только-только поднялся на следующую ступень. Хотя был перспективным товарищем, ведь Джокер, судя по обрывкам фраз и разговорам, являлся довольно известной фигурой в местном муровском мире.

Тело Гоги не верило в смерть, конвульсии еще долго сотрясали его, под одобрительный взгляд Каштана, Зондер несколько раз от души пнул безголового мертвеца, а затем плюнул — смачно, с чувством.

Я же, встретился взглядом с Третьяком, который мотнул головой в сторону, сигнализируя вполне понятно, мол, отойдем. До этого момента не удалось с ним

переговорить с глазу на глаз. Все время кто-нибудь рядом крутился.

— Короче, слушай сюда, — начал тот, посмотрев мне в глаза.

— Так точно, гражданин начальник, только ты сначала ответь мне на два вопросика: зачем было нужно это представление с крещением? И почему «Люгер»? — крестный недовольно поморщился, задумался. В действительности же меня интересовало несколько другое, во-первых, складывалось ощущение, и никак не слабело, что по краю прошел. Чуть-чуть к праотцам не отправился. Впрочем, чувства к делу не подошьешь, а верить только эмоциям — отдает психическим расстройством. Но, как говорил инструктор в Конго, которому я платил немало: «лучше быть живым шизофреником, чем мертвым прагматиком». И, конечно, нездоровой наивности во мне не было ни капли. Поэтому вариант, что сейчас Третьяк как на духу выложит всю подноготную, а потом упадет в ноги с мольбами: «Прости, засранца», Валь... тьфу ты, Люгер, я относил к фантастике, и даже не к научной. Во-вторых, новое имя было непривычно. И так катал его на языке, и эдак. С другой стороны нравилось ли прозвище тому же Гоге или Люле? А Зондеру или Дохлеру? Нет, сейчас привыкли, но по началу?

— Не Шмайсером же тебя называть или АКМом? — в лучших традициях богоизбранного народа ответил крестный, — Хеклер? Тоже не то... Как назвал, так и назвал! Я так вижу! Понял? «Вальтер-Люгер» — звучит неплохо. Скажи спасибо, что в духе Цементы не окрестил! — неожиданно в голосе Третьяка прорезалась злость, — Про цирк же скажу так. Народ здесь зрелищами неизбалован, думал ты и сам до этого дойдешь, поэтому люди запомнят надолго такое представление. И теперь, вот увидишь, стоит только добратся до обжитых мест, как слава о тебе, как о моем крестнике пойдет в массы. Тем более, у меня репутация имеется. Поэтому гниль самого Цементы мимо пройдет, чего не скажешь о его наследии — куче дерьма, которую тебе еще предстоит разгрести. И в любом случае надо сказать — «спасибо, крестный».

— Спасибо, крестный, — усмехнулся я, постарался, чтобы уж не совсем криво, — И часто тебе доводилось подобные ритуалы проводить? Обставил ты все с блеском, как Ленин на броневике...

— Нечасто. Всех своих, конечно, не упомяну. Но меньше, чем у того же Цементы. А отозвал я тебя по другому поводу. На Каштана и других больше так не пялься. Чревато. И ты многого не знаешь про него. Еще один нюансик постоянно держи в голове — дохрена вокруг тех, кому он больше, чем кровный брат.

— А как я на него смотрел-то?

— Типа сам не знаешь? Будто в свой расстрельный список заносил вместе с Зондером и водилами. Запомни, кто здесь присутствует далеко не мальчики, и ментаты среди них имеются, а еще Улей и без всяких даров чувства обостряет, поэтому сдержанней надо быть, гораздо сдержанней! И эту истину запомни накрепко. Заруби себе на носу! Ты мой крестник, и я за тебя в ответе. Осознал?

Утвердительно кивнул. Чертовы ментаты, нигде от них нет спасения. Вот уверен, по моему лицу вряд ли можно было что-то прочесть. Так ведь, гады, по эмоциям вычислили. Ну, не люблю я тех, для кого хладнокровное убийство выходит за рамки необходимого дела, как вижу, наслаждение от палаческого ремесла на чьей-то роже, ярость сама собой просыпается — душит, давит. И сразу воспоминания, как я оказался в чертовой клетке, а тем временем борцы с режимом дважды, а иногда трижды в день освобождали соседние помещения. И все носители демократических ценностей, как один — садист на садисте, на

поток дело поставили, с радостными криками и воплями творили такое, волосы дыбом поднимались.

Часто даже не выводывали, где ценности припрятал их клиент, а просто из любви к искусству. Потом тут же, буквально в десяти метрах, расстреливали возле дренажной канавы, которая служила еще и местным очистным сооружением, куда стекалось дерьмо и помой со всей округи. И, зачастую, высаживали с гиганьем и гоготом в жертву по полмагазина. Палачей потом поборники местной тирании вздернули высоко. И, на мой взгляд, они очень легко отделались. Вот и возникла у меня тогда фобия, о которой и психотерапевтам нельзя рассказывать.

Тогда же... Было страшно до нервной дрожи, до молитв, обращенных к неизвестно какому Богу, посылов ему и посулов. И отчего-то не столько пугал пыточный стол, заляпанный кровью, с валяющимися рядом кусками человеческой плоти, которые густо облепливали огромные отожравшиеся сонные мухи, лениво перелетающие с места на места в поисках вкуснятины, а приводила в настоящий ужас мысль, что окажешься после смерти в грязной канаве, заполненной испражнениями, помоями и другими уже подгнившими мертвецами. Да, не скрою, пытки страшили, пугали, и очень, но ужасал именно этот факт. Он и отпечатался. Странная человеческая натура, учитывая, что мертвому, в общем-то, безразлично, где и как превращаться в компост.

Крестный же, видимо что-то опять почувствовав в моем настроении, добавил:

— У Каштана девчонку, с которой любовь была настоящая, на глазах муры разобрали, предварительно изнасиловав скопом. Он же ничего не мог поделать, спеленали, и в клетке держали. Его хотели сдать ресам, те за рейдеров с редкими дарами гораздо больше отстегивают, чем просто за органы. А Джулия была неинтересна с этой точки зрения. Так что... Не смотри на него так. Понял?

Что тут скажешь? У каждого своя правда.

— Да, понял, я понял. Но ведь не Гога ее насиловал?

— А разница есть? Запомни, все муры одинаковые! Ты думаешь, на ровном месте ненависть берется? Если на нас посмотреть со стороны, то вроде бы и различий между рейдером и муром особых нет. Но, запомни хорошо, — они имеются! И дело не в том, что попав в Улей, мы стали борцами за справедливость, как некоторые. Знаю эту хипстерню, всю жизнь на Земле занимались херней, а тут вдруг решили избавить мир от зла. Недолго живут, глуподохнут. Нет, просто у каждого из нас кто-то из близких погиб от рук муров. И погиб страшной смертью. Гоге же, вообще, одолжение сделали, так бы по-хорошему следовало скормить его тем же пустышам. Джокер никакими принципами, пусть и извращенными, вроде банды дядюшки Ау, не заморачивался. Так что, легко ушел, урод.

Как-то не вязалось сказанное с мимикой и жестами Третьяка во время казни. Или я что-то не понимал? Мелочи же, вроде косых взглядов с одной стороны полная ерунда. Но такая паскудная есть черта у подобных незначительностей, они плюсятся друг к другу. Здесь не так посмотрел, там не так сказал, тут не тот жест, а когда дело доходит до выяснения отношений, и по-взрослому, это быстро все складывается на чашу весов против твоего бесценного мнения, и каждый, кто свидетельствует против — добавляет. А там, бей, рви, борись за свою жизнь, настолько, насколько ты ее любишь.

После казни бандита все, кроме расставленных часовых, быстро пообедали, продуктами, привезенными из местного супермаркета. А затем споро погрузились в технику. Спасенные «свежаки»: девушка и звероватый мужик... Во как! А я оказался уже матерым рейдером, без

пяти минут ветераном. Так вот, спасенных разместили в том же «Тайфуне», в котором ехали и мы. Туда же забрался и Каспер, которого Гранит привлек в свои ряды. Сейчас тот напоминал нахохлившегося воробья, злого и наглого. Недовольно зыркал по сторонам, вставлял едкие комментарии в беседе с Третьяком.

Несмотря на увеличившееся количество техники, колонна не растягивалась. Шли почти бампер в бампер. За поселком рельеф местности постепенно понижался. Невысокие горы, поросшие липняком с редкими дубравами, сменялись холмами с голыми макушками, а вскоре перед нами раскинулась, насколько хватало глаз, равнина. По обеим сторонам грунтовой дороги зеленели, чернели и золотились поля, часто на которых редкими островками то тут, то там, вздымались березовые и осиновые пролески. Вообще, интересно было наблюдать, как посреди сгибавшейся под тяжелыми колосьями пшеницы, вдруг оказывался клочок с кукурузой или подсолнухом. Границы между кластерами было довольно легко определять по линиям электропередач — на стыке между сотами провода обрывались.

Практически через каждый километр, а иногда и через пятьсот метров останавливались. Толстяк Дохлер вылезал из десантного отсека БТРа, следовавшего в середине колонны. Пыхтя, но довольно сноровисто, забирался на башню, где минут на пять замирал, зажмурив глаза и широко раскинув короткие пухлые руки. Докладывался по общему каналу: «Чисто», и мы двигалась дальше.

— Так и будем здесь ползти, пусть и медленно, но риска меньше, — прокомментировал для меня Третьяк, — У нас обычно еще пара дронов ресовских в запасе была, поэтому быстрее все происходило, но пупсики и тут обгадили — в шишиге остались.

— А чего пупсики опять сделали? — тут же влез любопытный Каспер, сидевший напротив Третьяка, и даже подавшись вперед.

Крестный односложно в нескольких фразах объяснил, рейдер поцокал возмущенно языком, затем задумался на несколько десятков секунд, почесал щеку и выдал свой вердикт:

— Нездоровая хрень последнее время происходит. Что-то слишком все завертелось, и как-то непонятно. Со всех направлений...

Обстановка внутри стального короба убаюкивала, расслабляла. Мерно покачивалась тяжелая машина, только иногда, наезжая на выбоину на дороге очередного стаба, ее ощутимо трясло. Спасенная девушка, остававшаяся пока безымянной, еще не успевшая выбрать себе имя, умудрилась задремать, как-то удобно устроившись в десантном кресле, сразу за водителем. Она мило улыбалась во сне, отчего довольно симпатично лицо, становилось уж каким-то совсем красивым и беззащитным, что ли. Натерпелась бедолага. Хотелось укрыть ее одеялом, подоткнуть. Да, давно у меня уже ничего нормального в жизни не было, уже вон подспудно мечтаю о простом человеческом счастье, а не как обычно о делах, деньгах, возможностях и связях.

Мужик-неандерталец думал о чем-то своем, на лице мелькала гамма чувств — от какой-то обреченности и покорности судьбе, до лютой злобы, тогда он стискивал кулаки и беззвучно шевелил губами. Кроме этого, он внимательно слушал рейдеров, но с вопросами не лез. Или еще пока до конца не акклиматизировался, или же его за сутки успел насчет части местных реалий просветить Каспер.

— А что непонятного-то в последнее время происходит? И каких таких направлений? — мой крестный, судя по ленивому тону, задал просто дежурный вопрос. Но, уже немного зная Третьяка, и как он на раз просчитывал собеседника, заставлял его действовать в русле своих, неведомых никому интересов, выбрал такую тактику ведения разговора специально.

Вообще, с крестным следовало держать ухо востро. Очень и очень непростой товарищ, хоть и неплохо маскируется... С другой стороны, может это я все придумываю, а на самом деле нет никакого второго дна? Да и кто из нас простой? Я же тоже действую только в своих интересах, а не в чьих-то, почему другие должны поступать иначе.

Каспер же резко подался вперед, а затем начал выговаривать зло, сердито и раздраженно.

- Смотри сам! Ресы слишком много себе силы взяли! Это раз! — загнул тот большой палец, довольно необычно начинал он вести счет, в большинстве случаев или с мизинца начинают или с указательного, — Дальше, война эта никому ненужная — это два! — последовал мизинец образовавший кольцо с большим, после чего эту конструкцию рейдер продемонстрировал Третьяку.

— Да что необычного-то? Все как всегда..., - крестный остался при своем мнении.

— Да не все и не как всегда! — злая гримаса исказила лицо Каспера. Вот же не человек, а порох, заводится на раз, — Что всегда в Остроге такие непонятки происходят, что собрались с Внешниками в люблю играть? Поговаривают, вроде посольство их или представительство щитовиков будет! Чем не Монако?! Это три!

— Говорят — в Париже кур доят, — Третьяк даже усмехнулся, но без злости, скорее констатировал факт.

— Да? Кур доят, говоришь?! А как тебе нездоровая суета килдингов? И я знаю одно, что если эти уроды начинают шуршать, значит, жди говна тележку! Может поспоришь?

— Откуда такие данные-то? — крестный широко зевнул, отчего стали видны абсолютно здоровые ровные зубы, и только в последний момент, прикрыв рот кулаком в штурмовой перчатке. А тон — недоверчивый, но уже слегка заинтересованный.

- Про посольство — уже с месяц как слух прошел. Ресы тоже активизировались примерно в это время, может, чуть раньше. Недели две уже как с килдингами возня началась, на сегодняшний день только обнаруженных толи пять, толи шесть их капищ, в окрестностях Острога. Рядом с основными опорными пунктами. Где по одной жертве, где и сразу могильник. Возле Северо-западного форпоста целый хутор вырезали. Только чей неясно. Шамановские или не успели все пробить или сразу, в своих традициях, все засекретили. А у меня приятель, там в интендантах ходит. Сказал, что ГБР перед приездом СБэшников восемнадцать жертв насчитала. Уже тоже все как обычно? — явно пытаюсь поддеть Третьяка, мстя за его недоверчивость, задал вопрос Каспер.

— С полгода назад они тоже вокруг Острога шуршали. Острог на месте.

— А вот теперь сюда до кучи приплюсуй, что крестовики какую-то муть готовят, толи рейд на Пекло, толи еще какую дрянь. Самых результативных ловцов жемчуга подыскивают. И уже месяц ни одной даже самой маленькой орды возле форпостов и опорок не наблюдалось! Цены-то на горох вверх поперли, с восьми рублей для граждан стали двенадцать. Про остальной сброд даже говорить не приходится. Так что, сам думай.

— Знахари-то на месте?

— Эти на месте. Да и куда им валить-то? Острог при любом раскладе выстоит, а они за его стены не выходят.

— Вот видишь, не все так печально. Есть островок стабильности в этом царстве хаоса, — ухмыльнулся крестный.

А Каспер даже выругался сквозь зубы.

— Да?! Не все печально, как ты говоришь... Стабильность?! Ну-ну! Скажи еще

процветание! А как тебе, что Говорливого грохнули?! А?! Прямо у него дома? Он же, мать его так, легенда! Уже почти двадцать лет воздух тут коптит. И завалили его какие-то мутные фраера, никого живьем взять не удалось. Последней пулю в башку себе пустил. Понимал, что ждет.

— Смысл?

— Весь смысл в том, что жемчуга они нехило взяли, сколько точно — это может шерифовские и скажут, а так народ поговаривает, что очень много, считай подсумок ПКМвский, под завязку. Но сам не видел, наврать могли, могли и от широты души преувеличить. Говорливый же — смотреть страшно. Евгения — всего считай навидалась, сколько лет она в морге работает, проболталась. Сказала: «Вы не представляете, что с ним сделали!».

— Раз жемчуг взяли, что не свалили? Не успели?

— Да, кто его знает. Полы повскрывали, со стен штукатурку посбивали. Опять же разговор был, что искали они белый жемчуг. С недели три назад завалил Говорливый вместе с бандой Синицы скреббера...

— Слышь, Каспер, ты не мальчик вроде?! Да?! Так какого хрена, ты тут вслух поминаешь то, что поминать нельзя?! — неожиданно чуть не подпрыгнул на месте уже Третьяк, а глаза бешенные. Смотришь в них и понимаешь — на грани мужик, тронь взорвется.

— Третьяк, и ты туда же..., - теперь криво и с неким сожалением усмехнулся Каспер, — Как бабы, суеверные все, то нельзя, это нельзя!

Казалось, ничего не изменилось, однако, в воздухе повисло напряжение. Расхожий штамп: «атмосфера накалились» — здесь подходил, как нельзя кстати. Оба рейдера вроде бы не поменяли положений тел, но как-то подобралась, глаза же злые, решительные. Еще чуть-чуть и готовы были пустить в ход оружие. Почему? Зачем? Черт его знает! И опять девайс Бармалея ощутимо нагрелся, как в момент моего крещения. Я же клял себя на все лады — расслабился, слишком удобно уселся, автомат на десантном кресле рядом, до пистолета тянуться долго, учитывая повальную быстроту матерых рейдеров, к которым относились оба спорщика, шансы у меня были неоднозначные. Опять же с «Зарей» финт тоже не прошел бы — гранатный подсумок застегнут. Ресовский боевой нож так сразу и не достанешь. И еще, главный вопрос, на чьей я стороне в этом споре? Конечно, с точки зрения идеалиста такой вопрос даже стоять не должен — только крестный, только хардкор! И что я получаю? Неизвестно. В случае же гибели этого крайне мутного товарища, все узнанное им, по крайней мере, детали и нюансы моего появления в Улье, а также смерть Цементы, точнее, кто ее ему подарил, — все канет в лету. И буду чист со всех сторон. Потеря лояльно настроенного ко мне рейдера, готового делиться знаниями об окружающем новом мире, тогда не так ощутима, тем более все концы моей неприглядной и вызывающей много вопросов истории уйдут под землю. Больше того, несмотря на показное дружелюбие, а может и из-за него, Третьяк в моих глазах выглядел крайне темной и мутной лошадкой. И не верил я, что он не преследует каких-то своих целей и интересов, которые уже связал со мной. Но это ощущения, их к делу тоже не подошьешь.

Каспер же... Каспер мне просто не нравился. Слишком дерзкий, слишком наглый, не по чину, что ли. Хотя, одиночка, да еще и бродит там, где другие с отрядом только и на броне. Но в любом случае, такие, как гласила народная мудрость, своей смертью не умирали. От себя же я мог добавить только одно, зачастую, те, кто находился рядом, в итоге оказывались

в той же могиле, где и потдыхали подобные возмутители спокойствия. Кроме как здоровых опасений, быть зацепленным в потасовке, мелькала, чего перед самим собой скрывать, шальная мысль — плеснуть керосина на пламя разгорающейся дружбы между двумя товарищами. И посмотреть, чья возьмет. Я в любом случае в плюсе. Эти мысли пронеслись в голове за долю секунды.

Тем временем, во сне пошевелилась девушка, что-то пробормотав, опять улыбнулась, и несмотря на грозу в воздухе, хотелось улыбнуться в ответ. Неандерталец же тоже напряжился. Понял, что неспроста повисла такая тишина, которая не предвещала ничего хорошего. Вот еще одна проблема! Ай да я, ай да стратег, совсем из вида выпустил, не вооружен, значит, не опасен. Опасен, очень опасен, пусть и потенциально. Мужик здоровый, сильный, а здесь помещение тесное, и неясно какими тот талантами обладает. Топором, конечно, не помаешь, но кто его обыскивал? Между тем, два рейдера медленно поднялись, смотря друг другу в глаза. Это что за вестерн, мать вашу?

Третьяк глубоко вздохнул, и заговорил вполне спокойно, сквозь зубы, чуть растягивая слова, при этом красная морда не выражала никаких эмоций:

— Слушай, Каспер, и слушай внимательно. Если тебе на свою жизнь насрать, то мне еще нет! Как и всем остальным. Там, в одиночку, — кивнул куда-то за спину, — Можешь болтать, что хочешь, а здесь же...

— А теперь слушай ты! — перебил его рейдер, зло ухмыльнулся и с неким торжеством в голосе начал вещать, — Мне до ваших всех суеверий, как до лампочки! Понял?! Ты понял меня Третьяк?! — Каспер вновь усмехнулся, и неожиданно заорал во всю глотку, — Скреббер! Скреббер, скребберр, скреберр! Ну что, что случилось то?...

Миг и ствол пистолета Третьяка смотрел в лоб рейдера, но и тот был не промах. Поэтому его такой же «Глок» был направлен в шею, чуть ниже подбородка крестного. Замерли. Каспер напрягся, капельки пота выступили на лбу. Пауза затягивалась.

Взревела зло рация голосом Гранита:

— Внимание! Колонна! Построение «Орда»! Дохлер! Работай с места!

«Тайфун» резко затормозил, отчего оказавшиеся на ногах парочка резко подалась вперед, путаясь в ногах, и падая. Дважды грохнул, оглушив в закрытом помещении чей-то пистолет. Снаружи раздался гулкий бас КПВТ, затем по сравнению с ним очень тихо две короткие очереди из ПКТ. Все это произошло одновременно с пронзительным визгом девушки, который неплохо резанул по больным ушам после выстрела в закрытом помещении.

Наш автомобиль резко вывернул с проселка, водила же с бледным вспотевшим лицом, вертел руль. Спорщики катались по полу. В партере инициатива оказалась за крестным, он почти взял на болевой прием руку Каспера, но тот смог вырваться, Третьяк же, как-то ловко оседлав рейдера, принялся его душить.

Я, уцепившись в поручень, увидел, как мужик-неандерталец с каким-то детским выражением лица, на котором было написано изумление, страх и еще что-то обреченное, смотрел, как на его майке на животе и на груди расплываются два красных пятна.

А пол под нами вновь подбросило. Раненный или убитый свалился на бронированный пол, пачкая его кровью.

Визг девушки, на одной ноте, долгий протяжный.

Надсадный рев, насилуемого водителем, двигателя.

Яростная сдавленная ругань Каспера.

Все перемешалось.

Третьяк, задыхаясь уже в голос крыл матом, сдавливая шею Каспера, тот пытается освободиться из захвата, потеряв пистолет, шарил в районе пояса, где у него находился нож.

Вот рука рейдера ухватила рукоять.

Я в одном стремительном прыжке оказался рядом, и изо всех сил опустил ногу в тяжелом туристическом ботинке на руку противника крестного. Тот дернулся, лицо исказила гримаса боли, а пол неожиданно вновь замер под ногами. Инерция потащила меня вперед, не удержался на месте. Подался вперед, пригибаясь, и врезался головой в спинку пассажирского сиденья рядом с водителем. Хорошо, что был в каске.

Дезориентированный вскочил, разворачиваясь, выхватывая Ярыгина.

Что-то орала рация.

В это время «Тайфун» окончательно затормозил.

— Суки! А ну все на пол! Прекратили я сказал! Или всех тут положу! — проревел водитель, резко вставая и разворачиваясь лицом к разыгрывающемуся действию, и уже с автоматом в руках. Видимо желая увеличить вес аргумента, передернул затвор, отчего выброшенный патрон, вертясь в воздухе, звякнул о броню пола.

Напуганная девушка продолжала кричать, но уже не на одной ноте, а прерываясь, набирая воздуха в грудь. Из наушника рации же несло:

— Третьяк, Третьяк, ответь, что за, млять, у вас там бардак?!

— Все нормально! — сдавленно ответил тот, отпуская жадно хватающего воздух ртом Капера, — Свежак в минуса ушел. Случайность.

— Да что за, хуета?! — а дальше в нескольких коротких фразах Гранит обрисовал, что сделает со всеми, каким образом и какие использует для этого средства.

Я же бросился к неандертальцу, так и не получившему своего второго имени, но уже слабо подававшему признаки жизни. Руки и ноги его мелко подрагивали, похоже предсмертные конвульсии, попытался нащупать пульс.

— Люгер, оставь его, — не обращая внимания на автомат водителя, поднялся на ноги Третьяк, — Мертв он! Погас!

— Как погас?

Все вокруг было залито кровью, запах пороховой гари забивал собой все.

— Дар у меня. Чувствую живых. Он пропал! — односложно ответил крестный, а затем с ненавистью посмотрел на противника, — А ты, мудила, живи пока, но помни, урод, свежак на твоей совести...

И хотел пнуть в бок усевшегося уже на заднюю точку рейдера, дышащего будто загнанная лошадь. Однако Каспер ловко перехватил его ногу, повернул, дернул на себя и опять они покатались по полу.

— Я тебя, сука, задавлю, — сдавленно шипел Третьяк.

Вновь закричала девушка, лицо перекошенное, в глазах слезы. Страх. Мать, вашу же мать, да что творится-то?

Водила что-то тоже орал. Но эффект от его угроз был нулевой.

Я шагнул к борющимся рейдерам.

Выбор теперь простой.

Приставил пистолет ко лбу Каспера и усилил нажим ствола.

— Еще дернешься, завалю, — сказал, и понял, действительно нажму на спуск. Злости на этих придурков столько, голыми руками порвал бы, — Ты тоже, Третьяк, давай бери себя в

руки, не девочка, — скомандовал, тот медленно оторвал руки от шеи Каспера, развел их, выставив перед собой ладонями вперед, а рожа злобная. Медленно встал, сделал шаг назад.

- Успокоился? Или веса в мозги добавить? — обратился я уже к рейдеру.

Тот, с ненавистью буравя меня взглядом, кивнул.

— Это хорошо!

Я убрал пистолет от его головы, но не спешил прятать оружие в кобуру, наоборот, держал так, в любую секунду готов открыть огонь.

Водила, срываясь на мат, докладывал в общий о том, что произошло. В его интерпретации история с дракой звучала довольно коротко, но очень емко: «Гранит, эти мудаки ебнулись!».

Каспер не сделал попытки потянуться за оружием, вполне возможно этого и ждал крестный, чтобы пристрелить того со спокойно совестью, а лишь сплюнул кровавую слюну, вытер губы тыльной стороной ладони:

— Запомни, Каспер, мы не закончили, — опять влез Третьяк. Вот что неймется товарищу?

— Запомню, я хорошо это запомню! — тот смерил крестного злым и каким-то мечтательным взглядом. С другой стороны все ясно, врагами стали настоящими, и в случае чего тот же Каспер в спину выстрелит Третьяку. Про последнего не знаю, непонятно до сих пор, что за игры он затеял и для чего. Когда же неясна конечная или промежуточная цель действий другого человека — ошибиться легче легкого.

— И правильно! Хоронить мужика ты тоже будешь. И еще примета есть, кто обидит свежака, тот долго не проживет. Вот и посмотрим, как она действуют или нет, суеверия это или же Законы нашего существования, — крестный победно осклабил.

— Ты бы пасть захлопнул, а?! — начал снова заводиться Каспер, но видимо отметив, что силы неравны, замолчал. Впрочем, Третьяк тоже не сказал больше ничего.

Убитый же смотрел на меня снизу вверх широко раскрытыми глазами, в которых до сих пор читалось изумление. Я закрыл их, присев рядом с мертвецом на корточки. Походя отметил, что мои сумки с хабаром, итак чистотой не блиставшие теперь еще и изгвазданы в крови.

Не знаю почему, но рассматривая неандертальца, меня проняло до печенок. И дело не в самом факте наличия трупа, которых я видел предостаточно, и, похоже, еще насмотрюсь, если сам не погибну. Дело в глупости этой смерти. На ровном месте, даже не от тварей, не от бандитской пули, а попав под случайный, заведомо дружественный огонь. Живешь так, живешь, из такого вроде бы дерьма выпутался, планы какие-то начал строить — два выстрела из-за двух строго по водителю «мудаков» и такого же дебильного спора из-за невнятного «скреббера», и точка. Жирная, сука, такая точка. Во всем! Нет больше ничего, и ничего не будет. Здоровый мужик, мощный, спокойный, да на нем пахать можно было, сейчас остывал.

— Люгер, за мной! Люгер?! Ты чего завис, — рывок Третьяка за плечо, привел в чувство, — Давай, давай, не морозься! И ты тоже, — почти с ненавистью обернулся к Касперу, на роже которого сейчас читалось огромное желание убивать. Он шумно через нос выдохнул, хотел что-то сказать, но затем нацепил вечную уже наглую улыбочку на лицо.

Массивная стальная дверь десантного отсека медленно опустилась вниз.

Относительно команд, отдаваемых водителям, их построениям и действиям на случай какой-либо угрозы, меня никто не просвещал, причем, весь инструктаж, по большому счету

заклучался в простом — «делать, что скажет Третьяк или кто-то из других рейдеров-старичков». И чем больше я смотрел на эту банду, тем больше понимал, что несмотря на наличие какой-то даже субординации в отряде, отменной личной боевой выучке практически всех рейдеров, огромном опыте выживания в Улье, на воинское подразделение они не тянули от слова совсем. Сбитая в кучу, пусть и не баранов, но разношерстная компания, на мой взгляд, только чудом оставалась в живых. Может это командир так всех расслабил, так как мелькало в разговорах о какой-то его личной трагедии, а, может, всегда так себя вели — просто везло. Дары, помноженные на Удачу, привели к тому, что на них только полагались и на остальное внимания не обращали. Второй уже прокол реальный. Первый с засадой, а здесь на ровном месте потеряли человека. И отношение к ЧП примерно как в известной поговорке — умер Максим и хер бы с ним.

Построение «Орда» оказалось незатейливым, но, похоже, испытанным не раз. БТР с Дохлером, который уже колдовал на крыше, находился в центре, а его окружала техника так, чтобы в случае чего рассыпаться в разные стороны не мешая друг другу, при этом имея возможность вести по секторам огонь из орудийных башен боевой техники. Я так понимал, что все дело в даре рейдера, который мог ставить завесу невидимости или еще чего. Судя по разговорам, когда работал Дохлер, зараженные не видели предмет вожделения — вкусное и еще живое мясо. Но его умение ограничивалось куполом радиусом тридцать метров. Сам эффект наблюдать еще не доводилось. Был и нюанс, на момент применения дара, те зараженные, которые оказывались внутри прикрываемого пространства, вполне все видели, чуяли и вели себя соответственно.

Сейчас несмотря на общие пухлые формы и обычную несерьезность, в облике Дохлера нет-нет и проглядывал хищный зверь, готовый к прыжку. Подобрался, собрался. Рядом уже находилась неразлучная парочка — Москвич и Кашган, которые с оружием наизготовку наблюдали за окрестностями.

— За мной, — снова скомандовал Третьяк и полез по металлической лестнице на крышу нашего «Тайфуна». Здесь, упав на живот, присмотрелся куда-то вдаль. Я последовал его примеру, а рядом со мной бухнулся Каспер, видимо не очень удачно, так как сдавленно выругался.

С крыши было видно, что недалеко позади, оцетинившейся и сбившейся в боевое построение колонны, рядом с обочиной валялось две туши зараженных. Или матерые кусачи, или руберы. Видимо их из КПВТ и ПКТ достали. Не зря же они грохали.

— Вон! Туда смотри! — коротко бросил крестный и ткнул пальцем в сторону, куда требовалось.

— Твою мать, орда, — сразу же оценил обстановку Каспер. Затем достал из подсумка бинокль всмотрелся.

В полутора километрах впереди, какая-то темная масса медленно ползла по полю. Сначала я не понял, что же вижу на самом деле, а когда мозг обработал информацию, то холодок пронесся от позвоночника к затылку. Чернота, которая расползалась по земле, оказалась ничем иным, как тысячами, а может десятками тысяч зараженных. Тоже достал бинокль.

Мда, кого здесь только не было, начиная от еле-еле бредущих пустышей и заканчивая огромными монстрами, которые были всей элите элита. В высоту не менее четырех-пяти метров, гориллообразные, покрытые костяной броней, шипами, часто имели ассиметрично развитое тело, и хоть мелких деталей разглядеть не удавалось, но мороз по коже шел

знатный. Эти твари смотрелись волкодавами, которые вдруг удивительным образом оказались в своре болонок или пикенесов, хотя часто встречались и экземпляры двух и трехметровой высоты, но от них не шел такой аура зловещей силы. Делалось не просто страшно, а жутко, до шевелящихся на затылке волос, и мороза по позвоночнику, тем более мне уже довелось видеть, пусть и меньших их собратьев в действии.

— Заметят, нам хана, — констатировал Третьяк, и опять зло посмотрел на Каспера, будто во всем был виноват именно он.

— Да, что ты на меня все пялишься, это, твою мать, всего лишь совпадение, — зло отчего-то шепотом сказал тот, хотя в глазах уже была видна растерянность.

— Посмотрим, не сдохнешь, из-за свежака в течение недели, сам так и скажу. Но сейчас, — крестный ухмыльнулся, — Я готов поспорить с Люгером, на черную жемчужину, что ты не протянешь и двух суток. Забьемся? — посмотрел он на меня.

— Я пас, — отрицательно мотнул головой.

— Вот видишь, Каспер, язык кого-то до Киева доводит, а тебя до могилы. И да, держись подальше от нас с Люгером. Желательно от всех подальше. Не хочется по твоей милости под молотки попасть.

У меня складывалось ощущение, что Третьяк не шутил, он действительно похоронил Каспера. Вот он вроде бы живой, относительно целый, бодрый, и ничего выходящего за рамки обычной их рейдерской жизни не произошло, но после слов крестного на лице рейдера промелькнула какая-то обреченность, сам же он нет-нет и смотривал затравленно.

А твари тем временем все брели и брели. Шли они медленно, видимо принаравливаясь под пустышей. Вообще, зачем они им нужны? Толк, как от боевых единиц практически нулевой. Но в количественном соотношении их было в разы больше, чем тех же жрачей. Или твари никуда не торопятся? Этот вопрос и озвучил Третьяку, когда тишина стала совсем зловещей. Не люблю такие моменты, хоть и не барышня, но на нервы давит.

— Так это же их провиант. Ну, типа консервы. Где на всю эту прорву жратвы набрать? А путешествуют они порой не по одной сотне кэмэ. Вот и получается, что собирают по окрестностям всех пустышей и двигают. Проголодались, заточили парочку, ну или пару десятков. Сожрали всех, а дальше вверх по списку, по пищевой цепочке. В конце останется только один, — и заржал. Надо же, хоть кому-то весело.

Я вновь посмотрел на Каспера, тот прилип к биноклю, двигал зачем-то челюстями, а на лбу выступил обильный пот. И от бывшего боевого задора не осталось следа.

— Никогда такую огромную стаю не видел, — прокомментировал он, обращаясь ко мне, — Позавчера тоже чуть не нарвался, но там всего штук сто было.

Третьяк только зло хмыкнул на эту реплику.

Глава 2. Знаки

Похоронный ритуал в Улье малознакомых людей сводился к простому действию — вытащили тело из машины, положили на обочине. Все. Особо циничным, на мой взгляд, смотрелись действия Каспера, который предварительно снял с мужчины пиджак, и затер им кое-как с разводами лужи крови. Затем без всякого пиетета, довольно небрежно, набросил его на лицо покойника. Постояв рядом несколько секунд, вновь залез в «Тайфун», вернувшись с колуном, вложил его в руку трупа.

— Чисто викинг, может и пригодится, кто знает, какие там Твари, — вроде бы сказал серьезно, но в глазах так и плясали веселые огоньки, я бы даже сказал с толикой безумия, — Извини, мужик, не хотел. Честно... Но, видимо, судьба у тебя такая.

Попрощался вроде бы. Вот так. И никаких заламываний рук, плача или чувства безмерной вины. Умер Максим и хрен бы с ним.

— Так и оставим? — кивнул на труп, обращаясь к Третьяку. Хотелось услышать, внятный и исчерпывающий ответ на вопрос: зачем зарезанных прикармливать?

- А что с ним сделаешь-то? Закапывать — бестолку! Глубоко — времени нет, да и кому это надо? Всех не закопаешь. Неглубоко или землей присыпать, так учуют и разроют даже пустыши. Смысла нет, короче. Кластер здесь стандартный, если долежит до перезагрузки, то исчезнет, как и не было.

Я закурил. По-прежнему стояли на месте. Растянувшаяся орда продолжала двигаться куда-то на юго-восток. Наблюдать за ней всем уже изрядно надоело. Интересно только первые десять — пятнадцать минут. Высшие зараженные, хотя тут уместней будет суперэлитники, были в авангарде и уже скрылись из вида за редким пролеском, который клином врезался в пшеничное поле. Низшие же продолжали брести. В хвосте этого сорища, словно погонщики стада, находились хоть и жемчужники, но по сравнению с первыми, пока еще только вступившие на путь превращения из очень опасных тварей, в мегасуперопасных. Эта чернеющая на золотом фоне пшеничного поля масса перемещалась довольно медленно, все же пустыши — это не спринтеры. Но в целом, Гранит уже дал отбой тревоги, точнее, снизил уровень угрозы с красной до желтой. И лишь один Дохлер работал, оставаясь на башне БТРа, продолжая прикрывать нашу разношерстную компанию от взглядов мертвецов.

Третьяк с сумрачным видом достал остатки жвачки из подсумка, сплюнул, и с явным сожалением, что больше нет, зажевал всего одну подушечку. По мертвому новичку же сейчас горевала только девушка. Крестный держался в стороне, демонстративно не замечая своего недавнего противника — Каспера, тот отвечал тем же. К трупу подошел Гранит, присел на корточки, приподнял пиджак, долго зачем-то всматривался в обескровленное и от этого очень бледное лицо, вновь прикрыл его. Но сделал это не так, как пусть и случайный, но убийца, а бережно, аккуратно. Мазнул злым взглядом по Третьяку. Даже не злым, а ненавидящим люто, безмерно. Это я отчетливо отметил. Короткий миг, доля секунды, и вновь маска без толики эмоций. Надо же, вроде бы пистолет не крестного выстрелил.

Собрав вокруг себя всех участников действия в «Тайфуне», Гранит приказал доложить о деталях происшествия. Внимательно выслушал короткую сбивчивую речь водителя, затем спокойный в нескольких фразах рассказ Третьяка, мой доклад и Каспера:

— Мля буду, Гранит, не хотел я! Как-то получилось так... Не повезло, считай просто свежаку...

Командир только ругнулся сквозь зубы.

— Как дети! Еще подобное и лично каждого грохну. А ты, Третьяк, зачем там назначен? — задал вроде риторический вопрос, но тот, кому он предназначался, уже направлялся к стоящей рядом с убитым девушке. За ним разошлись водитель и Каспер, каждый занялся своим делом. Гранит вновь не смог совладать со своими эмоциями, лицо обезобразила злобная гримаса, смотрел он понятно куда. Странно, неужели винит во всем крестного? Или это у них такие личные отношения? Тогда зачем брать в отряд, того, кого терпеть не можешь? И это взаимно? Возможный дружественный выстрел со спины бодрит? С другой стороны, с умением просчитывать на раз собеседников, улавливать их эмоциональный фон, различать правду от лжи Третьяк мог бы и не допустить свары, а уж тем более не принимать в ней самого непосредственного участия. Хотя тоже всегда надо брать в расчет и то, что человек существо иррациональное, здравый смысл имеется у большинства, но часто все заслоняют эмоции. Мог им поддаться крестный? Да, легко, он ведь тоже порох, только спичку поднеси! Вывести же из себя можно любого человека разумного. Был и другой довольно неприглядный момент в данной истории. Может он специально на это Каспера подбивал? Смысл? В чем его выгода от смерти пусть и случайного «свежака»? Дорогу он точно не успел Третьяку перейти. Негде было. В качестве подставы рейдера тоже такой момент не играет: никто не кидался с обвинениями на Каспера, не грозил кулаком, не плевал в спину. «Делать вам нечего. Чего с Третьяком сцепились?» — вот вся реакция широкой общественности, выраженная словами Москвича. Сам виновник трагедии тоже особых чувств не испытывал, душевными страданиями не терзался. Обычный его день в Улье.

Опять разыгралась моя паранойя. Боюсь я, кроме того дерьма, в которое уже влип, оказаться еще и вовлеченным в чью-то гнилую игру, а без досконального знания местных раскладов — это раз плюнуть. Не люблю быть пешкой. С другой стороны, а кто любит? И кто кого спрашивает? И ведь посмотришь на крестного — ну, просто образец честного рейдера, живет по понятиям, точнее, по неписанным законам и уложениям Улья, прямой, как рельс, целеустремленный, словно гвоздь на двести. Вот только у меня такой аспект вызывает еще больше разных мыслей, не скажу, что хороших, как и возможных комбинаций. Но это мысли, они могут быть далеки от реальности. Достал еще одну сигарету.

— Приглянулся, видимо, ты Третьяку, — сказал сквозь зубы неожиданно Гранит, после обоюдного минутного молчания.

— Да? — дежурно переспросил я.

— Сто процентов. Ты ведь его третий крестник за всю жизнь в Улье, а он здесь ой как давно, и вот что я тебе скажу, Люгер, — командир поиграл желваками, словно желая выплюнуть, какую-то истину, я приготовился, но тот неожиданно закончил, — Нормально действуешь, вот что! Так и продолжай. И за нами не заржавеет.

И ведь явно хотел сказать что-то совсем другое, но передумал в последний момент. А может тоже специальные недомолвки, чтобы рознь посеять между мной и крестным? Отношения у них, как говорится, сложные. Вот теперь думай и гадай. Ладно, черт с ним, на заметку возьму. Там видно будет, тем более один интересный нюанс он все же выложил. Пока начальство не придумало еще что-то, поспешил уйти к уже родному «Тайфуну».

Солнце уже хорошо припекало, воздух прогрелся, стал теплым, легкий ветер же был наоборот чуть прохладный, бодрящий. Свежий, свежий. Вдыхаешь полной грудью, несмотря на сигарету, и все запахи чувствуешь. Люблю такую погоду, а вот мороз ненавижу, снег

также, а от поздней осенней хмари, вечной слякоти и вечного же холода, меня вгоняет в депрессию, густо замешанную на злобе, — везет же неграм!

Возле мертвого неандертальца так и продолжала стоять девушка, рядом с ней находился Третьяк. Она беззвучно всхлипывала, отчего худые плечи вздрагивали, кусала бледные, чуть припухшие губы. Крестный, будто решившись, сделал небольшой шаг, приобняв скорбящую, прижал к себе. Та уткнулась лицом в его широкую грудь. На мой циничный взгляд, эти слезы проливались по убитому лишь отчасти. Любовь? Вряд ли. За сутки, да в компании. Хотя может они до встречи с Каспером успели победовать? Скорее всего, это был плач по своей прошлой жизни, по своей разрушенной в один миг судьбе, когда густой туман, противно воняющий химией и щиплющий язык, будто на него плеснули муравьиной кислоты, неожиданно засвидетельствовал перенос в мир Стикса.

И меня тоже ведь проняло поначалу, но не из-за смерти свежего жителя Улья, а скорее от какого-то осознания, что наше бытие брэнно, оно настолько зависит от ветреной удачи, что даже легкое дуновение может привести к смерти. Вроде бы произносишь при случае подобные фразы дежурно, смысл их понятен, ясен, но веры в сказанное нет, что ли. Даже не так, некое осознания истинности. Явление понимания некоторых жизненных смыслов носило характер временный, сейчас мне был глубоко безразличен и незнакомый мужик, и его глупая смерть. Больше занимал вопрос, долго ли мы еще здесь торчать будем и хозяйственные мысли, что надо бы раздобыть поджопник. Несмотря на отличную погоду, земля еще не прогрелась. И словно услышав мою мысленную ругань, в наушнике в общем канале раздался голос Гранита:

— Через десять минут выдвигаемся!

Но, как обычно, Улей внес свои коррективы. На расстоянии около километра по направлению нашего движения было пересечение главной дороги с проселочной. Неожиданно откуда-то возле него оказались два супермегаэлитных монстра. Как они там очутились — со мной никто не поделился, а начало действия я просмотрел. Мы вновь оказались на крыше «Тайфуна». Хвост орды же уже исчез, потерялся где-то в полях и просторах. Только две твари возле знака «Главная дорога» принюхивались, осматривались. Поведение их напоминало обеспокоенность животных. Ходили кругами.

— Че им там надо? — сплюнул в сторону Каспер, — Вымахали с елку, один черт, мозгов с гулькин нос. Я вот, что думаю...

Неожиданно заговорила на общем канале рация голосом Дохлера, в котором сквозили нервные и отчаянные нотки:

— Гранит, гасите их! Я не продержусь! Не смогу! Мощные твари!

— Дохлер! Держись, твою мать, — сразу же ответил Гранит.

— Что Дохлер?! Гасите их, я сказал! Или все ляжем, с гарантией!

Рядом зло ухмыльнулся Третьяк, посмотрел на меня, затем перевел взгляд на Каспера, лицо которого вдруг сделалось бледным-пребледным. Руки стискивали на автомат, сам же рейдер внимательно всматривался в бинокль на замерших возле знака жемчужников:

— Молись, Каспер, Улей весточку тебе персональную передает. Свежаков обижать нельзя!

Вот зачем еще нагнетать?

И тут же резко долбануло по ушам, первый раз, через долю секунды второй. Из транспортно-пусковых контейнеров рвануло пламя, а «Бумеранг» качнулся на огромных колесах. 152-мм ракеты с боевой частью в семь килограмм, способные превратить самый

современный танк в кучу дымящегося металлолома, неслись по спиральям, оставляя за собой шлейф, на встречу с мутировавшей плотью. Достигли целей они фактически одновременно. Рвануло. Пламя, дым. Что там происходило непонятно.

— Один погас! Долбите по второму! Тальк, по второму! Который на полтора! — заорал Дохлер, а в наушнике была тишина, зато я его отлично слышал. Похоже, как я и подозревал, особо секретные или необходимые переговоры происходили на других каналах. До рядовых залетных бойцов вроде меня полная информация о действиях отряда была недоступна. Еще одна зарубка. И сколько их уже?

И тут же несколько раз грохнула тридцатимиллиметровая пушка БТРа, подтверждая мою догадку. Две или три секунды тишины, может пять, и радостное Дохлера:

— Готов, готов!

Вновь стало тихо-тихо. Все замерли, я обернулся. Видящий уселся на башню, и сейчас рылся в подсумке. Достал небольшую фляжку, блеснувшую серебром, и, поморщившись, будто от выпитой водки, еще до первого глотка, глубоко вздохнув, приложился к ней.

— Теперь дружно молимся, если твари развернутся или припрется еще с десятков подобных — нам хана. Дохлер сдулся. Считай, на последних моментах на полную выложился, — прокомментировал ситуацию Третьяк.

— Сколько у него откат? — не отрываясь от рассматривания в бинокль, спросил Каспер.

— Часа три-четыре, если с допингом. Поэтому сейчас будем переть напролом, остальных использовать бесполезно. Слабо и недалеко светят, — отчего-то вдруг разоткровенничался крестный.

Рейдер, не ожидавший такого полного ответа, обернулся и недоуменно воззрился на Третьяка, тот хмыкнул:

— Что пялишься? Я просто уверен, что ты сегодняшней день не переживешь, а Люгер, он — свой. Ему это знать можно и нужно.

Во как... Я уже свой. И это пугало.

И тут же команда: «по машинам». Рванули без остановок, преодолев расстояние до убитых элитников. Команды покидать автомобили не было, да и двигатели никто не глушил, поэтому я перебрался на пассажирское сиденье рядом с водителем. Обзор отсюда был лучше, нежели задирать голову и смотреть через весь салон. Возле груд мяса, раньше способных совершать чудеса на ниве убийства человека разумного, копошились Москвич и Кашган, выглядевшие по сравнению с тушами, нет, ни лилипутами, но карликами точно. Занимались они потрошением споровых мешков тварей. Знак, привлечший внимание жемчужников, был вполне обычным — «главная дорога», если бы не одно но, в ромб был вписан квадрат, намалеванный настолько густой и черной краской, что, казалось, будто он поглощал солнечные лучи.

— Это что за народное творчество? — ткнул я, вроде бы получилось сказать даже чуть весело, а у самого на душе кошки заскребли, и противно так, как гвоздями по стеклу.

— Где? — водитель с процесса работы других, перевел взгляд на знак.

— Да, вон же, — и как его можно не увидеть?

— Знак как знак, — тот пожал плечами, — Главная дорога, с той стороны уступи. Чего не так-то? Ну, погнуло чуть-чуть взрывной волной.

— А на знаке ничего не видишь? — подозрительно спросил я.

— Говорю же, обычный знак, что ты там увидел? Ну, краска облупилась немного, дак не

мудрено, считай 9M133 это тебе не шуточки. Вообще, удивительно, что не снесло к чертям.

— Элита возле него нюхалась. Вот и думаю, чего она, — поспешил сдать назад я.

— Жемчужники творят, что хотят, а у этих чуйка похоже сработала, нас засечь пытались, — сзади подобрался Каспер, — Один раз, я наблюдал картину, в Семь-Семь кстати, ты же оттуда, так тварь чисто вроде человека, где-то плакат раздобыла, уселась возле фонтана и вроде, как читает, даже морду сделала умную. Очков только не хватало, а так вылитый профессор, — рейдер хохотнул, потом помрачнел, — Почти сутки из этого грамотея на крыше провел.

— А знак? — уже у него спросил я.

— Что знак?

— Ты никаких черных пятен на нем не видишь? — решил приоткрыть карты.

— Неа, — отрицательно мотнул тот головой, — Знак. Обычный. Вон с той стороны чуть краска обгорела. Ну да, чернота немного. Побило камнями и прочей дрянью... А когда элитники возле него кружили — новый был считай, даже краска не облупилась. Кластер недавно перезагрузился, по ходу. Тут дело не в знаке, Люгер, а в том, что они похоже почувствовали как-то Дохлера, вот и пытались вычислить.

По-пионерски честно ответил тот, подозревая видимо, что я пытаюсь найти зацепку, почему жемчужники именно возле знака крутились.

— Что за черное пятно и где? — тут же влез водитель.

— Да, вон, Каспер, говорит — обгорело от взрыва чуть-чуть, — соврал я, так как явственно и прямо здесь и сейчас видел черный квадрат на знаке, который был четко вписан в ромб «главной дороги», не заметить его мог только слепой. И тут возникает несколько версий: либо меня разыгрывают, но оба рейдера сразу, и не договариваясь друг с другом? Что-то не похоже. Или же у меня начались галлюцинации. Однако больше я ничего из удивительного не видел, абсолютно та же картинка, что и у остальных. Мда. И что вот делать? И жутко сделалось.

— А-ааа, — многозначительно протянул тот, — Так сразу и не заметишь.

У меня же вновь возник вопрос о происходящем. Что за хрень я вижу, и слова того же Бармалея: «Поймет знаки, будет жить долго» как-то так он сформулировал или «знаки подскажут»? Диктофон, мне нужен, чертов диктофон, и запись всего и везде. Практически всегда в той жизни с собой таскал, часто разговоры, прослушанные после, несли в себе информацию, которая ускользала от внимания во время беседы, что позволяло в итоге принимать наиболее верное решение. Вообще, непонятно, по какому-такому наитию, я нацепил бандитский амулет на шею? После разговора с Третьяком, он ничего не упоминал про медальон — это помню точно. Тогда достал его из под сумки задумавшись, повертел в руках, отметил только изменения температуры, когда берешь в руки или когда особо острый момент, но с последним может и мое воображение разыгрывалось. В потеплении же какого-либо непонятого предмета, после жемчуга, я не видел ничего странного. Может быть амулет-квадрат, вообще, из материала, из которого и потроха зараженных, изготовлен? И как понять непонятную хрень на каком-то знаке, который ты видишь после того, когда все свершилось? Кругом мозголомство, но такое жуткое, лед в от копчика и до затылка.

А, вообще, сегодня увидев многое, особенно Орду, стало становиться понятным, почему такие расценки за работу водителей и привлекаемых, вроде меня рейдеров. Да, действительно, не каждый согласится, даже за хороший хабар, так рисковать. Как там? «Не все так однозначно»? Если у матерых жителей Улья пот градом, не только от усилий

применения даров, но и просто от страха, как у того же Каспера, то тут даже не стоит говорить, что будет с новичками. Поэтому один вопрос или опасение, что наобещают рейдеры горы, а потом, как отпадет надобность, пулю в затылок и прикопают, точнее на обочине бросят, почти снялся.

— Сейчас мы куда? — задал, обернувшись, я вопрос Третьяку, который что-то рассказывал девушке.

— Уже недалеко, километров сорок еще пилить, там грузим защищенную электронику по заказу наших армейцев, берем одежку для себя, кому надо и напрямую к Северо-Восточному форпосту. Конечно, если все нормально пройдет. Но я так не думаю, — многозначительно посмотрел тот, на делающего вид, что дремлет Каспера, — Кстати, девушка выбрала себе имя — теперь зовут ее Ирией!

— Приятно познакомится, Люгер, — ответил я, улыбнувшись.

Тронулись. Вновь погрузился в мысли. Одолевали. И были какими-то безрадостными. Как говорится, куда взгляд ни кинь, всюду клин. Чертов черный квадрат заставил вновь вспомнить пророчества психа. Но кроме этой невнятицы, существовала и настоящая проблема, проблема, которая без всякой прочей мистики может стать решающей в обрыве моей линии жизни. Так, по словам Каспера, крестовики ищут самых результативных ловцов жемчуга, Цемент со своим походом к шлюхам с чемоданом потрохов высших зараженных, похоже, засветился. Дальше... А вот что дальше? Дальше, как крестовики смогли точно вычислить место, где орудовал тот, играя в зомби-ферму? Тоже проболтался? Или прошлись широким бреднем по местам возможного использования их наработок? Вопросы, вопросы, ответов же нет и никто мне не расскажет ничего, не принесет на блюдечке. Открыться Третьяку, выложить всю подноготную? Да, прямо сейчас! Товарищ крестный, тут такая ерунда, я знаю как... Ага-ага. На ровном месте ему не доверяешь. Например, зачем соврал про количество своих крестников, как там? «Всех их не упомяну, поменьше, чем у Цементы», которого кстати, оживить бы, убить, снова оживить, и снова грохнуть, желательно в таком виде, в каком Гогу. Так вот, слабоумием вроде бы Третьяк не страдал, поэтому двух других крестников он вполне должен помнить. Раз так, почему ложь? С другой стороны, просто ушел технично от ответа. Можно это даже объяснить следующим, хотя с большими натяжками, но как там у крестного мыслительный процесс происходил, я не знал. Например, чтобы меня чувство ложной городости не обуюло, мол, мой крестный сам Третьяк, у которого всего их таких трое. Опять же Гранит, что-то ведь хотел сказать, падла, уже рот открыл, но передумал. Или специально создал такую атмосферу? Чтобы недоверие заронить? Черт его знает... А не пошло бы оно все!

Пригород появился внезапно. Сразу за резким поворотом, скрытый густым березовым лесом, который последние километров десять, все гуще и все ближе подступал к дороге. Сначала мы долго тряслись по стабу, если судить по сохранности асфальтового покрытия. То тут, то там зиявшего провалами, наполненными мутной водой, после проезда первых единиц техники. Теперь же катились мягко и с ветерком, без остановок, тем более столь частых, как ранее, двигаться было одно удовольствие. Красномордый ловелас позади не на шутку разговорился с девчушкой, Каспер дремал или делал вид, а водитель держал руль одной рукой, лениво грыз семечки, кидая шелуху себе под ноги.

Как и в любом российском городе, сначала по обеим сторонам от дороги потянулись дачные участки. Домики, которые креативный советский человек лепил из всего до чего мог дотянуться на рабочем месте, а также воплощающими собственное виденье прекрасного,

сосуществовали с двух и трех этажными дворцами сплошь из красного кирпича, так любимого всеми в девяностые начало двух тысячных. Ближе к въезду новостроек становилось все больше и больше. Здесь уже перед особняками был проложен асфальт.

Возле бетонной будки с надписью «пост ДПС», наша колонна остановилась.

— Неисповедимы пути Улья, — недоверчиво хмыкнул Каспер, который сразу же оказался возле меня, заглядывая в бронированное окно. Настроение у него уже давно вернулось к привычному — злему, веселому и задиристому, — Впервые вижу столько сразу народу, тут часом не Тянушка?

Обернулся он к привставшему с места Третьяку, вытянувшему короткую шею, насколько она позволяла, и так же смотревшему вперед, на дорогу. Я ожидал, что крестный проигнорирует вопрос недавнего врага, но тот ответил, с некой растерянностью в голосе:

— Нормальный это кластер, вроде бы. Всегда был. Удивляться было с чего, шестнадцать человек: девять мужчин и семь женщин, строго по Пушкину — «цыгане дружную толпой», одетый кто во что горазд, бросились наперерез колонне.

Хотя бросились это преувеличение. Слабо заковыляли. Выглядели они хуже, чем французы, покидавшие Россию в 1812 году. В грязи, еле переставляющие ноги, поддерживающие друг друга. Хотя пара из них держалась довольно бодро, не в пример остальным. Один высокий и худой парень, в очках с нарочито огромной оправой, он даже стоя на одном месте рядом с Гранитом, о чем-то его спрашивающим, умудрялся как-то пританцовывать, поворачиваться, размахивать руками.

Хорошо, что не последовала команда на выход. Сначала все вылезут, потом залезут. Достало уже, так как на все требовалось время. И, вообще, меня уже начинали порядком раздражать эти мертвые сожранные поселения, складывалось ощущение, что никогда мы не доберемся до Острога, который уже представлялся мне эдакой средневековой крепостью на утесе, со рвом, подвесным мостом и прочими готическими атрибутами.

Впрочем, видимо командир был со мной солидарен, поэтому никто особо задерживаться не стал. Нас дергать тоже. Напоили свежих обитателей Улья живцом, после чего прямо на глазах они стали приходить в чувства.

— Малинник, — осклабился Каспер, облизав губы, и хлопнул меня по плечу, когда в "Тайфун" тоже погрузили пятерых девушек, и одного парня. Я перебрался в салон, ближе к своему имуществу.

Две дамы, видимо предпочли добираться со своими спутниками в чреве БТРа. На нашу беду, к нам попал именно вертлявый живчик, — парень был или по жизни такой — с головой дружил мало, или это у него общий шок, но болтал без меры, в оценках придерживался категоричных принципов. Сразу, узнав прозвище, принялся поучать Третьяка, что мол, кто так кобуру на бедре носит? Неудобно же. Столкнулся взглядом со мной, но решил промолчать. Все же я выгляжу, как страшный сон из подворотни для такой публики.

— Ты хипстер? — спросил крестный, подозрительно поглядывая на довольно интересные штаны, не знаю модные или нет, я всегда предпочитал классику, но частенько видел такие. Нет, не в Африке, там народ все же проще, ближе к земле. Так вот, у человека, даже начала XXI века, могло сложиться неправильное впечатление и неприятное ощущение, что надевший такую конструкцию, не успел ее пару раз снять во время справления большой нужды.

— Да! Какие-то проблемы? — вполне бодро поинтересовался тот, похоже, опасение

вызывал у него только я, так как в мою сторону этот интроверт даже не смотрел, взглядом старался не встречаться. Хотя на Каспера или Третьяка пялился с удовольствием, пытался и за оружие ухватиться, которое рейдеры отводили от шаловливых ручек. Ощущение, ребенок лет пяти, которого избаловали донельзя.

— Не любит он хипстеров, — ткнул в меня пальцем крестный, переведя стрелки, — Вон, — его палец вновь указал на плохо затертые Каспером пятна крови, — Тоже здесь хипстер был, болтал, болтал. Вот он молчал, молчал, а потом... Раз, — Третьяк резко навел фигуру из пальцев в форме пистолета на парня, надо сказать, что отпрянул не только он, но и часть прибывших девушек, — В общем, тут недалеко — вытащили и выбросили тело. А что делать-то? Две дыры. Одна вот здесь, — ткнул он пальцем в живот парня, — а одна вот тут, — указал на левую грудь.

— Вы ведь шутите? Да? — недоверчиво спросил парень и опасно посмотрел на меня.

— Ты у нее спроси, — палец Третьяка остановился на девушке, — Но я бы на твоём месте сидел и молчал, или спрашивал только по делу.

— Так почему вы у него оружие не отберете? — недоуменно воззрился на крестного хипстер, но в глазах промелькнула эдакая хитрая искорка понимания, задоринка ли, мол, знаю, знаю я ваши шуточки!

— Потому что мы сами такие же! — осклабился наигранно зло Каспер и, задрав, голову к потолку заржал да весело так, задорно. Хорошо, когда хоть у кого-то все хорошо.

— Каспер, заканчивай, — вмешался Третьяк, прекрасное настроение рейдера, похоже, было ему, как серпом, затем посмотрел внимательно на парня, — А ты сядь на место! Заканчивай мельтешить! Взрослый уже вроде мужик, в общем, возьми себя в руки!

Эта реплика окончательно «успокоила» парня, обидев не на шутку. Дамы, прибывшие с ним, поспешили выступить в защиту: «да он нас спас!», «он Леночке помог», «так нельзя!» и прочее в том же духе. Прекратить галдеж удалось не сразу. Я же в дела рейдеров не вмешивался и не лез в разговор, сам человек тут новый. И не люблю заниматься просвещением. Девушка, до этого усевшаяся на сиденье рядом, и даже пытавшаяся завязать разговор, представившись — «Алиса», но услышав ответ: «Люгер», постаралась тогда отодвинуться, теперь, после всех реплик о моей кровожадности, пусть и оказавшихся шуткой, вовсе прижалась к подруге. С другой стороны, шутка то шутка, вот только плохо затертые потеки крови на полу, оружие в руках, моя хмурая морда, которая не могла принадлежать законопослушному гражданину, что даже Дохлер отметил, отпять же тактические очки, скрывающие глаза — все это говорило о доле истинности в словах рейдеров. И если пока еще никого не прибил, то в ближайшем будущем за этим дело не встанет.

Наша колонна медленно, с пешеходной скоростью, ползла по улицам. Чем обусловлен данный факт — я не знал. Но с вопросами не лез. Или догадаюсь сам, или же спрошу потом у Третьяка, когда один на один останемся. По моему скромному мнению, надо было резко подъезжать к необходимому зданию, оперативно грузиться и валить, валить к чертям отсюда в обжитые места.

Третьяк, с большим трудом добившись своей цели — всеобщей тишины, если данный термин применим к пятерым представительницам прекрасного пола, добавившимся к нашей Ирии, и одному не совсем адекватному, по местным реалиям, индивиду, начал вещать об общих чертах жизни в Улье. Говорил, любо-дорого послушать. Кратко, четко, сопровождал свои описания примерами. Отвечал частично на вопросы, которые сыпались, как из рога

изобилия, и были самые разные начиная от вполне типичных: «как вернуться домой?» и «а если укусят, мы тоже зомби станем?», до категоричных заявлений: «Бл...ди, врете вы все! Верните нас домой быстро! У меня папа вас всех в асфальт закатает!». Горластой оказалась довольно милая, пусть и рослая, белокурая деваха, и была она не дочерью криминального авторитета, а вполне себе любимым чадом законопослушного депутата местной губернии, который сдавал декларации и жил по средствам.

Однако по мере рассказа Третьяка, с нее сползал один броневой лист за другим, маргарин плавился, пачка за пачкой, а у табуретов отваливались ножки [\[1\]](#), и, наконец, уже обычная девушка, напуганная и растерянная, горько заплакала, спрятав лицо в ладони. Парень тоже успокоился. Выяснилось, что фактически перед нами тот, кто всех собрал в кучу, обеспечивал едой и водой, какими-то медикаментами, а также лично убивший нескольких, пусть и низших зараженных. Для меня это говорило о многом, вспомнив свою первую славную битву, когда прыгун едва меня не сожрал, и это здорового, вооруженного мужчину. Вот так! А парень без всяких пистолетов, автоматов и клевцов, где палкой с гвоздем, где и вовсе строительным отвесом на цепочке, который продемонстрировал с гордостью, но забил шесть штук, и ведь по внешнему виду и поведению не скажешь. Штаны опять же...

— Я ведь «Ходячих» смотрел, а «Нация Z» — любимый сериал! В игры играл, тот же «DayZ»! Смотрю — мертвяк! За ним второй! Сразу все понял, как щелкнуло, больше всего боялся, что укусит и сам таким же стану... Аленка! — неожиданно, будто вспомнив, почти крикнул он, и тут же обратился к Третьяку, резко подавшись вперед, — Мужики, вы должны помочь! Вчера утром мы с Сергеем, Тamarой и Оксаной оставили здесь, совсем недалеко девушку. Ее покусал мертвец...

— Зараженный, — односложно ответил крестный.

— Да, какая разница! Мы, да и она, думали, что теперь Алена станет такой же. Убить ее рука ни у кого не поднималась, хоть и просила! За гранью зла и добра это! А так все признаки заражения налицо были! Как в кино — слабость, бледность... Это я сейчас понял, что ей необходим был как он, чем вы нас поили.... Живец! Да, точно, живец! А тогда подумали — все! И девушка хорошая. Ребят, я очень прошу, давайте сделаем доброе дело, она, наверняка, еще живая! Раз мы живы...

— Зачем нам она? — Третьяк безразлично посмотрел на хипстера. Тот зло воззрился в ответ, открыл беззвучно рот, закрыл. Замолчал, через секунд пять начал говорить, четко, с едва скрываемым гневом, и почти не размахивая руками:

— Во-первых, с женщинами у вас должно быть хуже, чем с мужчинами? Так? Выживать их должно меньше! А здесь имеется очень красивая девушка! Очень! Как бы ее описать-то лучше... Видели, наверно, Ким Кардашьян? Вот такая, почти один в один! — зашел с козырей парень, бесспорных для мужчин, по крайней мере, если та Ким и эта совпадала с моей реальностью, а вот для девушек такое «предательство» спутника стало вероломством еще тем. Пара из них, сейчас поморщилась брезгливо, уже почти с ненавистью взирая на того, кого несколько минут назад спасали от несправедливого гнева рейдеров, даже блондинка прекратила навзрыд рыдать по сломанной в одночасье судьбе. Подняла лицо, от слез ставшее довольно некрасивым, опухшим, открыла рот, ее опередил Каспер.

— Это с большой жопой которая? — у наших спутниц промелькнули на лицах победные улыбки, мол, я всегда знала, что...

— Да, она самая, брюнетка, глаза большие, губы пухлые, волосы шикарные, —

продолжал рекламировать оставленную девушку хипстер.

— Ты лучше скажи, какие у нее буфера?! Что мне ее глаза и волосы! Пусть хоть лысая будет! Рот есть, жопа есть, а с сиськами как? — рейдер мечтательно прикрыл глаза.

— Нормальные у нее буфера, вот такие, — резко ответил парень, изобразив уж совсем непомерные размеры, насколько рук хватало, и насколько позволяло пространство между, — Дело не в этом, она человек отличный...

— Ну, да-да, и как в живого человека этим самым тыкают? — развеселился уж совсем Каспер.

— Закройся, — Третьяк хмуро посмотрел на спутника, затем перевел взгляд на парня, — Ты тоже по делу говори. А то сиськи-пиписьки, человек... Зачем нам суетиться? Что в ней эдакого?

— Она очень умная, фармацевт, может помочь с лекарствами, медицинское образование, несколько статей в научных журналах. А еще она очень смелая! Для вас тоже может быть материальная польза, там, рядом ювелирный — наберете золото! И, охотничий... точнее рыболовный магазин, но там арбалеты есть, ножи, пневматика всякая, даже ПППШ кто закос под раритеты любит, одежда по обстоятельствам, прицелы и многое другое. Я там бывал месяца два назад! Поэтому видел своими глазами все. И я бы его сам вскрыл, но там какой-то мутант крутился. Здоровенный, не меньше двух метров высотой, рогатый, мощный... Для вас с оружием он не опасен! Вам разве не нужно оружие и золото? Понимаю, что пневматика это баловство, но стрелять учиться подойдет. Плюс, арбалеты, они должны быть востребованы! Пока вы грузитесь, я тем временем за ней сбегая...

— Далеко?

— Совсем нет! Тут чуть дальше метров через пятьсот, если также прямо ехать будем, перекресток будет, направо еще метров сто-двести. Можете, просто остановиться, подождать, а я сам за ней сбегая! Ну и какое-нибудь оружие мне дайте, хоть пистолет!

— Адрес? — Третьяк находился явно в раздумьях.

— Улица Пятьдесят лет СССР, дом тридцать два, там такая свечка девятиэтажка рядом. Вот в ней, снизу «Пятерочка», оставили в подсобке. Еды, воды, лекарств ей всяких я принес...

Третьяк потянулся к тангете рации. Односложно в трех фразах пересказал командиру суть разговора. Поморщился, видимо прилетело совсем что-то нелицеприятное. На общем канале же тишина.

— Гранит, да мне дела нет! Поступили данные, я доложил! Командир — ты! Вот и решай, — и через минуту, — Хорошо, хорошо. Ясно...

— Люгер, Каспер, и ты, — ткнул он пальцем в парня, — Готовьтесь, минут через десять-пятнадцать до нужного перекрестка доберемся. Сворачивать никто не будет, но двадцать минут у нас есть. Пойдем, спасем рядовую Ким, если она еще жива, конечно.

— Может и жива, сам видишь — считай всех тварей, кого в орду завербовали, а кто и в соседний кластер за новой хавкой подался, — выдал Каспер.

— Кстати, я — Алесей, можно Леха, — протянул руку хипстер.

— Пока ты никто, — смерил хмурым взглядом Третьяк раскрытую ладонь, отчего парень так и замер, на миг на лице промелькнула гримаса обиды, но он справился с собой. Крестный же продолжил, — Ты не куксись, спасем девчонку, может кто-нибудь и станет твоим крестным. Процедуру объясню. И да, это важно. А ты, Каспер, — ткнул он пальцем в порывавшегося что-то сказать рейдера, — Сиди тихо. Не порти свежаку реноме, да и

примета плохая, если давший имя сдохнет в тот же день.

— Опять ты со своим...

— Снова, — резко ответил Третьяк, — Готовимся.

Парень неожиданно для меня достал смартфон, довольно дорогую модель с большим экраном.

— Девочки! Говорим свои размеры! И не галдим! Лена — ты первая! Ничего не обещаю, но если попутно получится, то захвачу что-нибудь теплое, — скомандовал хипстер, быстро-быстро набирая на своем смартфоне, так — пальцы летали. Самое удивительное заключалось в другом, парню удавалось вычленять среди разноголосого гвалта необходимую информацию. Управился за несколько минут, потом обернулся к крестному — Мужики, мне бы тоже какое-нибудь оружие выдали, а?

— Умеешь? — спросил тот.

— А то! Я в тир ходил, почти каждые выходные.

Тот, покопавшись в сумке под ногами, протянул ему ПММ в кобуре, расщедрился и на пару магазинов. Все!

— Из автомата я тоже могу, — не стал стесняться парень, осматривая пистолет. Выщелкнул магазин, вернул его на место, передернул затвор, поставил на предохранитель, убрал в кобуру, которую прицепил на ремень. Прodelал он все сноровисто, быстро, видно, что действительно доводилось оружие не только на картинках видеть.

— А говномета тебе не надо?! — хохотнул неугомонный Каспер.

— У меня уже есть! Метнуть какаху?! — с вызовом посмотрел пацан. Надо же, а дух у него имелся. Нечасто так получается и строго по поговорке — первое впечатление обманчиво.

— Нет, автомат я тебе не дам! — вполне серьезно ответил крестный, ставя точку в разгорающемся конфликте, — Пойдешь, во-первых, под прикрытием, во-вторых, я не знаю, умеешь ли ты с ним обращаться. Сказать можно все, что угодно, и даже уметь разбирать-собирать. А любому из нас не очень хочется, чтобы с дружественной стороны прилетело. Еще раз повторяю, покажешь себя, разговор другой будет. Поэтому, собрался, подобрался, без лишней суеты, соплей, выполняешь приказы на раз. Понял?

— Понял, — ответил тот.

Нищему собраться — только подпоясаться. Тубус РПГ-26 за плечи, автомат итак на боевом взводе, магазины к нему все полные. Я их набил сразу же после стычки с бандитами, пистолет на месте, как и гранаты в подсумках, нож, клевец, к которому уже начал привыкать и который уже почти не мешался и не путался в ногах. Интересное штука время, так подумаешь, прошло после боя с мурами всего ничего, какие-то несколько часов, а сейчас казалось, что уже сутки, а то и двое миновали. Вот она насыщенная жизнь. За это время уже успели меня окрестить, едва не прибив при этом, бандита казнить, новичка потерять, и двух суперэлитников уничтожить, понаблюдать за ордой, встретить выживших, мне увидеть непонятно кем и непонятно для чего намалеванную дрянью на знаке.

Едва только колонна остановилась, как Третьяк приказал — «на выход». Пятьдесят лет СССР — типичная примыкающая к проспекту улица для российского города-миллионника. Зеленые насаждения, стеклянные витрины магазинов, редкие вдоль тротуара скамьи, ограждения проезжей части из железных труб. На дороге брошенные автомобили, троллейбус возле остановки, один рог отчего-то у него отсоединился от проводов.

И тишина. Давящая, на уши, разъедающая спокойствие, когда нет ни единого звука.

Подспудно ждешь чего-то плохого.

Тут и там выбитые стекла, иногда валялись какие-то брошенные сумки и пакеты, обрывки окровавленной одежды, хорошо так объединенные человеческие костяки. Не знаю, может, у зараженных есть какое-то свое чувство прекрасного, но поразил обглоданный человеческий череп, в широкополой шляпе лихо заломленной набекрень, скалящий зубы, и взирающий на нас с витрины дорогого бутика женской одежды, рядом с головами манекенов.

Передвигались мы от укрытия к укрытию. Прятались за машинами, киосками. Все сводилось к простому, добежать до нужного места, осмотреться, наметить маршрут. И вновь перебежка. Очередная остановка получилась за перевернутым автобусом, который протаранил ограждение, выскочив на тротуар, а здесь завалился на бок, врезавшись в пятиэтажное здание, первые этажи которого к удивлению не были отданы на откуп под торговые точки. Кругом все было засыпано битым стеклом, тут и там пятна от крови, кое-где человеческие останки. Вообще, этот запах разлагающейся плоти, казалось, пропитал собой даже волосы, нет-нет и вроде как откуда-то доносился, когда рядом и намек на остатки пиршеств зараженных не было.

Третьяк, выглядывая из-за жестяного угла кузова, внимательно рассматривал улицу — до нужного нам дома оставалась пара бросков. Уже была видна и сама «Пятерочка». Вокруг никого. Тут я услышал какое-то скуление из разбитого зарешеченного окна первого этажа. Похлопал по плечу крестного, тот обернулся, я кивком указал, куда надо было смотреть, потом руку приложил ладонью к уху. Вроде бы понял меня правильно, тоже замер.

— Проверим! — вынес он свой вердикт, — Странно это... Странно... Людей живых я могу почувствовать, на зараженного тоже не похоже. Да и не умеют они издавать такие звуки. Что за ерунда? Впрочем, дар у меня слабенький, еще и в этих городах сам черт ногу сломит, — прокомментировал, явно озадачившись, крестный, — Каспер, прикрывай, мы с Люгером проверим, ты свежак сиди тихо и не дергайся.

Парень кивнул, лицо сосредоточенное, пистолет в руках. Хипстер вот никак не походил на представителей из массы этих расхлябанных товарищей, зачастую лишенных элементарного инстинкта самосохранения.

— Но она там! Девушка! Вдруг опоздаем? — произнес он обеспокоенно, и мотнул в нужном направлении головой.

— Успокойся. Если до сих пор не умерла, и не сожрали, за пять-десять минут с ней точно ничего не произойдет. А здесь проверить надо, аномалия, мать ее размасть, — похоже, Третьяк сам заинтересовался, почему его дар дает сбой. Уверен, где-то процентов на семьдесят, если бы знал точно, кто там, даже бы не почесался лишний раз.

— Люгер, на минуту дай ресовский нож, — протянул он руку, ни на секунду не сомневаясь, что я выполню просьбу. Аккуратно, чтобы ненароком не задеть себя, в памяти еще отчетливо был образ бетонного постаменты, от которого пусть и когти, но такие же как этот девайс, отделили изрядный кусок вместе с арматурой, при этом без всяких усилий со стороны Третьяка.

Четыре ловких взмаха, решетку придержал я, затем еще пара движений и остатки стекла, вместе с частями алюминиевой рамы, пластиком, куском подоконника выпали наружу. Звякнули о бетонную отмостку. Третьяк, внимательно посмотрев на нож, сказал

— Шесть зарядов всего осталось. Так, что напрасно не используй. Давай, за мной!

Попали мы в самую обычную комнату полуторки. Небольшой беспорядок, но скорее

оставленный хозяевами, когда они покидали по своим делам дом. Следов борьбы не видно, крови тоже. Уже радовало. Скуление усилилось, оно явно шло с кухни. С оружием наизготовку, я первым заглянул туда.

На полу возле огромной красной и пустой миски лежала большая собака. Она чуть приподняла голову, вновь раздалось скуление. Довольно взрослый, но судя по морде, все же еще щенок среднеазиатской овчарки. Алабай, как мы их называли, хотя некоторые матерые собачники с пеной у рта доказывали, что это слово означает лишь определенную окраску у данной породы, а не ее саму. Вполне может быть и так, но с привычками спорить сложно.

Пес, отчего-то я сразу определил гендерную принадлежность, несмотря на худобу, смотрелся серьезно — здоровый, мощный и широкий в кости, с огромной пастью, откуда сейчас вывалился длинный язык. Эдакий маленький медведь, и не плюшевый. Шерсть короткая и густая со светло рыжими подпалинами на боках и спине, купированные уши и хвост. Широкая белая лобастая морда, глаза умные. Алабай вновь заскулил, и как-то обреченно вздохнул.

— Тьфу ты, псина! — выругался, выглянувший из-за моей спины, Третьяк — А я думаю, что такое?... Неужели дар отключился полностью? Вас вижу, здесь пустота. Короче, уходим, Люгер.

— А его так бросим? — ткнул пальцем в собаку.

— Ну, пристрели, коль жалко, а патроны у тебя бесконечные, или вон ножом по шее. Все лучше, чем живец переводить, — односложно ответил тот, осматривая внимательно кухню.

— Ему тоже живец нужен?

— А ты думал! Всем он нужен, по крайней мере, иммунным. Тьфу ты, — Третьяк посмотрел на меня, как на дурака, когда я снял с пояса флягу, — Неужели ты хочешь...

Как-то было плевать, что он думал. А, крестный, видимо почувствовав при помощи своего умения, что воздействовать на меня бесполезно, только скривился, будто проглотил минимум лимон. Морда вновь покраснела, как всегда, когда ему что-то не нравилось. Индеец херов!

Я же, присев на корточки рядом с собакой, приподнял ее голову и влил в полуоткрытую пасть грамм под сто живца.

— Осмотрю тут все, а ты скорее, времени мало, а нам еще девчонку надо проверить, — вышел в комнату он, откуда сразу же послышались звуки открываемого шкафа. Что хотел найти, непонятно. Я же за три захода спойл псу почти полфляги.

— Хороший, мальчик, хороший, — тихо говорил, почесывая алабая между ушей. Тот продолжал скулить, но менее обреченно, что ли. Да и, вообще, судя по всем признакам, приходил в себя. Нос, бывший сухим, теперь увлажнился, несколько раз, пока безуспешных, попытался встать на ноги, но получалось лучше и лучше.

— Как бы пристрелить псину не пришлось, сейчас оклемается окончательно, на нас кинется, так что давай скорее, Люгер! Сделал доброе дело, и пошли.

— Я его себе заберу.

— Это он тебя сожрет, а не ты его заберешь! Один — собачку, второй — девочку, третьему — куклу... Не рейд, а новогодний утренник какой-то в школе для дебилов! — проворчал тот, но видя, что мне безразлично, и я твердо намерен сделать озвученное, притащил откуда-то из прихожей здоровенный мешок собачьего корма, — На покорми его, и напои потом, а то еще тащить придется... Надо было тебя Гринписом крестить...

Пес уже неуверенно поднялся на лапы и теперь приняхивался ко мне. Затем лизнул протянутую руку, уткнулся головой в ладонь. Надо же, какой умный, сразу понял, кто его спасает тут. Я почесал алабая за ухом, тот же неодобрительно посмотрел на крестного, зло так, клыки оскалил, шерсть на загривке чуть вздыбил.

— Свои, свои, мальчик, — потрепал за холку я, ожидая, что сейчас еще и на меня зарычит, тогда придется оставлять, это все-таки не болонка или такса, а почти семьдесят кгэ мышц, нацеленных на убийство, точнее на охрану и защиту, вот только для другой стороны при такой пасти она вряд ли бы закончилась чем-то иным. Собака послушала меня, махнула огрызком хвоста виновато так.

— Ты, смотри, еще и скалится, — неодобрительно покачал головой Третьяк, и пригрозил псу пальцем, — Будешь на меня так смотреть — пристрелю. Хорошо запомни!

Алабай только зубы оскалил, но голос не подал, чем меня обрадовал до глубины души. Не нравился мне беспричинный лай.

Аппетиту собаки можно было только позавидовать — ел, а точнее, жрал он мощно, заглатывал, не жуя, словно понимая, не время для вдумчивого обеда. Затем жадно вылакал всю воду из моей фляги. Остатки корма, чуть рассыпав из целлофанового пакета, килограмма под три-четыре, я засунул в трофейную мародерку, которую захватил с собой. И нацепил ее с помощью Третьяка за плечи, в районе пояса находилась сейчас еще цементовская, которую я не отцеплял.

— Будешь Хеклером! — прежде чем уходить, потрепал по холке животное, которое опять выказала радость. Имя само пришло на ум, только глянул на собаку — точно Хеклер, — Давай, двигай за нами и тихо.

Скомандовал я, тот только посмотрел умными глазами, на секунду даже показалось, что все он понял. Вот так. Имея свой дом и мечтая всю жизнь о собаке, с моей работой возиться с ней времени бы не оставалось, завел получается тогда, когда нет ни дома, ничего. Причудливы жизненные изгибы.

Парень недовольно посмотрел на собаку, затем многозначительно и красноречиво взглянул на крестного, тот только пожал широкими плечами и ткнул пальцем в меня. В чем проблема-то? Не устраивает, что прихватил пса, вроде как зря время теряем? А меня кто-нибудь спрашивал, нравится или нет, мне спасать незнакомую девку, прикрывая ублюдка в штанах-обосранцах, которую он же, от великого ума, бросил умирать? Никто. Однако я здесь, рискую своей башкой, поэтому хоть слово против услышу — выбитые зубы хипстер будет собирать сломанными руками.

С огромным трудом справился с желанием пробить мощное пенальти свежаку в голову. Два широких шага, и тот же лоу-кик с правой. Тот как сидел на корточках, так и ляжет здесь же, а я добавлю по почкам и печени. Ощерился еще недовольно, собака его, видишь ли, не устраивает. На секунду даже представилась картинка, как парень от удара кубарем летит на асфальт, туда же пистолет, который он держал двумя руками, ствол был направлен вверх, ни дать ни взять спецназовец на задании. И хват рукояти вроде бы грамотный, будто на соревнованиях IPSC. Стоп, а ведь это очень характерная у него царапина-мозоль на большом пальце от предохранителя. И величина рук, как раз под Макаров. Надо же, и куда я все время смотрел, внимания на этот фактик не обратил.

С проснувшейся наблюдательностью стала уходить и злоба. Вообще, частью разума понимал, что со мной далеко не все в порядке, никогда эмоции у меня не выходили из-под контроля, как и так остро не ощущались. Вывести из равновесия Валь... тьфу, ты, Люгера, —

задача сложная. Да, вроде бы заводился на раз, так это выглядело и должно было выглядеть в глазах сторонних наблюдателей, действовал же, чаще по расчету, то есть когда того требовали обстоятельства, тогда и давал волю ярости. Не раз и не два, изображая вспышку немотивированной агрессии, на самом деле на пальцах мог пересчитать те случаи, когда именно злость затеняла все остальное и заставляла действовать. Здесь же... Какой я кстати здесь день? Если осознанный, то третий, а необдуманных и непросчитанных действий вагон и маленькая тележка.

И эти странные качели, когда чувства идут вразнос: от вселенской любви к ближним и безмерной тоски не пойми с чего, до с трудом сдерживаемых приступов безумия. То готов от умиления, чуть ли не рыдать, то хочется убивать всех, все и вся! И желательно кровушки, чтобы побольше, кровушки, да в разные стороны, с брызгами и криками боли!

Сплюнул в сторону, захотелось закурить.

Прошло не больше пяти секунд, а целый ворох и пласт мыслей пролетел. Надо будет очень осторожно и аккуратно поинтересоваться у Третьяка, нормальны ли такие перепады настроения у свежих обитателей Улья. Почему не спросить прямо? Не хотелось, чтобы меня сочли пусть и дружественно настроенным, но психом. Дебила даже хорошего, я бы сам попытался оставить максимум вооруженного ложкой, а давать ему в руки автомат, пистолет, гранаты и уберплюху, способную танки останавливать, от лукавого то. Смирительная рубашка, или вон пластиковые хомуты, которые выполняли здесь роль наручников, с последующей погрузкой в «Тайфун» и до местной богадельни, если таковая имелась. В противном случае, раз пуля в башку новичку — «примета плохая», высадить где-нибудь подальше, опять же оставить только клевец, и пожелать попутного ветра, а также удачи на ниве выживания.

Тем временем, чуть прищурившись Третьяк оценивал в один или в два рывка добираться до открытых сейчас стеклянных дверей магазина. Может я и ошибался относительно причин заминки. Крестный же бросил несколько обеспокоенных взглядов в сторону строящегося здания, метрах в ста впереди. Я тоже присмотрелся в том направлении. Вроде бы ничего... Стоп, а это что? Снайпер на седьмом этаже?! Потянулся за биноклем, картинка резко приблизилась. Нет, показалось, и не винтовка то, а труба обыкновенная, за каким-то чертом брошенная здесь, вместе с кучей непонятного строительного хлама, где местами поблескивали разбитые стекла. А невооруженным взглядом казалось, что кто-то залег с винтовкой.

Каспер же попробовал сунуться погладить пса, но тот отнесся крайне неодобрительно к проявлению нежных чувств от незнакомых граждан Улья, приподняв черные губы, показал острые зубы. А для предельной ясности добавил по-собачьи, глухо и угрожающе так: «rrrrrrrr».

— Дерзкий, — прокомментировал весело рейдер, отдергивая руку, ничуть не печалась такой показной нелюбовью.

— Не морозимся, вперед! — прозвучала команда.

До раскрытых дверей магазина добрались без всяких приключений. Третьяк даже успел доложить Граниту о наших действиях. Торговые залы были пусты, кругом творческий беспорядок, в том смысле, что складывалось ощущение неспланированного грабежа, хотя... тут речь скорее могла идти о краже. Например, вот здесь кто-то нагреб кучу сыров, творог, йогуртов, затем ему больше понравился шоколад, поэтому молочная продукция всей кучей отправилась на пол, и от нее теперь несло кислятиной. Но консервы оказались

привлекательнее, вот и шоколад оказался выброшен.

Чтобы попасть в подсобное помещение с российской Ким Кардашьян, необходимо было миновать винный и колбасный отдел. Последний сейчас создавал осязаемое амбре, к которому примешивалась вонь, гниющих фруктов. Запашок еще тот, как от мусоропровода. Когда до угла высокого стеллажа оставалось метра два, Хеклер, до этого послушно находившийся позади нашей компании, забежал вперед, замер, оскалив клыки и чуть вздыбив шерсть на загривке, словно указывая носом направление опасности.

Причина такого поведения стала понятна почти сразу. Возле запертых дверей в подсобное помещение, рядом с перевернутой покупательской тележкой на колесах, перетапывалась троица зараженных — два мужчины и очень толстая дама в длинной цветастой юбке, перемазанных в засохшей крови. Одному из мертвецов — длинному и тощему мужику в джинсовом костюме, видимо, повезло с пищей больше, он уже заметно стал меняться. Черты лица и без того резкие из-за худобы, теперь и вовсе стали острыми, хищными. Все лицо, по крайней мере, видимая мне с такого ракурса его часть, была покрыта засохшей красно-коричневой коркой, которая даже сейчас при резких движениях, осыпалась ржавой трухой.

Твари нас пока не услышали, передвигались мы тихо, а команды Третьяк отдавал в основном жестами. Сами же они шумно перетапывались, деловито урчали, топали, давили, на запертую изнутри дверь, иногда, видимо поймав вспышку проблесков сознания, долбили руками. С запахом тоже было все просто. Уже за два — три метра от зараженных несло экскрементами, застарелым потом, мочой и чем-то тухлым. Амбре стояло такое — удивительно, что глаза слезиться не начали. Физиология, мать ее так, и полные штаны, не в плане поговорки и не у меня, а в реальности у двух мертвяков джинсы были полнее некуда, и сейчас характерно обвисли в районе задницы, совсем, как у хипстера, который нервно вертел головой. Женщина, как обычно, находилась в более выигрышном положении.

Крестный на секунду замер рядом со мной, даже не поморщившись, когда вдохнул ядреную вонь, и улыбнулся довольно. И чего спрашивается, у него настроение вверх скакнуло? Девчонку даром нащупал? Живая?

Хрен с ними, есть задачи и более актуальные. Я без команды, опустив автомат, который повис на ремне металлическим прикладом вверх, потянулся за Ярыгиным. Но Третьяк неожиданно положил широкую ладонь на мою руку и, отрицательно мотнув головой, пальцем указал на клевец. Затем ткнул в сторону зараженных, перевел взгляд на меня, кровожадно резанув ладонью по горлу, довольно оскалился. Надо же, весельчак.

Каспер, наблюдая за этими пантомимами, привычно потянулся к средневековому инструменту, но крестный несколькими резкими жестами приказал ему прикрывать тылы. Затем многозначительно посмотрев на парня, ободряюще кивнул ему, погрозил кулаком псу. Тот, спрятавшись за мной, показал в ответ белые острые зубы. И тоже молча. Рейдер же ободрительно ткнул меня в бок, мол, давай не тормози.

Послать на три буквы? Так ведь сам подписался приказы выполнять. Ладно, хрен бы с вами, если что отобьют. До сих пор присутствовала у меня некая опаска рукопашной схватки. Памятна первая встреча с мертвецами, а еще я запомнил ту, нечеловеческую силу, когда с трудом мне удалось сдерживать мужика, которого пусть и не одной левой, но без особых усилий, будь он обычным, в бараний рог бы скрутил.

Вдохнул-выдохнул. Вот зачем этот геморрой? Есть же огнестрельное оружие, нет надо херню какую-то придумать. Взвесил на руке клевец, примериваясь и оценивая с кого

начинать. Выбор пал на подьевшего мужика, как самого матерого и опасного. И чего тянуть-то? Как там в классике? Раззудись рука? Замахнулся с одновременным шагом вперед и с силой опустил острый трехгранный клюв на затылок твари. Глухое «чвуак», рывок рукояти. А так нехило я засадил! Не только черепушку продырявил, но и проломил ее ограничителями в виде затейливо извивающихся змей или драконов, не разглядывал особо, не испытываю пиетета к подобным девайсам. Тут же рванул пробойник рыцарской брони обратно, но легко с таким же мерзким чавканьем вышел из головы твари, попутно разбрызгивая в стороны смесь мозгов, крови и еще чего-то противного, прозрачно-склизкого. Тело мертвеца, как мешок с картошкой, еще только складывалось, а я, чуть повернувшись и замахнувшись, как лесоруб, вонзил смертоносную железяку в висок тетке.

Хруст. Чавк. Зараженная сама соскользнула с острого шипа, повинуясь инерции, которую придал импульс молодецкого удара, заваливаясь в сторону последнего живчика. Не знаю верно ли я оценил степень угрозы, но последний мертвяк довольно ловко отскочил от туши, умудрившись в прыжке в сторону развернуться в мою сторону. Выражение у него было эдакое изумленно-восхищенное — «мы тут понимаешь, долбимся, долбимся, а еда вот она — руку только протяни». Затем он перевел взгляд на пол, одобрительно заурчал, заметив еще два тела. Радость в этом звуке была неподдельной. Затем поднял голову, встретился со мной взглядом. Опять что-то могильное, нечто злое и враждебное всему человеческому глянуло на меня оттуда, из глубины глазниц. Абсолютное зло? Нет, я бы так не сказал, скорее нечто настолько чуждое нам по своей природе, что поневоле вызывает подспудный страх. Этот взгляд гипнотизировал, завораживал. И мороз по позвоночнику сразу пронесся, волосы на загривке дыбом вставать начали, а ледяные мурашки не только по спине забегали, но и рукам, ногам...

— Уррррк, урррк! — оставшись довольным обстановкой констатировал мертвяк, и вытягивая руки, совсем по-зомбинному сделал шаг в мою сторону. Я, сжав крепче клевец, ждал зараженного, когда он сделает несколько шагов, чтобы встретить его как полагалось, с хлебом, солью и клевцом. Но не успел...

Стремительная тень, совсем как в классике, беззвучно выскочив откуда-то из-за меня, пронеслась в направлении мертвеца. Примерно семьдесят килограмм Хека, а это был именно он, будто кеглю сбили с ног живую падаль. А пес, в какие доли секунды, еще находясь в полете-прыжке, вонзил белые клыки в незащищенную шею зараженного, и приземляясь сверху, мотнул здоровенной башкой, отчего брызнувшая в разные стороны кровь, попала на меня, Третьяка, забрызгала и Каспера, который выругался, посчитав, что можно больше не соблюдать режим шумомаскировки. Пацан же, державшийся до этого молодцом, сделал три быстрых шага, а потом оперившись рукой о стеллаж с пивом принялся шумно плевать.

Собака же зарылась с утробным рычанием в разорванную шею, послышался отчетливый хруст, перемалываемых позвонков мощными челюстями. Затем Хеклер сам, без моего приказа, отошел от тела.

Я стоял без движения, пребывая в полном изумлении, в шоке ли, от того, какую машину смерти сам своими руками отпоил живцом. Пес же невозмутимо отряхнулся, а, затем, подойдя ко мне, уткнулся головой в наколенник, измазав его свежей кровью. Вильнул хвостом-обрубком, горделиво глянул — «видишь какой я молодец, хозяин».

— Молодец, молодец, хороший, — согласился с ним я, трепля за холку и шею, напоследок почесав между ушами.

— Не ожидал! Реально зверюга! — изумился крестный, добавив несколько непечатных выражений в конце фразы.

«Зверюга», обернувшись в его сторону многозначительно показала зубы, Третьяк же продемонстрировал увесистый кулак, покачал им.

— Ты мне еще поскалься, поскалься! Запомни, шавка, я тебе не пустыш, сам загрызу! — и не отводя взгляда, тоже показал десна.

Хеклер глухо зарычал, но смотрел в первую очередь на мою реакцию, мол, хозяин, только скажи, я его вмиг порву. Достал!

— Вы еще полайте друг на друга! Во будет весело! Чисто цирк! Только пока не начинайте, сча я поп-корн притащу, — вовремя влез Каспер, и заржал, да заразительно так, сука.

Парнишка, уже справившись с позывами своего желудка, деловито схватил за ноги толстую тетку, которая мешала проходу к двери, принялся оттащить в сторону. Та, оставляя за собой размазанное кровавое пятно, довольно легко проехала по гладкому полу метра два, где и была брошена. Странно, такое ощущение, что хипстер трупы сотнями с места на место перетаскивает, чего тогда блевал? Тот, как ни в чем не бывало, уже тащил убитого мной первого живчика, матерясь сквозь зубы на вонь. Загрызенный собакой проникновению в подсобку не мешал, поэтому удостоился только легкого пинка в бок, с пояснением:

— В рот кровь этой твари прилетела, когда собака ей горло рванула, вот и не выдержал. Не дожидаясь нашей реакции, принялся стучать в дверь.

— Алена, это я! Алексей! Леша! Открывай! Алена! Ты жива?

— «Открывай», — передразнил его крестный, отодвигая в сторону, а затем с резким выдохом ударил ногой на уровне замка. Та распахнулась, хлопнув по стене или чему-то там за нею, парень вновь залез вперед, ловко проскользнув между косяком и Третьяком, не успевшим поймать его за плечо.

— Дебил, мля! Давай, парни, резко! — махнул он рукой, заскакивая вслед с ВАЛом наизготовку.

Небольшой склад, ворота которого, внутрь двора жилого дома. Холодильник, стеллажи, полеты, коробки. Везде пусто — ни живой души, ни мертвой. Парнишка же, наученный крестным, тоже с нескольких ударов выбил еще одну дверь, которая привела нас в еще одну подсобку, которая для персонала магазина служила и гардеробной, и комнатой отдыха, и столовой. По крайней мере, здесь был длинный стол, диван, несколько стульев, шкафы и вешалки, старенькая микроволновка и электрический чайник, в углу стоял кулер.

Пока я просто осматривался, так как опасности не наблюдалось, Третьяк, отстегнул от пояса флягу, за шкурку, будто нашкодившего котенка, оттащил парня в сторону от дивана, где, тихо постанывая, лежала без движения девушка. Она действительно немного походила на упомянутую Ким. Такой же нос, большие темные глаза, которые скрывали простые очки с линзами в полсантиметра толщиной, пухлые губы сейчас сухие и растрескавшиеся, шикарные черные волосы, которые даже сейчас отливали на солнце, проникающим в зарешеченное окно, будто воронье крыло. Бюст тоже подходил под описание — уже точно не меньше четвертого размера. Даже лежа на спине, выделялись не какие-то холмики — горы! Да и задница, туго обтянутая джинсами, соответствовала кимовская, большая и видимо очень плотная. Вот только рост девушки был примерно метр пятьдесят — шестьдесят. Именно из-за него все достоинства нивелировались, превращаясь чуть ли не в

недостатки, хотя уверен, ценителей такой красоты было много.

— И это Крдашьян?! — чуть не завопил Каспер, высунувшись из-за моей спины.

— Это человек! — спокойно и даже с неким вызовом ответил парень, — Фармацевт, научный работник. Вон там ювелирный, чуть дальше «рыболов», — ткнул рукой в нужном направлении.

— Да кому они нужны! — досадливо отмахнулся рейдер.

— Буду в зале, — уведомил я крестного и одновременно командира. Один черт моей помощи здесь не требовалось, а надо было много еще чего взять. Например?

Водки пару бутылок, а лучше коньяка, живец развести, мои припасы сожрали и вылакали, а что не съели, я по старой русской таежной традиции оставил в бункере. Мало ли, вдруг и мне доведется воспользоваться чьим-то гостеприимством. Еще здоровенный пес просто нуждался в корме, даром, что сам с теленка, так еще и щенок. А те должны есть гораздо больше взрослой особи, как-никак растущий организм. Может, и зря меня обрадовали гастрономические предпочтения подопечного, когда он не стал лакомиться, пусть и измененной, но человечинной. С другой стороны, приучить недолго. Дурное дело, как говорится, нехитрое.

Пес крутился возле меня, заглядывал в глаза, вилял хвостом, желая ласки. Мне не жалко, потрепал его по загривку, и мы направились в торговый зал. В хозяйственном отделе взял пару пластиковых собачьих мисок, тут же рядом захватил собачий корм. Принес пятилитровую бутылку с питьевой водой, налил Хеку, заполнив попутно свою пустую флягу. Полминуты ушло на то, чтобы захватить литр спиртного. Хватит? Вполне. Пару пачек сигарет, на всякий случай, консервы, несколько шоколадных батончиков, ну и тушенки пару банок, галеты. Все.

Показался парень с клетчатым баулом, так любимый челноками за прочность и вместительность, он практически не разбирая принялся кидать в него шоколад, печенье, кока-колу, чипсы, а увидев мой взгляд, пояснил, не прерывая своего занятия:

— Девочкам. Со вчерашнего дня никто нормально не ел, а некоторые и дольше. Вроде бы кругом магазинов полно, заходи в любой, бери, что хочешь. Рай... Но мертвецов всяких полно, а в квартире, где ночь провели, из съестного почти ничего не было.

Надо же, заботливый какой, чисто папаша большого семейства. Интересно оценят дамы или посчитают, что так и должно все быть?

Затем показались Малышка Ким, так отчего-то сразу я окрестил мысленно спасенную, передвигалась она вполне бодро, вид имела решительный, а когда появившийся вслед Каспер, сказал ей что-то, ответила так, тот даже на месте замер, а потом заржал громко, в голос, закинув голову к потолку. Разговаривали они тихо, поэтому я содержание беседы не услышал. Веселье прервал, показавшийся Третьяк, на красной морде была написана озабоченная настороженность.

— Давайте, все на выход! Уже давно из графика выбились, — хмуро пробасил он.

Проходя мимо касс он не смог удержаться, замер на минуту не меньше, а потом сгреб широкой лапой штук десять упаковок мятной жвачки, одну из которых тут же распечатал, и с мордой, предвкушающей райское наслаждение, куда там рекламе, закинул в пасть сразу штук пять подушечек.

Выглянули, осмотрелись.

Все по-прежнему, никаких изменений. Пустая улица, те же брошенные машины, оглушающая тишина, заставляющая напрягаться от любых инородных звуков. Отчетливо

слышен был даже звук шагов, а уж как цокали каблуки, пусть и небольшие девушки. На другой стороне дороги бросилась в глаза вывеска «Удачная рыбалка», чуть дальше «Золотой телец» — хорошее название для магазина, торгующего украшениями из презренного металла, где большая часть жителей, по утверждению разных социологов, соотносит себя с христианской верой.

Обратно к колонне шли быстро, не пмрячась, как на прогулке, никаких тебе перебежек, поиска укрытий. Хеклер, вёот точно, такие умные собаки пэопадаются одна на миллион, и мне с ним удивительно повезло, не бегал по-идиотски вокруг с лаем, шумом и сопением, а держался чуть впереди, принимался, прислушивался и лишь один раз чуть отстал по уважительной причине — задрал массивную лапу возле бетонного столба, но не метя территорию, похоже, припекло бедолагу.

Когда я обернулся, и зачем-то посмотрел на недостроенное здание, где до этого нам показалось, что обосновался снайпер, по спине в который раз за сегодня забегали мурашки, каждая величиной с приличного таракана. Привыкнуть ко всему необычному вроде бы уже должен, но нет. До печенок пробрало, и было с чего. На уровне седьмого этажа, на стене был намалеван чёрный квадрат, которого раньше не было и который в том месте без специального альпинистского снаряжения не получилось бы нарисовать.

— Ты чего обмер? — спросил Третьяк, видимо я не справился со своими эмоциями, и на лице что-то отразилось.

— Да опять показалось.

— Креститься надо! — вылез Каспер, но я его проигнорировал. Конечно, в других условиях, на дантиста он уже пару раз себе заработал, а так — не до него.

— Я тоже сначала за снайпера принял этот хлам, — поделился крестный, сосредоточенно двигая челюстями, — Издалека не отличишь от лежащего с винтовкой человека. Еще это затемнение.

— Ага, так и есть, — согласился с ним я, и скомандовал, вновь отставшей собаке, подозрительно смотрящей куда-то назад, что он там увидел, неизвестно, — Хек, давай ко мне.

Пес довольный, с вываленным языком подбежал. Я его погладил, потрепал за короткую шею, и даже весело щелкнул по носу, а на душе опять скребли кошки, затылок холодил страх. И все внутри кричало — быть беде. Обязательно быть.

Гранит, пыльным и грязным чертом из табакерки, по пояс высунулся из люка БТРа рядом с водителем. Несколько раз командир успел проорать про «время!» и «резче!», придал, так сказать, ускорение. А собаку и крестного одарил таким взглядом, с каким обычно прижатая подошвой ботинка к земле крыса, смотрит на людей. Глаза покрасневшие, в них плескалась бессильная злоба, смог бы добраться до горла, перекусил в два счета. Перегрыз бы.

Тяжелая бронированная дверь только поползла вверх, а мощный двигатель, рыкнув, бросил машину вперед, я едва обратно не вывалился, успев в последний момент ухватиться за поручень.

— Не дрова, сука, везешь! — справедливо в голос матюгнулся Каспер.

Действительно, почему не сделать все по-человечески? Плавно, легко, ведь автомобиль, как и раньше, пополз с пешеходной скоростью.

Хипстер с видом папаши, привезшего из заморских стран дочкам подарки, вручал девицам, набранную в магазине еду. Те же, не будь дурами, хвалили парня на все лады, отчего тот совсем надулся, а лицо засияло начищенным пятком. Приосанился, подобрался, ни дать ни взять Тарзан, победитель пустышей в каменных джунглях, кормилец и добытчик провианта. Малышка Ким, оценивая диспозицию и закрепляя успех, а также метя собственность, по-хозяйски положила руку на бедро молодого человека, поймав пару злобных взглядов. Но по умным глазам девушки было понятно, что свой выбор она сделала, а больше здесь никому и ничего не светило. Любовь и голуби, мать его так.

Я вынужден был расположиться возле самого входа, рядом с крестным. «Мое место» рядом с водителем облюбовала новоявленная валькирия Ирия.

Хеклер улегся у ног, положив тяжеленную башку на ботинок, и по всем признакам намеревался поспать. Зевнул так сладко, что и мне захотелось. На несколько радостно-удивленно-восторженных «какая собачка!» прореагировал с достоинством, посмотрев на меня с эдакой полуулыбкой. В глазах читалось выражение, мол, ну не дуры ли? Алабаев никогда не видели? Повозился, устраиваясь удобнее. Задремал.

— Минут двадцать еще будем ползти, — вполне спокойно произнес Третьяк, однако вид не вязался с тоном, — насторожен, собран, сосредоточен. Сжатая пружина, тронь — распрямится. Каспер, пройдясь по салону, вернулся и плюхнулся на кресло напротив меня. Вид тоже, как и у крестного. Места опасные?

— Чего плетемся? — задал другой вопрос я.

— Плотная городская застройка, — правильно понял контекст вопроса рейдер, — Дохлер не восстановился. Зараженные же быстрые падлы. Особенно матерые. Если сойдутся в кучу, те, которые для нас опасны, то догонят и перегонят даже, если будем выжимать километров сорок в час — возможный здесь максимум. Пробок — вагон. Шум двигателей разносится далеко. Всем, кто имеет уши, мы о себе рассказали. Вот и, получается вилка. Быстрее поедешь — влететь в засаду, как два пальца. Медленнее же — возможно собрать всех кто бродит по окрестностям. Но в таком случае, при такой скорости Гранит или тот же Гыча, крайняк Москвич, могут успеть обнаружить близкую засаду, и мы хоть как-то

сможем среагировать, либо на прорыв, либо отбиваться.

— Ясно.

— Нужная нам точка почти на выезде на противоположной стороне города и объехать этот Урюпинск никак. В любом случае через него пришлось бы пробираться. Западнее забирать, там сейчас настоящий Ад. И совсем без вариантов, даже с Дохлером. Восточнее тоже тот еще гемор, там несколько кластеров заклинивших, плюс с пяток может на перезагрузку в любой момент уйти. И все как один — соты большие, обновление мгновенное. Кисляком только завоняло, меньше минуты и до свидания.

Каспер делал вид, что разговор ему неинтересен, но в конце подтверждающе кивнул. Впрочем, крестный и рейдер минут через пять-десять расслабились, к этому располагала общая безмятежность и атмосфера какого-то дурацкого благодушия, исходящего от спасенных.

С теми как раз все понятно, не успели особо лиха хлебнуть, многое видели, но далеко не все. Сейчас они перекусили, вроде бы в безопасности — внутри огромной бронированной машины, вокруг лояльно настроенные вооруженные люди, боевая техника с крутыми пушками и крупнокалиберными пулеметами. Оттаяли, рассказывали взахлеб о каких-то страшных случаях и моментах за прошедшие сутки. Часто смеялись, вроде бы весело, но истеричные нотки нет-нет и проскальзывали. А в целом — облегчение, будто все уже закончилось. Завершилось. Вон и Каспер с легкостью влился в их беседу, тоже что-то говорил, размахивая руками. Третьяк прятал улыбку в усы.

У меня же на душе опять было тяжело, тоскливо как-то. Очередной выверт психики? А черт его знает... Но автомат под руку, проверил клапаны гранатных кармашков. Гранатомет, который до этого скинул, снова, несмотря на ухмылку Каспера, пристроил за плечи.

— Не суетись, пока все ровно, — тихо сказал Третьяк, но подобрался и сам. Решил не игнорировать мою чуйку?

Чувство неосознанной тревоги давило, такие покалывающие мурашки, какой-то непонятный дискомфорт. И возникшие ассоциации, как вчера... Твою мать, это было всего лишь вчера! Так вот, точно так же, прилетел вертолет ресов, мы также радовались, обнимались, смеялись, мол, спаслись, все плохое позади. На деле же... В любом случае ужас только начинался, выбрались бы из Пекла, и попали бы прямиком на стол мясника.

Сейчас еще и неопределенность, неясность будущего давила. Могут нам на уши лапшу вешать рейдеры? Вполне. Приедем, а там баб в бордель, нас на хозработы. Свежаков обижать нельзя? Так вон Каспер завалил мужика, пусть и случайно, и в ус не дует.

Поэтому расслабляться не стоило нигде и никогда, пока не будет ясна обстановка, а то уже этих малознакомых мужиков считаю, чуть ли не братьями по оружию, а выдаваемую ими информацию единственно верной. Так нельзя! Проверка-перепроверка, и всегда помнить об эффекте «врет как очевидец».

— Зачем нужно было в рукопашную с мертвяками рубиться? — спросил Третьяка, чтобы отвлечься.

— Тебе не нравится, что ты сделал мир чище? — влез Каспер.

— Ты бы закрылся, — вполне спокойно ответил, а рейдер к моему изумлению не полез в бутылку.

— Патроны, — лаконично произнес крестный, — И простая математика с экономикой. Сам подумай, патрон стоит денег или споранов. Его гораздо труднее добыть, чем холодняк, и не смотри, что типа сейчас ты на коне, на деле всех твоих запасов на несколько хороших

пострелушек. За пустышей тебе БК никто восстанавливать не будет. Его тебе вернут, но после беседы с Гранитом, а тот все выпросит. Дотошный, су..., - проглотил тот окончание фразы. Да, непросто все у них, очень непросто, — Вот и считай сам. Чего и надолго тебе хватит, когда ты расходуешь что-то без прибыли? Еще это для тебя тренировка, ты должен уметь убивать зараженных всегда, везде и хоть чем, хотя бы на первых этапах низших. Ты мой крестник или хрен собачий?

Хеклер заворчал во сне.

...Конечное место нашего прибытия мне не абсолютно не понравилось. Свернули с главной дороги направо, проехали метров двести-триста. Затем «Тайфун» замер, а Третьяк приказал — «на выход».

Мы оказались в тупике. Необходимое здание всего в три, пусть и высоких этажа, — торговый комплекс «Теремок», стояло на возвышении, находясь практически на набережной обмелевшей, но довольно широкой реки, чье русло сковывали бетонные плиты.

Справа вниз спускались ступеньки узкой пешеходной дорожки, если прорываться, только на легковом автомобиле можно было туда втиснуться. Массивные парапеты делали практически невозможным любое движение в эту сторону. Слева какая-то шарага: «Колледж Дизайна и Технологий». Прорваться через его территорию тоже вряд ли получилось бы, здание пусть и обновленное, но старой еще советской постройки, по традиции окруженное высоким забором. В те времена на железобетонных конструкциях не экономили. Что там за колледжем — неизвестно, все тонуло в густой зелени. Обзор нулевой. Вдоль дороги от перекрестка с главной вытянулись пяти и девятиэтажные здания. В любом случае до первого поворота во дворы отсюда было метров сто. Но лично я не рискнул бы с такой техникой в них соваться.

Таким образом, оставался единственный путь — та самая, пусть и широкая, но единственная дорога, по которой мы сюда добрались. Хорошо, когда можно не соблюдать никаких правил. Технику под погрузку подогнали к десятку ступеней ведущих к входу в торговый комплекс. БТРы полукругом, внутри которого расположилась остальные небоевого единицы. Сначала нам пришлось пусть и не тщательно, но проверить все здание. Все три этажа.

Было тихо, безлюдно, и даже никакого беспорядка. Каждый павильон заперт.

— Тут ночь была, когда кластер на перезагрузку ушел, — пояснил Третьяк.

Хорошо, что необходимый нам магазин защищенной электроники находился на первом этаже. Третьяк довольно ловко вскрыл необходимое помещение, а затем началось то, что обычно именуется «ад». Таскать коробки было еще той задачей, учитывая, что с тем же автоматом и гранатометом я не расстался бы ни за какие коврижки. К нам присоединились Москвич и Каштан, Дохлер отдыхал в БТРе, поэтому в прикрытии не нуждался. Те пыхтели, ржали и матерились. В общем, как обычно лучились оптимизмом.

Не меньше двух часов провозились. Хипстера и спасенных к погрузке не привлекли. Я на месте командира постарался бы использовать дармовую рабочую силу, все быстрее управились бы. Но Гранит считал иначе. Однако парень не сидел без дела, а вместе с парой мужиков, совершил несколько набегов с огромными баулами на павильоны с одеждой. Не забыл и себя. Сейчас он сменил дурацкие и неудобные по местным реалиям штаны, на «Горку». Выпускать же самих дам на вольную охоту за шмотьем даже Гранит не решился.

По настоянию Третьяка я обзавелся защищенным ноутбуком, таким же планшетом и смартфоном.

— У нас все есть, и сетка, и соты, сам увидишь, — прокомментировал тот.

От себя добавил к этой линейке гаджетов неплохую цифровую камеру, диктофон.

Занимались хозяйственной деятельностью, неторопливо и с чувством, никто не бегал сломя голову. Даже перекур с перекусом организовали. Отчего я едва зубами не заскрипел. Злости на этих беспечных идиотов было море. Много рассуждали об опасностях Улья, но при этом зачастую плевали с высокой колокольни на свои же рассказы.

Наконец загрузили все.

Я закурил, остановившись возле «Бумеранга», ко мне подошел Каспер, за ним показался невозмутимый Третьяк. Тот по своему обыкновению закинул с удовольствием пару подушечек жвачки в рот.

— Через десять минут выдвигаемся! — послышался в общем канале приказ Гранита.

Я уже собирался выкидывать сигарету, как коротко и совсем по-бабьи охнул Каспер, смотря куда-то мне за спину:

— Дождались!

Я обернулся и... в штаны, будто льда сыпанули, да щедро так! И мурашки по всему телу, каждая с кочевого муравья! Холод по позвоночнику, такой, не меньше трех ведер сверху плеснули жидкого азота. Проморозило каждую клеточку. И ощущение, что само время замерло. Замедлилось.

В метрах ста пятидесяти — двухстах, от перекрестка сейчас в нашу сторону, стремительно сокращая расстояние, несло несколько элитных монстров. Типичные гориллообразные мутанты отталкивались всеми четырьмя конечностями от асфальта, перемещались причудливыми прыжками. Траектории их передвижения изломанные, зигзагами, часто скакали они с одной стороны дороги на другую. Бывало приземлялись на крыши автомобилей, сминая их, сбивая. Грохот, скрежет, громкое недовольное урчание, редкий вой сигнализаций.

Четыре жемчужника! В этот миг, рядом с тем же перекрестком, где на первом этаже девятиэтажного дома располагался супермаркет «Пятерочка» или «Магнит», огромные стеклянные витрины будто взорвались изнутри, осыпались мириадами блестящих на солнце осколков. И сразу повалили руберы, кусачи, топтуны и прочая мелочь. Но их отметил краем глаза. Все это было ерундой, сущей и полной, мать его так, ничего не стоящей ерундой!

Над перекрестком сейчас пролетала какая-то иномарка, находясь над дорогой не менее чем в трех метрах. Она, вращаясь в воздухе, показывала то днище, то крышу. Передние двери распахнулись и чем-то напоминали огромные хлопающие уши. Обгоняя автомобиль, вынеслась, разворачиваясь в нашу сторону, здоровенная тварь. Ее зад занесло, совсем как в дебильных американских мультфильмах. И он врезался в китайский грузовичок. Глухой, но отчетливо слышимый удар. В кузове образовалась огромная вмятина, а сам трудяга, с некой ленцой завалился на бок.

Именно в этот момент мне удалось разглядеть монстра. Длинный приземистый силуэт тела, казалось, стелился по земле, напоминал кошачий. Однако, стоящий рядом светофор четко позволял определить размеры — два с половиной — три метра в холке! Точно не меньше! Непомерно широкая грудина, узкая талия, мощная массивная голова, грива...

Знакомые, очень знакомые очертания, пусть и измененные!

Да это лев! Мать его так!

Это пидарский отожравшийся африканский лев!

Если ворота в древнегреческий загробный мир Аид, где и протекала река Стикс, и

охранял на цепи ужасный Цербер, то он мог выглядеть именно так. Убираем две ненужные головы и вот она воплощенная в реальность совершенная машина для убийства. Грубая титаническая сила, помноженная на ярость и убийственность. Даже на таком расстоянии было видно, как ритмично сокращались в такт движениям гипертрофированные могучие мышцы под костяной броней. Когти высекали искры из асфальта, вырывали целые куски.

По позвоночнику, из-под гривы, шел тройной ряд лезвий. Голый мощный хвост заканчивался массивным шаром, которым тварь даже невзначай, сминала автомобильную жесть, стоящих вдоль обочины нередких машин. Грива напоминала ошестинившегося здоровенными иглами дикобраза.

Морда льва вытянулась, заострилась, небольшие глаза прятались где-то в глубине черепной коробки. Адская трансформация не миновала и челюсти животного, они и без того были приличных размеров, теперь вытянулись, стали совсем, как у крокодила.

Остальные твари на фоне этого чуда Улья терялись, они вообще не смотрелись, от слова «никак». Не исходило от них такой зловещей, ни с чем несравнимой угрозы.

Тот же справившись с инерцией, смешно загребая огромными передними и задними лапами, навелся на наше столпотворение, и прыгнув с места, преодолел за раз не менее семи — десяти метров. Где взял низкий старт, совсем по-бычьему нагнув массивную башку. Двигался без всяких демонстрируемых до этого элитой изысков. Прямо, будто скоростной поезд по рельсам, и также стремительно, неудержимо.

Лев не обращал внимания на других собратьев по заразе, проделывая в их рядах широкую просеку. Те, которые не успевали убраться с пути, подминались, растаптывались, плющились. Тем же, кому доставалось огромными когтями, разваливались пополам, теряли конечности. Все это летело с красными брызгами в разные стороны. Убийственная энергия железнодорожного состава, который сейчас разгонялся до бешеной скорости, была направлена на нас, и она смела бы всех в едином порыве. Мы же, как идиоты, стояли и смотрели на приближающуюся смерть прямо на рельсах, открыв рты и пуская слюни.

Дьявольская хренотень!

Завыл Хек.

Обреченно, по волчьему.

Я перевел взгляд на собаку, шерсть вздыблена, обрубки ушей торчком. И словно именно он смог победить вселяемый тварью даже не ужас — обезьяний ступор перед удавом.

Время вновь ускорило. Стало обычным.

— Мать...! — заорал, бешено вращая глазами, Третьяк, и потянулся к тангете, успев крикнуть, — Гранит!....

И тут же мощно ухнула пушка.

Да так, звон в ушах и некоторые стекла у близлежащих зданий посыпались.

Раз.

Второй... Еще и еще!

БТР-82 раскачивался на зубастых колесах. Что-то, будто сквозь подушку, бубнила рация. Неплохо меня глушануло!

Сам не понял, как вжал приклад автомата в плечо, и... опустил. Мать, мать всех этих тварей, я, что совсем с головой дружить перестал?! Да им ВАЛовский дозвуковой патрон с такого расстояния, как горох, как припарки, как легкий и нежный бриз!

Взревел двигатель «Бумеранга», отчего-то негромко, меня обдало с ног до головы почти черным соляренным выхлопом, а затем и у него дульная вспышка взметнулась из ствола.

Дудухххх!...

К пушкам с секундной задержкой присоединились КПВТ.

Долбили коротко, четко.

Кто-то и что-то орал в наушник рации.

Снаряды же, несмотря на дары рейдеров у гашеток, ложились и летели куда угодно, но только не в главную тварь! Да они что там, совсем зрения лишились?

Стрелки двух элитников срубили в первые секунды, почти перерубив пополам. Дотянулись и до третьего. И при этом никто не попал в монстра, размерами почти с КАМАЗ! Снаряды и пули летели и ложились куда угодно, только не в нее. Разрывы и искры на асфальте, в гуще спешащих на обед зараженных. А лев словно был неуязвим.

Вот он обогнал оставшегося в живых последнего жемчужника, который, будто по команде, пристроился ему в хвост.

Других менее опасных монстров, казалось, стало еще больше!

Руберы, кусачи, лоторейщики!

Да сколько же вас тут?!

Вот тебе и Дары! Да в жопу!

В жопу их!

Ну, суки!

Мозги наконец-то включились. Падая на одно колено на асфальт, отчего нога сразу отозвалась болью, несмотря на наколенник. Одновременно с этим, каким-то слитным, единым движением, которое оказалось удивительным даже для меня самого, приводил «Аглень» в боевую готовность. Руки, будто жили отдельно от мозга, сейчас еще до конца не сориентировавшегося.

Перевод в боевое положение.

К плечу.

Прицел. Взять упреждение.

Огонь!

И пальцы утопили спусковой рычаг вниз.

Казалось долго, очень долго ничего не происходило, а затем хлопок, шипение. Совсем негромкое на фоне общей какофонии и заполошной автоматной стрельбы. Резкий рывок пускового контейнера.

Кумулятивный бронебойный заряд покинул отчий дом, отправляясь на встречу с мясом. С горой мяса! Реактивная струя принесла кроме вони сгоревшего топлива и дикий вой, ор, мат.

А затем рация завершала:

— Люгер, Люгер! Мудак! Мудила! Мудазвон!

Пошли вы все!

Кто не спрятался, я не виноват!

Оставляя дымный след, гостинец попал таки прямо по назначению, врезавшись в грудные пластины твари! Яркая вспышка! Какой-то непонятный отсвет.

Взметающееся вверх облако густого почти черного дыма.

Лев, будто налетел на стену, однако, на первый взгляд, ничего ему боевая часть, предназначенная вскрывать танковую броню, не сделала — видимых разрушений шкуры не наблюдалось. Тот лишь, словно пьяный, покачивался на месте, затем встряхнулся мощно, костяная булава на хвосте угодила прямо в голову, оказавшегося на ее пути рубера, попав

куда-то в височную область, только кровавые ошметки в разные стороны брызнули.

Мат рвался из груди сам.

Словно услышав меня, тело твари рванули снаряды пушек. Затем грохнуло, «Бумеранг» еще ниже, чем обычно, просел на колесах, а рядом со мной, в каком-то метре, прошла реактивная струя, даже здесь ее огненное дыхание ощущалось жаром.

Додумались, наконец-то! Сообразили таки!

Но противотанковая ракета предназначалась для других зараженных, потому что в какие-то доли секунды, наконец-то нащупавшие льва пушки и пулеметы, перемололи его в кусок мяса, сочащийся кровью. Мертвого мяса! И последнего элитника до кучи.

Ай, молодцы!

Смерть предводителей не смутила остальных тварей. Перли на нас толпой, быстро приближаясь. До первой линии зараженных оставалось всего ничего, навскидку, какие-то тридцать — сорок метров. Плохо соображая, что делаю, выдернул из кармашка тяжелую эфку, и, сделав два длинных стремительных шага, со всего размаха запустил ее куда-то туда, в самую гущу.

Сам не понял, как оказался на земле. За «Бумерангом». Это Каспер рванул меня за шиворот, роняя и прижимая голову к асфальту, давил он сильно. Хлопок гранаты, почти потонувший в других звуках.

Рейдер поднял башку, посмотрел на меня, а потом довольно осклабился и потряс одобрительно, поднятым вверх большим пальцем. В глазах настоящее сумасшествие, реальное безумие — восторг, некое упоение, злая радость. Смотришь в такие и понимаешь — человек на своем месте.

Он же уже стрелял из автомата, выцеливая особо быстрых и тупых, бил короткими, на два — три патрона, очередями. Все звуки растворились, глушились звоном в ушах.

— С тыла, с тыла! Суки! С тыла! Магазин! Магазин! — визжал в рацию Дохлер на общем канале, похоже орал он изо всех своих дохлеровских сил, до меня же донесся только приглушенный звук, больше по тону понял его эмоции. Их накал.

Вскинул автомат, разворачиваюсь. Бросился за «Тайфун» И вовремя. Витрины уже нами ограбленного магазина рассыпались на тысячи и тысячи осколков. В брызгах стекла вынесся элитник, небольшой, молодой, но все равно смертельно опасный. Для всех.

Сзади истошный визг, я на секунду обернулся. Из бронированного убежища сейчас враспыленную разбегались спасенные девчухи, впереди бежал водила с укоротом, лицо перекошенное, бледное, глаза выпучены. Хипстер же орал что-то на входе в «Тайфун», успел схватить за плечо Малышку Ким и рывком отправить обратно в нутро автомобиля.

Главное отметил, что зараженные пока не прорвались. Элита же, выскочившая из магазина, совершила невероятно длинный и высокий прыжок с места, оказавшись за БРДМом. Секунда, и мне стало не до нее. Из магазина выскочило пара руберов, одного из них мы с Каспером, очутившемся в трех-четыре шагах позади от меня, смогли свалить. Второй ушел с линии огня, и тоже бросился куда-то за «бардак».

А вот кусач, выскочивший за ним, матеро ушел с линии огня в каком-то диком прыжке, будто опытный паркурщик, оттолкнулся передними конечностями, и совершил, гася инерцию длинный кувырок. Как-то пригнувшись, он бросился прочь, резко петляя, скрылся за «Тигром», я успел ему в спину всадить остатки магазина. Чья-то заливи́стая ругань, глухой мощный удар, краем глаза, не выпуская из поля зрения торговый комплекс, отметил, что злосчастный БРДМ-2 поднимается с некой лентой, чуть замирает в воздухе, а потом

заваливается и с грохотом, переворачивается, подминая под себя взявшуюся откуда-то белобрысую милаху. Замершую на месте и с перекошенным от ужаса лицом, смотрящей на собственную многотонную смерть. Рот был открыт, но грохот заглушил собой все.

Быстрая замена магазина.

Нет, оружие надо менять!

Дальше уже стало совсем ничего непонятно.

Повалил густой дым откуда-то оттуда, со стороны, где сейчас неистовствовал жемчужник. Мы с Каспером замерли, из торгового комплекса больше никто не показывался. Но вполне мог там затаиться.

Грохнуло! Сквозь все звуки мозг вычленил длинную, практически на магазин автоматную очередь, затем дикий крик. Оборвавшийся внезапно. К черту все! Каспер бросился к «Тайфну», знаком показал мне следовать за ним.

В это момент из-за валяющегося кверху колесами бардака, взмыла в нашу сторону стремительная тень. Ах ты ж сука! Старый знакомый! Кусач-паркурщик! Вроде бы успел всадить в него несколько пуль, после чего тот исчез из поля моего зрения, скрывшись за мордой бронированного автомобиля.

Где он?

Сука!

По широкой дуге стали вместе с Каспером обходить «Тайфун» забирая влево. Я бросил быстрый взгляд назад, обернулся. А напарник отчего-то подмигнул мне, или это был нервный тик. Затем его голова непонятным образом отделилась от шеи и в фонтане крови, будто в реактивном выхлопе, вращаясь, полетела куда-то вверх и влево. Отметил силуэт нереально быстрого кусача, успев длинной очередью перечеркнуть его.

А тварь совершила вновь стремительный бросок, уже в мою сторону. Затем сильно и больно что-то ударило меня в грудь. «Тайфун» и тело Каспера стремительно стали отдаляться. А в голове дебильное, дебильное: «Мама, я опять летал во сне!».

Откуда, откуда, мать вашу, в такой момент, может прийти в башку такая херня?

Затем с грохотом упал на спину, ее сразу прострелило болью и такой, взвыл в голос! По инерции меня протащило еще пару метров.

Сука, сука!

Неужели позвоночник?!

Солнце же заслонила тень, не знаю, как я успел, но таки добил в нее остатки магазина. А затем кусач подмял меня под себя, прокатились с ним, уж не знаю, как я его смог ухватить за странные наросты на башке, напоминавшие рога, но теперь изо всех сил, до того, что казалось мышцы вот-вот лопнут от напряжения, сдерживал клацающую пасть, из которой несло дерьмом и какой-то дрянью, в считанных сантиметрах от своего лица.

Тварь же давила с силой гидравлического пресса. Неумолимо преодолевая мое сопротивление. Мозг лихорадочно просчитывал варианты. Отпусти любую из рук и мне хана, а не отпущу — не добратья до оружия. Но с руками я всего лишь отсрочиваю неизбежное. Мля!

Вот сто процентов, на роже кусача сейчас была ухмылка, злобная, торжествующая. И глаза, пусть и чуждые, но умные глаза, в которых был виден интеллект, точнее, его проблески. А у меня взгляд зараженного не вызвал ни обычной оторопи, ни дрожи, только давить, отжимать это дерьмо от себя дальше!

А сука издевалась! Она же могла в любой момент поставить точку в нашем

противостоянии, лапой с когтями вжик. И все. Адьес амигос!

Ага, может!

Хер бы тебе, может она!

На месте верхних конечностей, не хочется даже называть эти млятские щупальца руками, проводя пусть и аналогию, но аналогию с человеком, хорошим или плохим парнем, но не таким уродом, как эта тварь! Вместо конечности, сейчас был всего лишь короткий обрубок, по самое плечо, из которого обильно текла кровь, и какая-то непонятная толи слизь, толи сукровица. Кто это его достал? Вторая же странно подогнута, будто изломанна.

Ну же сука!

И мне что с того, что у него нет рук? Или они повреждены, он меня в любом случае сильнее на порядок! Еще чуть-чуть и додавит, тварь! Сил не оставалось. Мышцы уже от боли стонали, говорили, все, хозяин, мы больше не можем!

Телепортируйся!

Телепорт!

Хер бы в рот, а не телепорт!

Не работает!

Мразь, какая же мразь!

Нуууу! Сукааа!

Понимая, что проигрываю, дуря и зверя от этого дыхания приближающейся смерти, я в невероятном усилии, подался головой вперед и впился зубами в незащищенную пластинами, небольшую область на горле твари, где оно соединялось с подбородком. Сжал челюсти так — миг заболели, а клыки хрустнули, и рот сразу наполнился чем-то горячим и жидким!

Чем-то? Кровью, мать его так, кровью этой паскуды!

Изо всех сил рванул шеей до хруста позвонков, совсем как недавно Хек, выдирая кусок зараженной плоти, и вновь впился. Грыз и грыз!

— Уррррг! Уррррг! — взревела над ухом уже обеспокоенно кусач.

И усилил нажим. Видимо понял, что время шуток закончилось.

Грохнуло где-то над головой. Башка зараженного сильно дернулась в руках, а меня мощный рывок поставил на колени.

Затравленно обернулся.

Мгновенное облегчение. — Третьяк!

В голове же твари сейчас красовалось, именно красовалось, здоровое такое отверстие. Палец можно затолкать при желании. Оттуда сочилась бурая жижа. Я ослабилась довольно, и, наверное, безумно.

Крестный в руках сжимал уже виденный мной барабанный дробовик. Это все отметил как-то мельком, в голове звенело, я потряс ей. Постучал по каске.

— Люгер, Люгер, твою мать, — заорал на ухо крестный, вторым рывка поставил меня на ноги, — Ты пожрать решил?! Бери автомат, стреляй!

Я слышал слова, но смысл до меня не доходил. А в ушах гулкие удары пульса, неясный звон, и по периферии зрения радужные почти голографические иероглифы.

- Люгер! Твою мать! — и резко, вскинув дробовик, выстрелил почти у меня над ухом. Только, млядь, этого этого не хватало! Почти оглох на одно ухо. Звон!

Мудило!

Автомат?

Хана автомату!

Бросился бегом к телу Каспера, запинаясь обо всякий хлам и заплетаясь в ногах, будто пьяный. Поскользнулся на сгустке крови, свалился, и спину вновь обожгло такой болью — завыл, а из глаз брызнули слезы. Вскочил, хватая автомат одной рукой. Вырвал из залитого кровью подсумка два магазина. Перезарядился. Обернулся.

Бардак лежал кверху колесами. С противоположной стороны от меня, возвышалась туша трехметрового элитника, которому отчего-то не понравился еще и «Тигр». Долбанул по нему мощными лапищами так, что тот со звуком сминаемого металла и каким-то железным скрипом, оторвался от земли, но всего сантиметров на пятнадцать, покатился, врезался в «Тайфун», последний, едва удержался на колесах, а в бронированной стали появилась заметная вмятина.

Дальше же было мать его так — явление. Нет не так. Явление! «Явление» с большой буквы, с больших букв.

Иссиня-черный дым стелился по асфальту, что-то там горело, отсюда было не видно, и вот из этой завесы неспешно, даже с некой ленцой, вышагнул Гранит. Его руки были пусты, автомат висел на груди стволом вниз. Командир, с каким-то хищным оскалом пошел прямо на жемчужника. И вышагивал так, будто в долбанном голливудском боевике, но мать его так, я успел оценить красоту момента.

Черный дым будто плащ за плечами. Гранит не торопясь, будто так и надо, приближался к обомлевшей от такой наглости элите, которая даже пасть приоткрыла. Глаза-блюдца — выпученные, изумленные. Вот в них промелькнула какое-то охреневание что ли... Взгляд же командира внушал, если не сказать больше, да он пугал, мать его так, пугал до усрачки!... Если до этого меня от ужаса проняло от вида измененного льва. Сейчас не меньше! Глаза, настоящий их цвет я не помнил, но сейчас они горели зеленым огнем, и от них, будто исходила такого же цвета дымка.

На мгновение, казалось, повисла оглушающая тишина.

Элитник продолжал пялится.

Гранит же, дойдя, до него, как-то небрежно похлопал по когтистой лапе. Миг, и из одной из самых смертоносных тварей Улья, находящейся почти на вершине пищевой цепочки, будто батарейку вынули. Ни стопа, ни полстопа. Молча осел, как мешок с чем-то сыпучим.

Резкий рывок за плечо вывел меня из оцепенения.

— Беееежим! — заорал во всю глотку Третьяк, таща меня прочь куда-то, а со стороны командира прилетел такой ответный рев, рев яростный, рев голодного зверя, что поневоле, я бросился бегом за крестным, дыша ему в спину. Тот же, как-то ловко закатился под «Тайфун», успел и мне махнуть рукой, забрался вслед за ним.

— Теперь лежим, ждем, минуты две. Если появится — делаем ноги в ту сторону! — коротко проинструктировал меня крестный.

— Кто появится?! — заорал я.

— Ктооо?! Дядька в кожаном пальто! Ты — идиот?! Гранит!

Командирский рев снаружи раздавался еще с секунд тридцать. В рации же наоборот почти спокойное:

— Порядок!

— Чисто!

— Гыча на три, понять не могу что...

— Парни все, все! Наша взяла! Мы их сделали! Парни..., - орал радостно Дохлер.

А затем через минуту.

— Дохлер Граниту, Дохлер Граниту ты как?

Видимо забылся и в общем транслировал.

Тишина.

— Дохлер Граниту...

Еще не меньше минуты прошло. Я уже подумал, что спекся наш командир.

— Гранит в канале, Гранит в канале. Москвич, Кашган...

И посыпались ценные указания.

— Вот тебе и сходили за хлебушком..., - сплюнул Третьяк, выбираясь из под техники.

Трупы, трупы, трупы. Твари, свежаки, рейдеры. Оторванные конечности. И с закопченной, в царапинах брони БТРа на побоище, скаля зубы смотрела голова подмигивающего Каспера.

— Мудак! — плюнул в его сторону вновь Третьяк.

Я же нашарил в подсумке сигареты и, наплевав на все и всех, опустился там же где и стоял, недалеко валялась туша погрызенного мной зараженного.

— Тебя надо было Доберманом или Акулой крестить, кому скажи кусача почти загрыз, — заржал Третьяк, и мне тоже сделалось смешно.

Сигарета поглотилась в несколько затяжек. Достал вторую.

Показался Гранит. Спокойный, собранный. Вот еще одна загадка. Людь-Икс, мать его так. Тот мельком посмотрел на голову Каспера, глаза зло сузились, когда перевел взгляд на нас.

— Что морозимся? Быстро чистим тварей, собираем, кого можно и валим отсюда к чертовой бабушке! Валим! Пятнадцать минут!

Я же, делая глубокую, глубокую затяжку, взглянул на солнце.

Слепило, грело. Опять небо — яркое, синее, не обезображенное инверсионными шрамами. И ветер, теплый ветер, ласково гладил щеки.

Люблю, люблю, мать его так, люблю тебя жизнь!

Напоследок, разбега, точнее с трех широких шагов, пробил пенальти в голову кусача. И сразу еще легче стало!

Подмигнул голове Каспера, за которой на пятиэтажном здании был намалеван только для меня видимый черный квадрат.

3.1

Хеклеру не повезло.

Задние лапы пса торчали сейчас из-под туши матерого рубера, которого нашпиговали свинцом так, что он напоминал кусок окровавленного мяса. Несколько подарков калибра четырнадцать и пять миллиметров, способные на километровом расстоянии поразить вражескую легкобронированную технику, не подвели и на малых дистанциях — перемололи и перемешали костяную броню вместе с мясом, кожей и внутренностями. Смотрел на эту картину, и душа пела, радуясь. Удивительно даже, как тварь с такими повреждениями смогла практически добраться до нас — от того же «Бумеранга» валялась всего в десяти шагах.

— Давай сдвинем его, — обратился к крестному, берясь за массивную лапу зараженного.

— Дался тебе этот пес! — недовольно проворчал тот.

Не ответил. Зачем зря болтать? А Третьяк помог-таки перевалить тело рапана в сторону. Затем он, ловко орудуя небольшим ножом, в несколько отточенных движений вскрыл споровый мешок, принялся перебирать содержимое, зыряка по сторонам. Я же, не переставая следить за окружающей обстановкой, присел на корточки рядом алабаем, и осмотрел Хеклера очень внимательно. Мертв. И об этом говорила отнюдь не глубокая рваная рана, начинавшаяся от массивной шеи и тянувшаяся вдоль всего позвоночника, не естественно вывернутая передняя лапа, а небольшое, совсем крохотное, особенно по сравнению с другими повреждениями, пулевое отверстие в центре массивного лба. Навскидку от девятки. Добили, чтобы не мучился? Все могло быть. Однако... вряд ли.

Пусть и страшный на вид след от когтей или зубов зараженных, а также даже несколько переломов в реалиях Улья не говорили о неизбежности смерти. Не раз и не два я уже слышал рассказы об отросших пальцах, яйцах и даже конечностях. И речь шла о людях, тех самых гомо сапиенс, которые, отмечая удивительную регенерацию четвероногих друзей в условиях и обычного мира, придумали поговорку «зажило, как на собаке». А так как основная масса попутчиков провела в Стиксе не один месяц, то должна была четко понимать о возможном исцелении Хеклера.

Свежаки тоже не при делах, по простой причине отсутствия у них оружия. Пистолет имелся у хипстера, а он из «Тайфуна» не выбирался. В итоге вариант с оказанием милосердия по дурости кого-либо отпадал, как самый невероятный. Да, и кто-нибудь уже сообщил бы, мол, извини, Люгер, но твоего пса пришлось добить.

В результате существовало всего две версии развития событий: Хеклер угодил под дружественный огонь или же кто-то специально пристрелил пса. Случайность маловероятна, уж слишком точно попала пуля. С другой стороны, и не такие жизненные выверты доводилось видеть. Процентом десять можно оставлять на подобное стечение обстоятельств, ну, а в девяноста уже смело говорить о злом умысле.

Зачем это нужно неведомому злодею? Мыслей и предположений множество, начиная от фантастических и заканчивая прозаическими. Для конкретики же необходимо больше

информации. Нет, потеря собаки не стала для меня страшным ударом судьбы, испытанием ли. Я о своем недавнем приобретении вспомнил-то только сейчас. До этого навалилось столько и всего, что все мысли о том, как самому бы выжить.

Но переживал я или же нет — это абсолютно безразлично, тут разговор шел о другом. Ведь какая-то мразь, четко понимая о имеющемся у собаки хозяине, посмела поднять на нее руку. Неуважение необходимо наказывать всегда, везде и всюду. Спросить можно и за копейку, если дело принципов касается. И действовать всегда необходимо даже не по старозаветному завету — кровь за кровь, око за око или еще по одному варианту: «с бл...ми по бл...дски с суками по-сучьи, с людьми по-человечески», а за свой глаз забирать оба, за литр своей крови выпускать десять вражеской. Но главное стараться делать все так, чтобы, если у какой-то мразоты нет-нет и промелькнула бы поганая мыслишка относительно тебя, он сам ее задавил бы, сжав до предела сфинктер, дабы не обделаться от собственной смелости.

Осталась совсем маленькая, такая крохотная задачка, как вычислить убийцу собаки? Самый простой вариант, попросить Третьяка поработать детектором лжи и опросить всех рейдеров. Только тут возникали следующие нюансы: пойдет ли навстречу мне крестный, и согласятся ли боевые товарищи на допрос. Думаю — нет. А еще надо учитывать и тот факт, что дело предстоит иметь не с обывателем и как лицо облеченное властью, деньгами и возможностями, но со свободными вооруженными людьми, резкими и жесткими, и как новому представителю их социума, находящемуся в таблице о рангах чуть выше «свежака суточного». А уж речь толкнуть, и на совесть надавить в духе «зеленых», мол, какая-то паскуда природу губит... Так вот, когда Каспер, пусть и случайно, но убил неандертальца, то рейдерам хватило его: «Хрен знает, как получилось так, но судьба, видимо, у него такая». И на животное всем плевать с высокой колокольни, тут люди мрут куда тем мухам. До моих же принципов и тараканов всем до лампочки. Я же пока не обладал авторитетом, возможностями и силой. Но все течет, все меняется.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Третьяк жестом показал на следующую тушу заматеревшего кусача, морда которого сейчас в жутком оскале смотрела в нашу сторону. Ему тоже досталось неплохо.

Последние десять — пятнадцать минут рейдеры действовали на диво споро, работали, что называется, с огоньком. Никто не прохлаждался, не расслаживался, несмотря на пусть и скоротечный, но все же очень и очень напряженный бой с бандой зараженных. Похоже, наконец-то припекло, а то, мол, все устали, отходняк, давай пять капель, пару сигарет... Курить хочешь — на ходу, живец также.

Гранит тоже перестал играть в демократа и отца солдат, и стал тем, кем и должен являться командир — тираном и деспотом. Поэтому часть рейдеров со свежаками при помощи лебедек сейчас перевернула БРДМ-2, поставив его на колеса, другие, как и мы с Третьяком занимались скорой чисткой зараженных. В общем, хоть и до нормальной дисциплины далеко, но уже не та махровая махновщина, как раньше. Вообще, не понимал этой возни с перевертышами, тот же «Тигр» бросил бы не задумываясь, один черт на прицепе, а Бардак еще бы и бензином полил и поджег, — уж слишком много от него проблем.

Пока мы с Третьяком переходили от зараженного к зараженному, показался Дохлер, под правым глазом у него наливался бордовый синяк, лицо исцарапано в кровь, и отметки явно от когтей, точнее ногтей.

— Не до тебя! — выдохнул, увидев осклабившегося в ехидной улыбке Третьяка, и даже вскинул руку в останавливающем жесте.

Москвич и Каштан, как обычно прикрывали толстяка, тот видимо восстановил работоспособность дара Улья. И теперь вновь активно прощупывал местность на предмет опасности. Я, несмотря на веру других в магические способности толстяка, относился к подобному, как к шаманизму или прогнозу погоды от наших синоптиков. То есть, ровно как в анекдоте: «Какова вероятность найти сегодня миллион?». И тут также: встрянем или не встрянем.

Встретились мы с этой троицей возле головного БТРа, который уже выдвинулся чуть вперед. Заместитель командира выглядел страшно. Только сейчас разглядел, что левая часть лица у него обожжена и очень сильно, глаза не видно за почти черной коркой. От рейдера ощутимо несло горелым мясом и жжеными волосами. Это где его интересно так подпалило? ... Твою мать!

Вместе с пониманием, кто и чем мог обжечь зубоскала, становился и понятен злющей взгляд единственного глаза, направленный в мою сторону. Ясно-ясно, откуда ему могло прилететь. Пауза затягивалась, наконец, тот выдохнул:

— Ну, ты Люгер и мудак! — потом потребовал, без объяснений, — Дай закурить!

Я не стал кочевряжиться, чувствовал за собой вину, и предупредить тем же криком можно было, достал из подсумка пачку, взял одну сигарету себе, вторую протянул ему.

— Теперь огонька попроси, огонька! — влез Каштан, и заржал. Громко, весело, отчаянно!

— Какой нахрен, огонек?! Да он меня к херам чуть не спалил!... Я даже чухнуть^[2] не успел. Вижу стоит, рот открыл — дебил дебилем, только обернулся посмотреть и тут же хлоп, получай фашист гранату! Эй, Зондер, это не от тебя адреналином несет, что глаза режет?! Давай выползай, твой бардак почти в порядок привели, а ты прохлаждаешься здесь!

Надо же, а его-то я и не заметил! Интересно это тоже дар?

Водитель тем временем неохотно выбирался из-под соседней боевой машины. Молча, прошмыгнул мимо нас, вид имел напуганный, сам перемазался в грязи, пыли, мазуте. Похоже, труса праздновал, сучара, но это не мое дело, это дело Гранита и их банды, я же рядовой наемный боец. Любимец фортуны. Меня больше интересовало другое.

— Мужики, а почему в эту тварь попасть не могли? — задал вопрос, обращаясь ко всем сразу, — Она же как КАМАЗ размерами, даже мне удалось практически без всяких навыков залепить?

— Скорость, — ответил подошедший Дохлер, но видя, что его слова не принесли ясности, добавил, — Скорость у снарядов и пуль КПВТ и скорость заряда гранатомета. Сталкивались уже с такой хренью. И не раз. Просто я сразу не сообразил. Там элита еще мельтешила. В общем, дар у твари такой, что она может отклонять от себя снаряды и пули. Хорошо хоть имеется диапазон, как по массе, так и по скорости, в котором работает элитник. Иначе всем бы хана! И без вариантов! Так что, как я и говорил, Москвич, это не Люгер тебе должен за морду твою подпаленную, а ты ему, что не добрался до нас этот млятский лев. Израсходуй на него свой дар Гранит, хрен бы потом последнюю остановили, всех бы смела.

После пятиминутной медитации толстяк не выглядел сильно обеспокоенным, закончив с речью, махнул эдак властно своим провожатым, и направился в сторону, откуда сейчас слышался затейливый мат Гранита. Его до печенок достал Тальк. Меня этот рейдер тоже

удивлял. Смотришь, прикинут — звездный десант нервно курит, ухожен — тут у любой дамочки от зависти выкидыш с места, но крохобор — всем хомякам хомяк!

— Никакого льва! Ни в какой КАН! Никто из нас не потащит! И так, из-за твоей жабы пришлось с «Тигром» и «Бардаком» возиться. Сам-то понимаешь, что нам этот геморрой нах не нужен?! У Тигра двиглу хана, нет, цепляем, тащим!

— Да пойми ты, отвалить они могут нехило за тушу! Вряд ли им такая попадалась, — продолжал размахивать руками тот, — А на все новое, они как вороны на блестящее летят! Вон у пупсов тогда взяли топтуна какого-то с третьей рукой, дак столько им накидали...

— Целую кучу! И на лопате! Хрень это все. Уже несколько раз притаскивали им и львов, и тигров. Пусть и не таких здоровых, но тоже элиту из элит. В двадцать шестом накрыли, — громко сказал Третьяк, когда мы подошли докладываться, что с чисткой возле техники убитых мертвяков... О как звучит — «убитый мертвяк». Мистикой какой-то отдает и дурустью. Действительно, лучше пусть будут «зараженные».

— Тебе ли Тальк не знать, что зоопарк в двух тройках постоянно грузится? Так оттуда и крокодилов притаскивали, и белых медведей! Твою бы жабу отловить, вот за нее отсыпали прилично. Такую вряд ли еще в округе найдешь! Ты вон еще у молодого гильзы отними, — ткнул пальцем Третьяк в Шпунта, который сейчас собирал блестящие лагунью и нет гильзы, — Гранит, вокруг закончили чистить, дальше давай по ходу с броней, чего-то страшно без прикрытия соваться. А ну как выскочит что-то...

— По машинам! Готовность пять минут! — сразу последовала команда, будто только нас и ждали, — Третьяк с Люгером по левой стороне чистят тварей, Москвич и Каштан с правой. Дохлер остаешься...

Провозились мы пусть и не час, но минут сорок точно. Воистину права поговорка: «У страха глаза велики», мне казалось, что мы вели бой с сотнями зараженных, на деле насчитал всего сорок шесть, плюс-минус две-три. Это вместе с теми, которые напали на нас с тыла. Измененный заразой Уля лев достался Москвичу и Каштану. Мне тоже хотелось взглянуть на него ближе, но приказ есть приказ. С нашей же стороны из крупной дичи валялся только один элитник, и то ему попаданием снаряда или же крупнокалиберной пули, башку разворотило напрочь. И ни о каком споровом мешке тут речи не шло. Как будто специально кто в него целился. Но мелочи много. И «мелочь» вся такая, что на нее мертвую смотрел, а в дрожь кидало.

Главная проблема заключалась в том, что приходилось эту мерзость убирать с дороги. Не везде, и не всегда, но часто туши свалены были так — мимо не протиснешься. Цепляли за трос самых здоровенных, оттаскивали в сторону. Но и даже после расчистки тяжелая боевая техника наматывала на колеса немало дряни, начиная от каких-то непонятных ошметков мяса и заканчивая гирляндами кишок.

Работа была простой, поэтому я, внимательно смотря по сторонам, думал о прошедшем бое с тварями. До сих пор до конца не отпустило. После окончания эпической битвы, очень удивился ее результатам и количеству убитых и раненых с нашей стороны. Кроме обезглавленного Каспера из рейдеров-старичков больше никто не пострадал. Царапины, синяки, даже пара переломов у кого-то — не в счет. А мне показалось, что минимум потеряли половину. Свежакам же повезло меньше. Из них погибло трое мужчин, еще одного в бессознательном состоянии погрузили в десантный отсек БТРа. Две девушки тоже были убиты, на дочку депутата, ту самую белобрысую деваху, свалился сверху злополучный бардак, который руки чесались сжечь, вторую почти располовинил кто-то из зараженных.

Паникер же — водитель нашего «Тайфуна» выполз из какой-то щели, какой я не уточнял, вид имел самый обычный, ни тебе сожаления, ни капли раскаянья. Мрачное лицо хипстера, украшенное, как и у Дохлера царапинами, перекопилось, сделалось жутким. Его рука метнулась к поясу, но стоявший рядом Третьяк успел перехватить ее. Ловко завернул назад, взял на болевой.

— Ууу, сука! Убьююю!

Орал и брызгал слюной парень, не отводя взгляда от недоуменного водителя и пытаюсь вырваться из захвата крестного, но силы были неравны. Пусть Третьяк и не пытался давить сильнее. Так зафиксировал и все. Вскоре хипстер затих. Затем несколько раз глубоко и шумно вздохнул-выдохнул, сказал, пусть и дрожащим от злости голосом, но уже гораздо спокойнее:

— Все, можешь отпускать!

— Точно? — осклабился Третьяк.

— Да!

— А теперь послушай меня, — рейдер так и не ослабил хватку, чуть нагнулся, громко и четко проговаривая слова в самое ухо парня, — Водила ни в чем не виноват! Он спасал свою жизнь! Те, кто поддался панике, и бросились за ним — свою. Ему повезло, им — нет! Это Улей. Водила никого за собой не тащил, он никого не обязан защищать, он, вообще, никому и ничего не должен кроме нашего отряда! Так как с нами он заключил контракт. Это ясно?!

Конец монолога он произнес тихо-тихо, но сталь в голосе так и звенела.

— Они люди! Женщины! Девушки! Да каждый мужчина обязан..., - опять попытался вырваться хипстер. Но сморщился от боли, когда Третьяк чуть усилил нажим.

— Каждый мужчина, впрочем, как и каждая женщина, обязана окружающим, независимо от их половой принадлежности, ровно столько, сколько считает нужным. Считает нужным только он или она! А не Вася из седьмого подъезда, не Машка-соседка, и даже не добрый милиционер! Может, когда-нибудь, если доживешь, ты поймешь эту простую истину. А сейчас, я не воспитатель из детского садика и не трудовик-затейник, а вокруг, мля, не демонстрация «Первое мая», поэтому бери себя в руки, и перестань истерить, как девка. И тронешь водилу — завалим. Не я, так кто-то другой. И пусть лучше будет для тебя другой. Потому что я лично отрежу тебе башку вот этим ножом! — в руках Третьяка оказался тот самый небольшой чуть изогнутый нож, которым он вскрывал споровые мешки, — Ты меня понял, свежак?

Тот закивал. А вот я, вообще, запутался. То помогай свежакам, делись последней рубашкой, спораном, то уже и вроде как никто никому и ничего не должен.

Водила пусть и растерял немного былую наглость, но полез ковыряться с машиной. Присвистнул, обойдя вокруг и оценив размеры вмятины от «Тигра», выругался сквозь зубы, когда обнаружил перед передними колесами средних размеров рапана. То есть, угрызениями совести абсолютно не маялся, его волновали не какие-то мертвые девушки, погибшие частично по его вине, но обычные житейские дела — как убрать без лишней волокиты препятствие, не привел ли такой мощный удар к какой-нибудь критически важной поломке, из-за которой можно застрять в чистом поле. Именно эти мысли читались на его роже.

— Третьяк, а что вроде как он не должен был костями лечь, но свежаков спасти? — обратился я к крестному, когда мы отошли чуть в сторону, принимаясь вновь за чистку тварей.

— С чего это? — крестный даже остановился и уставился на меня, с неподдельным

изумлением.

— А как же правила Улья?

— Правила Улья просты и говорят, спасай в первую очередь себя, потом остальных. Да, если особо не обременительно, то свежим поможешь. Новичку помочь — почетно и правильно, но как это сформулировать-то..., - даже задумался тот, — Это не в старой русской традиции, мол, последнюю рубаху отдам, сам теперь нуждаться буду, или там грудью лягу, но спасу. За дураков нас-то не держи. Главное не причинять зла, ну и помочь.

— Помочь, помочь..., - я поморщился, нет объяснить все четко и ясно, но балду крутил, балдокрут! Вот точно ему подходило! И ведь под простачка всю дорогу косил, а тут завернул: «независимо от их половой принадлежности», — Ты можешь на пальцах пояснить, четко и внятно, что можно делать со свежаками, а что нельзя?

— Если на пальцах, то все просто. Встретил свежака — помоги, чем можешь. Например, укажи, где ближайший стаб, поделись живцом, информацией, если по пути — доведи или до безопасных мест, выведи к людям. Если богат на снаряжение — поделись, но не в ущерб себе. Говорю же, по возможности! Нельзя свежаков только обижать, то есть кидать, как-то использовать в корыстных целях. А так встретил, обстановку пояснял, рассказал, уже плюс... А тут что было? У нас с водителями контракт только на то, что они будут вертеть баранку, в замесы их никто пускать не собирается. Решил так будет безопаснее, его дело. Он же не виноват, что тупоголовые девки за ним бросились.

— А ты бы не бросился? На их месте? Не зря же есть поговорка, про бегущего генерала. Мол, в мирное время это смешно, а в военное страшно. Он из них самый опытный, вооруженный, ломанулся на выход...

— Я бы не бросился! — сказал тот как отрезал, — И заканчивай мне на мозг капать. Не время сейчас. Зараженных надо чистить. Гранит в таком состоянии цацкаться ни с кем не будет. Поэтому я вскрываю, опыт у меня большой, тебя бы потренировать, но не время. Ты прикрываешь. Ферштейн?

Обернулся, возле тела мужчины, длинного и нескладного, болезненно худого, сидела на коленях, чуть раскачиваясь, красивая темноволосая женщина лет тридцати. Она закусывала кулак левой руки, правой гладила лицо покойного. На солнце блестели дорожки от слез на щеках. Мда... Три дня, а посмотрелся уже столько и всего...

...Наконец-то вырвались из еще одного неизвестного города. Адского места. Конечно, можно и посмотреть на указатели, спросить, узнать название, но мне это было не нужно. Делали мы стабильно километров сорок-шестьдесят. Душа пела, когда я смотрел с пассажирского места рядом с водителем, на пусть и не пролетавшие, но мелькавшие на обочинах указатели и пейзаж, характерный для средней полосы России.

За спиной у меня висел предпоследний гранатомет РПГ-26, рядом лежал АС.

Это я сразу, как только очутился в бронированной коробке, полез к своим сумкам, которые среди общей захламленности еле-еле удалось откопать.

Первое. Достал и осмотрел АС Вжики, той самой муровской девки, которую я прикончил несколько часов назад.

Нормально. Ухожен. Сделал неполную разборку, просто отличное состояние. А отсутствие коллиматора не критично, подсумок с приклада, как и хитрый переходник под оптику, который в отличие от последней остался цел, решил потом снять со своего автомата.

Мой ВАЛ перевыполнил свои функции на сто сорок шесть процентов. Ни разу меня не предал, даже не стреляя спас, ведь если бы этот удар кусача пришелся по мне, то о

выживании речи бы не шло. Хотя может быть и защитил бронезилет. Но что-то брали меня сомнения. Ствольная коробка вместе с крышкой хорошо так замялась, сам глушитель был искривлен. Почему я вновь остановился на этом оружии?

Потому что не знал, когда предстоит следующее боестолкновение, а в подсумках РПС у меня сплошь магазины для АСа. В гранатный подсумок, где до этого была эфка, затолкал ргдэшку. Вытащил предпоследний РПГ-26. С чем-чем, а вот с таким девайсом, если он имеется, я даже в туалет буду ходить. Два раза уже доказал, что гранатомет просто жизненно необходим в Улье.

— Ты мне не веришь? — зло посмотрел на меня Гранит, едва я заикнулся сразу после битвы о возвращении БК, в частности, гранатометов, потом видимо командир справился с собой, остыл, и заговорил медленно, будто пытаюсь достучаться до дурака, — Доберемся до Острога — лично вручу, в этот же день! С собой у нас их нет. Сам же слышал, что большая часть припасов и БК, как и другого необходимого оборудования, была уничтожена в Шишиге вертолетом ресов.

На этом и закончили разговор. Поэтому вновь пришлось лезть в свои закрома.

И вроде бы сейчас, когда остались позади практически все основные опасности, так как больше остановок по каким-то делам не предвиделось, насколько я понял рейдеров, однако неясная тревога продолжала давить на чувства. Это бесило и пугало одновременно, а неизвестность не позволяла хоть как-то адекватно просчитать, накидать будущий план.

Количество вопросов множилось, ответов не прибавлялось.

— 2 —

Северо-восточный Форпост выглядел донельзя внушительно. Здание высотой около тридцати метров из-за общих размеров смотрелось приземисто. Конструкция по очертаниям напоминала зенитную G-башню люфтваффе времен Второй Мировой войны, в свое время еще в Вене удивлялся размаху сумрачного немецкого гения.

Совсем не таким мне представлялся «бункер», как называл его Третьяк. Я ожидал увидеть типичное советское подземное сооружение на случай ядерной войны или еще для каких-то неведомых целей военных. То есть, невысокий холм густо поросший травой, мелким кустарником и чахлыми деревцами, в который врезались обшарпанные и местами раскрошившиеся бетонные плиты, обрывающиеся у огромных, метровой толщины, стальных ворот. Но это по классификации был «бункер подземный», здесь же шла речь о «наземном». Хотя почему в разговоре не обозвать его просто — «башней», что гораздо логичней? Одно слово — Третьяк...

Да и окрестности в воображении представляли другими. Максимум должен был быть забор с прорезами из ржавой сетки рабицы, пара кособоких вышек, злые часовые с пулеметами на них. Несколько обшарпанных вагончиков-бытовок или, как вариант, сборных железных гаражей, где проживали озлобленные и грязные рейдеры из штрафных отрядов. Вечно пьяные, вечно голодные, они вечерами собирались возле чадающих густым черным дымом железных бочек, пили денатурат, играли на гитаре и сетовали на жизнь.

Реальность же оказалась больше похожа на фантастику. Признаки цивилизации появились примерно за полкилометра до форпоста. Сначала над нашей колонной неторопливо прошел внушительных размеров футуристического вида беспилотник — выглядевший, как зализанный квадрокоптер, на пилонах которого были подвешены контейнеры и явно не с подарочными наборами.

Затем вместо плохо прикатанной грунтовой дороги появился отличный асфальт с новенькой разметкой на три полосы. И сразу же первый монументальный знак: «Внимание! Вы находитесь на территории, подконтрольной Острогу! Прилегающая местность частично заминирована! Двигайтесь строго по дороге! Ориентируетесь по указателям! До Северо-восточного Форпоста — 400 м!».

— Не лень каждый раз после перезагрузки знак ставить и местность минировать? — спросил водителя, на лице которого сейчас блуждала довольная и облегченная улыбка.

— Зачем? Это же стаб! Дорогу наши сами проложили, — правильно понял тот причину моего вопроса, не удержался и добавил почти счастливо, — Неужели добрались! До последнего думал, зря подписался на это дело...

Перед въездом на территорию форпоста была выложена из железобетонных блоков змейка, а метров за десять до нее по обеим сторонам указатели «Мины!» со стрелками, влево и вправо соответственно. Такая надпись кратко, четко, лаконично и доходчиво объясняла всем непонятливым, что двигаться необходимо только в пределах проезжей части. А затем еще один знак: «Движение только со скоростью 5 км/ч!». Инспекторов вокруг не видно, однако бойницы башни, начинавшиеся примерно с третьего этажа, как бы намекали, что

шутить с ПДД здесь не стоило.

Периметр обжитой территории был огорожен высоким, не менее трех метров, забором из сетки рабицы. Хоть здесь я угадал. Поверх шли кольца егозы, наблюдательные вышки, примерно через каждые пятьдесят метров, на считая блокпоста возле шлагбаума, перегораживающему беспрепятственный въезд, за которым находились еще и ворота, но тоже легкие, несерьезные. Хотел посмотреть, чем вооружены и сколько всего бойцов дежурят, но...

— Люгер! — раздался призывный голос Третьяка, — Давай сюда, разговор есть!

Пришлось подниматься и тащиться в конец салона.

— Слушай вводную. Сегодня остаемся здесь. Завтра с утра, около двенадцати часов выдвинемся вместе со штрафниками в Острог, — рассказал тот о плане действий, — Дальше. Есть пара правил, специально для тебя. Ты, в первую очередь, — свежак. Не забывай об этом! Мужик ты умный, боевой, и в помощи не нуждаешься, но, если кто-то из местных что-то тебе будет дарить — не отказывайся. Обидишь! Хуже того, есть тут нервные, как бабы, типа раз новичок у них ничего не берет, то Улей метку им персональную шлет. И метку, как ты понимаешь, черную. Суеверия, конечно... Однако в итоге и завалить могут. Второе, все оружие на предохранитель. Абсолютно все! С боевого взвода снять! Это важно! Гранаты, учитывая твою к ним любовь, сразу убирай подальше, при себе не держи! Аглень — туда же! Тут и квазы встречаются, выглядят они, как мертвяки, только разумные. Зачастую это нормальные мужики, и даже женщины. Завалишь такого — никто тебе скидки на новизну не сделает, в штрафной отряд законопатят, и не сюда куда-нибудь, а туда, где реально смертность семьдесят-восемьдесят личного состава. И мне за тебя прилетит нехило. Правила поведения здесь простые: следуй десяти заповедям! Будь вежлив, за оружие первый не хватайся. Все ясно?

— А, если кто-то будет грубить и стволами размахивать?

— В таком случае, особенно, если будут свидетели — действуй по обстоятельствам, можешь и валить сходу. Но лучше не надо, штрафы такие — заплачешь. Если же платить откажешься — добро пожаловать на отработку.

Я кивнул, показывая, что информацию к сведению принял, решил еще уточнить.

— Мои действия сейчас? Технику охранять будем?

— Ничего тут сторожить не надо. Территория абсолютно, насколько это может быть в условиях Стикса, безопасна. За крысятничество сразу на кол садят и живцом еще пару дней потом подпаивают. Отрезвляет вороватых быстро. В машинах же ночевать нельзя — правило такое. Как и спать под открытым небом. Только в местной гостинице. Стоит номер около четырех спаранов за сутки. Есть баня, даже целый банный комплекс, там свои расценки. Еще тут отирается пара — тройка барыг, но с ними советую не связываться. Скупают за копейки, а цены дурные ломают. Из трофеев, если что собрался продавать, у тебя же одна стрелковка практически, — поговори с Каштаном, цену нормальную даст. И не кинет. Плюс, у него один из лучших оружейных магазинов в Остроге. Есть почти все. Там и обмен можно замутить, если надо. Он реальный спец в своем деле.

- Значит, помыться-постираться тут есть где?

— Помыться да. А стирать ничего не советую. Все что на тебе кровью пропиталось настолько, что ни одна стирка не выведет этот запах, поэтому выкидывай сразу. Матерые зараженные, они кровь и особенно старую за сотни метров чувствуют. Поэтому в рейде, даже самых мелких царапин нужно избегать. Одежду же не жалея, повседневно копейки

стоит, да и есть у тебя во что переодеться, не так ли?

Утвердительно качнул головой.

— Тогда тем более.

— Сумки сразу забирать?

— Нет, с местом ночлега сначала определимся. Водилы здесь пока будут, осмотр техники проведут. Ты же покури пока, я сейчас пару номеров сниму, и вернусь с ключами. А там помогу вещи донести, — вызвался сам крестный.

То, что о спокойной жизни мне остается только мечтать, стало понятно сразу, едва только бронированная дверь поползла вниз. С близкого расстояния, уже виденная мной возле здания ФСБ, боевая машина будущего смотрелась еще внушительнее. Хищные зализанные формы, восемь огромных, почти в рост человека, зубастых колес. Совершенная красота, кто ценит ее в оружии. Обычный БТР рядом с ними казался маленьким и несерьезным. Отличная вещь, если бы еще не намалеванный на броне красный кельтский крест. Шакалы, будто обкладывали! Ладно, проблемы будем решать по мере их поступления. Сразу ведь было известно, еще со слов рейдеров, что банда или секта крестоносцев, Постигающих ли, довольно вольготно себя чувствовала в Остроге.

Стоянка же была почти забита. Разнообразной техники тут хватало. И вся она в той или иной мере адаптирована под условия Стикса. Пара тайотовских пикапов с пулеметными, сейчас пустующими, турелями в кузовах. Несколько мотоциклов. Военный «Хамви», выкрашенный в песчаный цвет. «Уралы» и «Камазы» увешанные железом и утыканые шипами, окна в решетках. От обилия и разнообразия всевозможных конструкций в глазах рябило. Практически все автомобили прошли определенную модернизацию. Логичность большинства видов апгрейда оставалась за кадром и была под вопросом. Большим таким вопросом. По мне, осталось еще цирковые шесты прихреначить, а на них пару живых зараженных. Чем не безумный Макс? Внушает? А-то!

Но, удивляло другое. Поражало ли. Чистота, прагматичная распланированность каждой детали ландшафта на территории Форпоста, общий архитектурный облик всех построек, прекрасный асфальт, четкая разметка, указатели. Сотни и сотни мелочей складывались в картину эдакого порядка, который у нас обычно принято было называть «немецким».

Еще откуда-то одуряюще пахло печным дымом, и сразу зачесалось все тело. А перед глазами явственно возникли клубы обжигающего пара, березовый веник, квас, много кваса. Потом же сидеть распаренному за деревянным столом с литровой запотевшей кружкой хорошего холодного пива это... Это, мать его так, райская картина!

Я закурил, а в поле зрения показались Москвич и Каштан, свежаков уже увели, да и многие рейдеры, кроме водителей, разбрелись по своим делам.

— Люгер, я все у тебя хотел спросить, да времени не было, — вполне бодро скалясь и вращая в разные стороны единственным глазом, сказал заместитель командира, дежурно стрельнув сигарету.

— Спрашивай, — милостиво разрешил я. Опять какую-нибудь хрень придумал. Но сейчас злиться ни на него, ни на Каштана, не получалось. Уже почти своими посчитал?

— Ты что, жрал кого-то? — ткнул пальцем на мою грудь.

Кровь зараженного пусть и засохла, но все равно залит я был ей порядочно, от подбородка до пояса. С лица смог частично салфетками оттереть, но, похоже, не до конца. И к моей одежде за какие-то двое суток столько этой кровушки прилипло... А личный счет на кладбище вырос нехило.

— Он кусачу почти глотку перегрыз, еле-еле оттащил, — влез подошедший Третьяк.

— Да ну!

— Вот тебе и «да ну», — передразнил его крестный, — Пока ты там херней маялся...

И в красках поведал о происшествии, только с его слов выходило так, будто не меня он от кусача спасал, а кусача от меня.

— Третьяк, — перебил я, — Что с номерами?

— Вот! — протянул тот ключ с биркой, — Твой семнадцатый, одиночный, должен мне шесть рублей. Я же в соседнем обосновался, там для двоих. И да, без шуточек, — посмотрел на зубоскалов, — Я очень серьезно настроен!

Похоже решил свою судьбу связать с Ирией, с которой всю дорогу ворковал. Каштан хотел было что-то сказать, но в последний момент промолчал. Крестный же продолжил.

— Сейчас покажу тебе, что и где. А вы, бездельники тоже, давайте-ка помогите честно добытые Люгером трофеи до места доставить. Нахапал он — дай дороги! Вдвоем за один раз не дотащим.

— Да, не вопрос, — неожиданно для меня согласились оба, — С тебя пиво!

— Окей.

Мне не жалко.

Гостиница напоминала типичный американский придорожный мотель. Такое же длинное П-образное одноэтажное здание, симпатичное, будто с картинки, и новенькое. Все вызывало ощущение некоей нереальности происходящего. Не ожидал такого.

Номер тоже был вполне себе неплохим. Идеальная чистота даже заставляла почувствовать некое неудобство от того, что грязь с меня только не сыпалась. Огромная двуспальная кровать занимала минимум треть пространства. Вдоль стены вытянулся стол, массивный и широкий — на таком удобно оружие чистить, скорее всего, именно в этом его и предназначение. Над ним дополнительная лампа, несколько розеток и переходники под евро. Шкаф купе. Заглянул в небольшую уборную, обычный стандартный унитаз, хотя я ожидал био, пластиковая кабина душа. Уютно, опрятно, пусть и не пять звезд.

Сумки свалили перед кроватью.

— Каштан, к тебе вопрос, — остановил я уже на выходе рейдеров.

— Жги...

— Хочу часть трофеев продать.

— Да, не вопрос. Прямо сейчас?

— Нет, разобраться надо.

— Тогда давай завтра с утра и займемся. Цену дам нормальную, но рассчитывай, что себе в убыток я никогда не работаю. Процентом шестьдесят — семьдесят получишь. Расчет произведем в Остроге. С собой я много денег никогда не ношу. Там еще у меня в магазине посмотришь, по бартеру может что-то, можно, вообще, на реализацию товар поставить... Вариантов много, пристроим, короче.

Они вышли, а Третьяк задержался.

— Люгер, про баню я пробил — через часа два будет готова, да и наплыв немного спадет. Предлагаю сначала туда забуриться, а потом пожрать и рейд отметить. Раньше все равно у них только перекус небольшой. Готовят еще. Плюс, тебя точно никуда дальше порога не пустят, пока себя в порядок не приведешь. Вид, конечно, боевой... Но... Помойся хоть немного и переоденься...

— Договорились, — согласился я с расписанием проведения досуга.

Закрыв дверь на массивную щеколду, первым делом распаковал лэптоп и другую электронику, поставил на зарядку. Затем достал из сумки, перепачканной в засохшей крови неандертальца, упаковку с нижним бельем, масхалат, сланцы. Огромное чистое махровое полотенце уже имелось в душе, на него сразу обратил внимание.

Снял РПСку, затем скинул бронежилет. Вот интересно, его тоже выкидывать? Нет, лучше пока в отдельный пластиковый мешок под мусор упакую. Во второй без всякой жалости отправил и «Горку», и футболку, и прочую одежду, от которой только сейчас почувствовал такой густой запах гнили, пота и еще чего-то мерзкого — едва не до тошноты. И всего-то в ней находился двое суток. Освободил все подсумки от содержимого, выбросил и их. Подумал и мародерку, понятное дело пустую, вместе с ременно-плечевой системой без всякой жалости сунул поверх, напоследок водрузил ботинки. Завязал и первый, и второй пакет на узел.

Ремень Цемент с жемчугом взял с собой в душ, впрочем, поставил в уборной и автомат возле унитаза, на раковину положил под руку пистолет Ярыгина, попробовал вроде бы все удобно. Пару гранат — на крышку унитаза. В случае чего — есть чем отбиваться. Паранойя? И черт с ним! Лучше быть живым параноиком, чем в случае опасности, оказаться голым и в мыле, а из оружия имея только собственный хрен. Врагов, пусть и неявных у меня хватало, начиная от постигающих и заканчивая тем, кто пристрелил мою собаку. Имущества же куча. Так что, это меры необходимой предосторожности.

Какое это наслаждение — горячий, мать его так, душ! Едва не заорал от восторга.

Вода сначала бежала с меня почти черная, часто окрашиваясь в красный цвет. Мылся на три раза, до скрипа кожи. Я чувствовал, как грязь и пот, вместе с чужой кровью смываются вместе с мыльной пеной. Не меньше получаса предавался блаженству. Сразу захотелось есть, а если точнее жрать! Много, желателно мясо и большими сочными, хорошо прожаренными кусками с острым соусом. Пришлось даже слюну сглотнуть, настолько явно возникла картина перед глазами, а в животе забурчало.

Долго растирался махровым полотенцем. Одел масхалат. Сланцы на босу ногу.

Теперь пожрать бы и уснуть. Но...

Принялся разбирать трофеи.

Открыл первую сумку. Сверху шлем Вжики. Оттер его приготовленной тряпкой, а ничего девайс, мне понравился. Очень легкий, и очень, и очень прочный. Жаль размер был маловат, а так бы сменил без всяких сожалений. Его на продажу, тем более Третьяк говорил, что подобные вещи здесь ценились у местной элиты, да не той, которая голодная по кластерам бегала, а настоящей, осторожной.

Взялся разгрузочный жилет, кровь уже высохла, почернела, обсыпалась противной трухой. Это хорошо, что я масхалат пока одел — его не жалко будет выбросить, нормально же переоденусь после бани. Итак, шесть стандартных магазинов к АС ВАЛ. Судя по пулям, точнее, по отсутствию маркировки на одних и оголенной носовой части в черной краске на других, мне достались СП-5 и СП-6, поровну. Вот их точно продавать я не собирался.

Четыре гранты в небольших подсумках были двух разновидностей. Первая пара — оливкового цвета пластиковые цилиндры, диаметром около четырех сантиметров, с зеленой рубчатой, в крупный квадрат, рубашкой. Чека ничем не отличалась от стандартной — кольцо и те же усики. И функция заключалась в фиксации предохранительного рычага. Последний, пусть и выглядел немного иначе, но в целом не так, чтобы запутаться. Маркировка на латинице черной краской — DF-3. Больше никаких надписей не имелось.

Вторая пара — толстые цилиндры длиной около десяти сантиметров, окрашенный в черный цвет, с белой надписью DF-T2. Запах идентичный. Ни разу таких не видел и про маркировку не слышал вроде бы, хотя разве я спец-оружейник? Нет. Завтра у Каштана узнаю о них больше, если хорошие — себе оставляю, нет — продать недолго.

Аптечка с тремя дозами спека — барыгам. Четыре магазина для Глок-17, пятый, выщелкнул. Произвел неполную разборку, вроде бы после чистки не стреляли. Сначала хотел пистолет продать, но передумал, тот же ВАЛ в несколько секунд тварь привела в негодность. Пусть лучше лежит у меня в закромах. Есть он не просит, а в случае чего — пригодится, мало ли еще как жизнь сложится.

Перевязочный пакет, кровоостанавливающий жгут, как и неплохой складной нож, а также вполне настоящий Ка-Бар, пусть и меньше стандартного размера, — решил отдать свежакам. Разберутся кому и что нужнее.

Портмоне — типичное женское. Одно отделение под приличных размеров смартфон, который там и находился, пара карманов под рубли. Местные орлики. Всего сто двадцать два. Конечно, могло быть так, что Кривошей и Вжика ограбили какого-то честного жителя Острога, вот только не верилось мне в такое. Получалась интересная картина — в этом Монако рубли тоже в ходу и не являются редкостью. Более того, они привычные, раз под них специально кошельки делали. Все, как и в обычной жизни, — непросто, ой как непросто. Деньги добавил к остальным своим. Сотне врученной мне Гранитом, шестидесяти взятых с Кривошея.

Смартфон никаких паролей не требовал, поэтому решил его оставить и проверить на наличие какой-нибудь полезной информации. Еще здесь была заламинированная фотография. Довольно выцветшая, с характерными трещинами в местах изгибов. То есть, в пластик ее закатали тогда, когда она уже стала приходить в негодность. На ней улыбающийся высокий парень и очень красивая девушка, в которой с трудом опознал убитую мной Вжику. Похоже групповое сэлфи. Перевернул фото. В нарисованном от руки сердечке: «Наше лето — 2014», следы помады от губ, по всему периметру разнокалиберные «люблю». Мусор, короче. Несколько прикладок, женский походно-полевой набор для наведения красоты — все туда же.

Хитрый бронежилет оттер от следов крови, которая очень легко обсыпалась. Ни единого пятна, как новенький. Жаль тоже небольшого размера, его к шлему. Материал интересный ничего не прилипло, пятен не осталось. Ботинки туда же, как и футуристические наколенники и налокотники. А вот когти решил пока оставить себе. Посмотрим. Конечно, резон в словах Третьяка имелся — с зараженными особо в рукопашную не сойдешься. Да, с теми с которыми можно это сделать, достаточно и клевца, а вот с другими уже смертельно опасно. Точнее просто смертельно, без всяких опасно. Но с другой стороны, сегодня мне не пришлось бы грызть кусача, и вот уверен, не появился вовремя крестный, зараженный прибил бы меня, просто замешкался от удивления. А так, будь на мне эти когти, срезал бы ему башку и все. Произошедшее, скорее всего редкость из разряда почти фантастики, но ведь она случилась?

Планшет с картами — однозначно надо проверять.

С Вжикой все.

Теперь трофеи с Жанны. ПБ к нему три магазина. Нужен он мне? Пригодится. Плоскую фляжку с живцом, как и нож — вон свежакам. У них вообще ничего нет.

ТРК-10 — это мое. Никому не отдам, только научусь пользоваться. «Тигр» из строя

вывели именно из такой игрушки. Тяжелая пуля пробила бронированный капот, смогла повредить двигатель до полной его непригодности. Поэтому осваивать и осваивать. Редкий боеприпас? Вполне возможно. Но с Кривошея взял четыре магазина, плюс пятый примкнул. И у меня от Цементы сто двадцать.

На первое время хватит, что же до редкости патронов в Улье, учитывая, что мне не раз и не два уже проехали по ушам насчет ксеров, способных штамповать любые вещи, помещающиеся в их ладонях, — проблема надуманна до безобразия. Да и не то это оружие, чтобы из него палить, как из пулемета.

Плоский бинокль в сторону, тоже пока еще не разобрался с ним. Но был бы плохим, то Третьяк не его в рейд брал, а тот же Steiner. Рация, как у меня. Ресовская игрушка. Ее тоже не буду продавать. Про запас. Граната Ф-1 — мне.

Флягу с живцом, мачете, предварительно проверив его рукоять на предмет тайников, опять в сумку — свежакам.

Планшет в обрешиненном корпусе с непонятным логотипом — треугольник, в который вписана буква «Т», в кожаном чехле, типа книги, к нему прилагалось перо и крохотные наушники. На проверку.

Тяжеленная сумка с трофеями из перевернутого «Тигра». Предпоследний РПГ-26.

Необходимо было еще и расход БК посчитать и Граниту на подпись. Пусть возвращает, вместе с гранатами. А то в копеечку выходит воевать за свой счет. Без гранатомета же в Улье, я теперь никуда. Весит не особо много, тем более еду, например, можно с собой и не брать. Везде ее хватает. Да и, вообще, автомобилем нормальным надо разживаться. Желательно с боевым модулем, как упоминал Кашган. Для одиночки.

Я пока сам не знал, чем мне придется заниматься, но уверен только точно в одном, абы с кем рисковать жизнью не буду. А то, что наши пути с этими рейдерами разойдутся — это очевидно настолько, что упоминать не стоит.

Двадцать гранат и цинк с УДЗ. Тратятся они — не успеваешь считать. А брать где? Неизвестно.

Вот что мне точно не нужно, так это улитки для АГСа. Две полные и одна пустая, итого пятьдесят восемь воговских выстрела. Даже из ленты извлекать не стал. Они мне не нужны, все это на продажу, как и цинк патронов 5.45.

Пистолетные девять на восемнадцать — шесть пачек и тридцать четыре патрона россыпью — себе. Даже тренироваться и то хлеб. Полицейский легкий бронежилет — свежакам. АКМС молодого бандита с крыши — на чистку и на продажу, ГП-25 с него туда же.

А вот патроны, как и магазины... Еще окончательно не решил. Только разрезал изоленту со спарок. В любом случае, валетом пусть таскают другие. Еще шесть ВОГоев извлек из кармашков, может не все продавать, а хаттабок наделать? Так смысла нет. Осколки легкие, разве только против пустышей, как говорил Цемент.

Один ПММ для тренировок, второй на продажу. Помповый Venelli M1014 тоже пока пусть у меня будет, а двуствольный МСП «Грозу», тот вообще на ногу прикреплю. Кукри, проверив на предмет тайника в рукояти и ножнах, тоже свежакам. Выглядел тот грозно, почти как меч. Мне же такое добро близко не надо.

АК-103 пока не решил. Фотоаппарат, рация «Кенвуд», планшет «Самсунг», в кожаном чехле, пять спарок магазинов. Еще четыре выстрела для ГП, и три гранаты РГД-5...

Возился я, перебирая вещи, как в фильме «Свадьба в Малиновке».

— Ну что, пожрем и в баньку? — осклабился тот довольно, едва я открыл дверь. Мимо же прошел Постигающий в длинном кожанном плаще и фуражке, скользнув по мне вроде бы безразличным взглядом. .

— 3 —

Взгляд чертового сектанта мне не понравился. Напускное безразличие, которое сквозило в нем, скрывало настоящий интерес. Интерес живой, цепкий, липкий, пытающийся проникнуть в самую суть. И ничего хорошего он не предвещал.

Да, можно не раз и не два повторить мантру, мол, опять у меня разыгрался приступ паранойи. Вот только именно она, родная, позволяла проходить сотни и сотни раз по самому краю таких обрывов и круч, что от тех высот и разверзшейся внизу пропасти кружилась голова, а к горлу подступал ком.

Крестный протиснулся в комнату, тихонько присвистнул, увидев разложенные горы и кучи вещей. Как будто до этого не он помогал их затаскивать. А лицо довольное, как у волка, добравшегося до дымящихся на легком морозе потрохов, сожравшего печень, и теперь в сладкой ленивой истоме растягивающего губы. Жизнь удалась, мать его так! Вот только с чего такие резкие перемены в настроении? Рейд закончился благополучно?

— Нормально ты прибарахлился, — его взгляд чуть задержался на планшетах с картами.

— Ага, — невозмутимо ответил, наблюдая внимательно за Третьяком, — Как думаешь, вот эти трофеи хочу свежакам отдать, нормально будет?

На слове «свежаки» тот красноречиво уставился на меня, потом хохотнул, затем осмотрел содержимое сумки.

— Нормально, нормально, что типа, на тебе, боже, что нам не гоже?

— Предлагаешь последнюю рубаху снять?

Тот, молча, поднял вверх руки в жесте «сдаюсь».

— Несколько вопросов есть, — и, не дожидаясь ответной реакции, продолжил, — Во-первых, вот эти гранаты что собой представляют? Никогда таких не встречал.

— Дэфки! Обычные гранаты, правда от щитовиков. Вот эта с рубашкой типа Ф-1 и по действию, и по прочим эффектам, замедлитель вроде бы рассчитан на три секунды. А это термобарическая.

— Ясно. Ты знаешь, как вот с этой штукой управляться? — ткнул пальцем на TRK-10, которая сейчас стояла на сошках на столе.

— Да, приходилось сталкиваться. Потом покажу и объясню, но лучше с Каштаном консультироваться насчет стрелковки, да и относительно любого оружия. Он у нас спец. И наставления у него на все имеются. Но добрый совет, пока в КАН не стаскаешь, а они не закладки и прочую тряхомудию потроха и прицел не проверят, лучше не пользоваться. Ресовские шуки-дрыки! А я их на дух не переношу. Мощные, убойные, легкие, хорошие — этого не отнять, но... не верю я во всю эту муйню. По мне, чем меньше разного технологичного дерьма, тем лучше.

— Хорошо. Тогда последний вопрос. Оружие брать, и можно ли в номере вещи оставить, никто не приделает ноги?

— Вещи оставляй смело. За них несет ответственность администрация отеля и, вообще, Форпоста. Да и не разу не слышал я, чтобы кто-то что-то здесь своровал. Дело не в воспитанности, а в том, что если поймают или на кол посадят, или зараженным живьем

скормят. В Остроге либеральнее. Здесь жестко все! И это, согласишься, заставляет даже самых отморожков с пиететом относиться к нашим законам. Риск несоизмерим. Пистолет же всегда должен быть с тобой, и в Остроге тоже. Трусы забудь — его возьми! Приличней будет. Автомат оставь. Да, гранаты тоже не бери! Я когда их у тебя вижу, мне страшно становится! Ты ведь их, даже не думая, в ход пускаешь!

— Хорошо, — согласно кивнул я.

Послебаннные вещи давно были уложены в сорокалитровый рюкзак. Там же на дне лежал ПБ с одним запасным магазином, «Заря» и Ф-1, которые не подумал выкладывать. Плевать на чьи-то страхи и фобии, главное, мне спокойней. Решив не рисковать, туда же положил карты Цементы и фляжку с живцом. Мало ли, вдруг приспичит. Нацепил ремень, на котором оставил только кобуру с ПЯ. Сунул бумажник кривошея с деньгами в карман масхалата. Все. Готов к труду и обороне!

Третьяк подхватил сумку с презентами для свежаков.

Кафе находилось прямо за отелем. Прямоугольное здание, металл, стекло, красный кирпич, крыша шатром, она еще и закрывала от возможного дождя столики на улице. Здесь возле мангала, явно выкованного на заказ, сутился невысокий армянин, улыбочивый и приветливый. Если забыть о том, что происходило за периметром Форпоста, складывалось полное ощущение присутствия на матушке-Земле. Однако несколько здоровяков, увешанных оружием, попавшихся нам навстречу, разрушали иллюзорную картину видимого благополучия. Вот интересно, по всем признакам обживались здесь все всерьез и надолго. А как решалась проблема с перемещающимися стаями зараженных? Или близко не подпускали? Гасили на дальних подступах, используя те же беспилотники, артиллерию и минометы? Или каждый раз вновь все отстраивали?

Опять поразился какому-то удивительному порядку — ни одного окурка не валялось на идеально черном асфальте, как не пытался специально высмотреть, ни одной бумажки, ни обертки. Цивилизация, однако. Везде урны, тут и там скамейки, часто расположенные в тени небольших голубых елей, явно привезенных откуда-то и высаженных.

Внутри было уютно, десятка четыре деревянных столиков: шесть длинных, рассчитанных человек на десять, остальные стандартные — на четверых. Мягкое освещение, обалденные запахи, салфетки, скатерти, пепельницы. Треть мест, примерно, было занято.

В глубине помещения сидело четверо сектантов в кожаных плащах, так и не снявших свои немецкие фуражки. И без этого они у меня не вызывали никаких хороших и добрых чувств, а тут прямо родовая память включилась, вопила и требовала закатить кругляш эфки им под стол. Крестовики развернулись все, как по команде, плясь на нас, отчего возникало ощущение сельского клуба, и себя на месте городских. Тип, которого я видел, когда открывал дверь Третьяку, что-то говорил своим коллегам, явно про нас.

И черт с ними. Пусть только попробуют сунуться!

Завалю всех и вся.

И их БТР спалю!

«Наши» практически в полном составе тоже находились здесь. Свежаки расположились за длинным столом. Вручил хипстеру сумку с подарками. И не слушая благодарностей, вернулся к крестному, который примащивался возле окна. По дороге, кивнув мрачному Граниту, тому что-то втолковывал Гыча, размахивая руками, Дохлер мне подмигнул. Зондера и их ссыкливую команду я проигнорировал.

Уселся напротив Третьяка. Открыл меню и закурил. Выбор был богатый. Но я решил

остановиться на борще по-украински, салате, паре котлет с макаронами и соке. В меню присутствовал хлеб. Видимо пекли. Сложного ничего. Мука и дрожжи имелись практически в каждом магазине, даже хлебопечки не проблема, если самостоятельно месить тесто не хотелось.

— По пятьдесят? — предложил Третьяк.

— Нет, хочу пивом в бане побаловаться. Мешать пока не буду, — отказался я.

— Зря, тем более после такого рейда, просто необходимо немного напряжение сбросить. Ты как хочешь, а я вот накачу!

Я только плечами пожал. Ему не пятнадцать лет, сам знает, что делать.

Сразу же подскочила официантка, довольно симпатичная рослая ужасно конопатая деваха, с таким декольте, через который был виден пирсинг на пупке.

— Кстати, забыл сказать, баня тут общая. Есть все. Сауна, обычная наша, с вениками и паром, рассчитана человек на тридцать за один заход. Имеются отдельные кабинки. Но дорого. Мужики и бабы моются, парятся, греются все вместе. Ты там, главное, на рейдерш не заглядывайся особо, держись от них подальше. Большая их часть — больные на всю башку. Оторва на оторве и оторвой погоняет. И каждая уже не первый год здесь отирается, поэтому скрутят тебя в бараний рог, только повод дай. Из штрафных отрядов не вылазят.

Интересный момент.

— А зачем устраивать эти провокации с совместным мытьем, тем более сам говоришь, что либидо у имунных зашкаливает?

— Вот затем и совместное. Трахаться у всех на глазах нельзя — штраф охрененный. Насилие же не совершишь, не успеешь просто! Там же и завалят или охрана или сами посетители. Соответственно, коль надобность возникла, и любви захотелось, требуется помещение, отдельный номер, а он от пяти рубликов стоит за час. Плюс насмотришься на девок полуголых и голых, слюни потекут, а тут тебе и шлюхи. По сходной цене. Не баня получается, а растрата средств, зашел вроде бы состоятельным, на выходе уже вновь надо в рейд собираться.

— И почему ныне продажная любовь? — не то, чтобы она меня заинтересовала, не любил я проституток, даже элитных. Да, если обстоятельства требовали и не вмоготу терпеть становилось, то можно и воспользоваться. Что естественно, как говорится, то не безобразно, но пока особых позывов не испытывал.

— Как договоришься, но меньше, чем на двадцатку за час даже не рассчитывай. Здесь все же не Острог, а Форпост. Дамы сюда приезжают капусту рубить. С этим ясно?

— А рейдершам, что делать, если захочется?

— Как что? И для них свой сервис имеется. Равноправие абсолютное, есть чем заплатить, позволяют моральные принципы, ты хоть трех баб заказывай, а они соответственно хоть трех мужиков. Все по высшему разряду.

— С размахом как-то досуг поставлен, даже не ожидал.

— А что ты хочешь? Тут постоянно отирается около шести сотен. Кого-то черти ближе к Пеклу по делам тащат, в Острог не с руки, кто-то здесь обосновался, все их устраивает, по близости кластеров, где добычу взять неплохую можно — прорва. Еще штрафники, те фактически на самообеспечении, гарнизон, обслуживающий персонал, затем тут неподалеку завод ЖБИ прилетает, вот и плюсуй сюда еще три бригады работяг... Это же не единственное кафе, с той стороны такое же, да и внутри бункера столовая имеется. Много тут людей, короче, большинство мелких стабав в Улье меньше, чем наши Форпосты.

Официантка принесла еду. Третьяк первым делом наполнил стопку из пузатого графина, замахнул, как в топку паровоза кочегар угля забросил, поморщился, занюхал тыльной стороной ладони, крякнул:

— Эх, хорошо пошла, зря ты..., — громко чавкая, принялся хлебать суп, — Зря...

Когда я ем, я глух и нем.

И нет ничего лучше горячего супа и, вообще, любой приготовленной еды, после сухомятки. Сам не заметил, как справился и с первым, и с салатом, и со вторым. Крестный тем временем, уже накатил три по пятьдесят, а, учитывая, что он на этом ограничиваться не собирался, то ждать его не имело смысла. Не спеша выпил сок, вновь закурил. Кстати, вентиляция здесь была просто отличной, дымили многие, но мощные вентиляторы не позволяли клубам дыма собираться в сизые облака.

Появилась Ирия. Мда, у слона-то я и не заметил. До этого не сказал бы, что замухрышка, а сейчас, вообще, полностью преобразилась. В новеньких джинсах, какой-то блузке, неброско покрашенная, она выглядела на пять баллов. То-то Третьяк рядом с ней крутился, кстати, а не из-за этого ли у него хорошее настроение? Девушка чмокнула рейдера в щеку, тот же по-хозяйски приобнял за талию и поцеловал в губы.

— Милая, что будешь? — протянул меню.

Быстро у них. С утра познакомились, уже «милая». Хотя, тут за день столько всего произошло, что, кажется, минимум неделя прошла.

— Пойду в баню, — оставил я четыре рубля, почти три накапало за заказ и еще один на чай. Шесть — за номер, отдал крестному, не стоило долги копить.

Банный комплекс располагался за кафе, о чем рассказывали указатели. Буквально на входе столкнулся с Москвичом, Кашганом, Тальком и... Рука сама потянулась к кобуре. Но Кашган успел меня остановить, положив ладонь мне на предплечье.

— Тихо ты! Нормально все! Рассказывали же тебе про квазов. Это Кварц! Кварц — это Люгер, свежак, про него говорили.

Я же с опаской смотрел на элитника. Пусть и не матерого, но не меньше двух с половиной метров ростом, массивный и мощный, он напоминал здоровенный шкаф. Мышцы — куда там Шварцнегеру. Морда правда подкачала, пусть и не совсем уж походил на матерого зараженного, но от человека там осталось очень и очень мало. На квазе был запахнут халат, похожий на махровый, а на уродливой морде с безгубой пастью красовались очки. Обычные себе очки. Епать его в рот — интеллигент, мать его так! Богема, только трости не хватало.

Тот же протянул здоровенную лапу, которую я с опаской пожал. Смотрелась моя рука рядом с его, эдакой детской ладошкой.

— Будем знакомы, — пророкатал тот.

— Будем, — согласился я.

— Ты куда? — спросил Москвич.

— В баню.

— Мы тоже минут через пятнадцать подтянемся.

Стоп!

— А что у тебя с лицом? — теперь я понял, какая деталь меня еще смутила помимо встречи с квазом — морда у Москвича, до этого напоминавшая хорошо прожаренный бифштекс, с пустой глазницей, сейчас отличалась от второй половины лица только цветом. Новая, но абсолютно без всяких шрамов розовая кожа, глаз на месте. Чудеса, мать его так!

Хотя после лицензирования Кварца, как-то на второй план это отошло.

— Что с ним не так? — тот посмотрел на меня удивленно. Кваз же, зашел в кафе.

— Ну..., - я неопределенно помотал пальцем.

— Это работа знахаря, — понял меня правильно Каштан, — Пришлось нехило проплатить с общей кассы, но как видишь и глаз на месте, и все остальное. В солярий еще заглянет, чтобы цвет лица морды выровнять. А то он сейчас, как будто одну часть намазали блендомедом, а вторую обычной пастой! — и Каштан заржал. Молодец! Сам пошутил, сам посмеялся. Все сам!

...А говорили ажиотаж в бане.

На самом деле сейчас практически никого не было. Так, несколько полуголых девиц, кстати, весь обслуживающий персонал — это банщики и банщицы, мойщики и мойщицы, массажисты и массажистки продавались строго по прейскуранту. Пара бородатых мужиков ушла в обминку с лярвами. Да, чего-то мне не понравился такой разврат. Как бы тут не подцепить какую-нибудь дрянь. С другой стороны вроде бы никакая зараза к нам, к иммунным, не должна прилипать. Черт его знает, как оно в реальности, но рисковать и проверять справедливость тезисов на собственном организме — не хотелось.

Решил сначала прогреться.

В довольно просторной комнате сауны находилась только одна девушка. Она полулежала на полке, оперившись спиной о стену, оббитую липовой доской, и вытянув стройные смуглые ноги. Первое, что бросилось в глаза роскошные густые волосы, черные настолько, что казались антрацитовыми. Белоснежное полотенце, кроме того, что оттеняло цвет кожи, мало что прикрывало. Дальше мой взгляд скользнул по тонкой талии, и уперся в грудь размера четвертого. Изящная шея с небольшой родинкой под подбородком. Припухлые губы, рот был чуть приоткрыт. Прямой нос. Огромные синие глаза. Такой густой и насыщенный цвет бывал только у редких сапфиров. Они будто лучились, сияли. А там... Озорные насмешливые искорки, чуть-чуть любопытства, осознание собственной красоты и некий оттенок гордости, превосходства ли...

И все.

Вот здесь я понял, что пропал и попал.

Ощущения сродни тем, когда ты находишься в маленькой абсолютно темной комнате, и вдруг какой-то идиот стреляет у тебя рядом с ухом из дробовика.

Шок.

И полная дезориентация в пространстве.

А еще я тонул. Тонул, мать его так, в этих нереально синих глазах, и ни одна сука мне не бросила спасательный круг, не протянула руку помощи. Да я бы ее и не принял. Сам бы начистил рожу такому самаритянину.

Едва головой не встряхнул, чтобы прогнать наваждение.

Мля, торкнуло так, будто и девок никогда в жизни не видел.

До легкого головокружения.

На автомате уселся, на ту же полку, оставив сантиметров тридцать между собой и изящными ступнями незнакомки. Откинулся назад. И в голове одна мысль, набатом: да что со мной происходит-то?

Больше всего сейчас хотелось повернуться, посмотреть, полюбоваться, поймать вновь ее взгляд.

Девушка же беззастенчиво рассматривала меня из-под густых ресниц, это я отмечал

краем глаза. Не выдержал, чуть повернул голову. Мля... Лучше бы этого не сделал. С этого ракурса открывался прекрасный вид на гладко выбритый лобок. И ниже...

Как школьник, только не покраснел.

Чуть торопливо не потупился, не отвернулся.

Странное состояние, все понимаю, все осознаю, но все реакции не мои. Абсолютно! И поделаться с этим ничего не мог.

А на ее лице тень самодовольной улыбки, мол, вон я какая. Шедевр. Точно, шедевр!

Незнакомка, явно наслаждалась ситуацией, купалась в моем восхищении и смущении. Смаковала его.

— Ну как я тебе? — неожиданно спросила, а голос грудной с едва заметной хрипотцой. Такой можно было просто слушать, наплевав на смысл слов. Слушать, замерев от восторга. А ее глаза лучились. У меня же мурашки по всему телу.

И вот что ответить?

— Глаза у тебя красивые, — хорошо подсознание включилось, иначе обязательно проблеял какую-нибудь ересь.

— Да? — даже немного растерялась брюнетка.

— Да! — я даже головой кивнул, показывая свою уверенность в сказанном.

— А что же ты тогда не в них смотришь? — и в голосе явная насмешка.

— Боюсь, — честно ответил я.

— И чего боится такой сильный мужчина? — издевалась, стеблась, тащилась. Вот ведь сука!

— Боюсь не смогу оторваться. Растворюсь, утону, ты не представляешь, какие у тебя глаза..., - сам усмехнулся сказанным банальностям, и вроде бы как шутил, но неожиданно понял, что это правда.

Тут ввалились Каштан, Москвич и еще две девки-рейдерши. Голые, полотенца в руках, у прекрасного пола на голове замотаны на манер тюрбанов. После моей, а она должна быть моей, королевы, остальные казались блеклыми, не настоящими, не живыми, как резиновые куклы, с трудом сдерживал себя, что бы вновь не обернуться, не поймать взгляд удивительных глаз.

Раздвоение какое-то!

Точно знаю, что это ненормально!

Для меня такие ощущения непривычны!

Не должен я такого испытывать. Мне довелось видеть все! И каких только красоток не драл, начиная от белых, как первый снег и заканчивая горячими нубийками, на фоне которых даже ночь выглядела насмешкой на черноту. А китайки, тайки, индийки, русские, татарки и даже монголки? Тут же... Девка пусть и с хорошей фигурой и с синими линзами, и слюни только не пускал.

— А я вам говорю, что вы лесбиянки, потому что мужика у вас нормального не было! Надо, чтобы он отрахал вас, как сидоровых коз! И вот тогда вы поймете, что никакая баба не сравнится с настоящим мужиком! — категорично заявил Москвич, грозя указательным пальцем. Он явно уже поднабрался

Каштан гоготнул, поддерживая сторону товарища.

— Да, где ж его взять-то, настоящего-то? — всплеснула руками голая блондинка.

— Как где? — Москвич подбоченился, — Их есть у меня...

— Москвич, — перебила шатенка, — А может ты и натурал-то оттого что у тебя тоже

настоящего мужика не было? Отодрал бы тебя, как сидорову козу, и понял бы, что никакая баба не сравнится с чудом анального секса?!

— Вот ведь..., - выматерился заместитель командира, а Каштан заржал в голос, запрокинув башку к потолку, хватаясь за живот.

— А ты, вообще, Каштан, что елдой тут перед носом трясешь? Было бы чем, — блондинка, усевшись на скамью, перешла в контрастступление, — Вот скажем Хлое, приколотит тебя за яйца!

А все же ничего так эти девки, пусть и не дотягивают до брюнетки, но красивые. Веселые, на язык острые. Этого не отнять.

Пусть они тут в саунах сами отдыхают, а мы париться, как все нормальные мужчины. Но сначала в ледяной бассейн. Последнее — обязательно.

Встал.

Обернулся. Поймал взгляд синеглазки.

И, сам от себя не ожидая, сделал шаг к ней.

Девушка смотрела на меня с неким изумлением. Когда мне удалось взять контроль над телом, то уже целовал незнакомку. С трудом оторвался от таких мягких и податливых губ, приложив всю силу воли. Еще и прошептал на ухо тихо, чтобы слышала только она.

— Иначе бы жалел всю жизнь.

На тишину внимания не обратил.

И быстрым шагом, так как кровь уже кипела не на шутку, охреневая, и это мягко сказано, от собственных действий, вышел из сауны.

Тысячи, сотни тысяч маленьких ледяных игл впились в кожу, когда я с брызгами нырнул в бассейн. Вынырнул и заорал во все горло. Хорошо-то как. Вот ведь баба, как молотком по голове врзала. И из мыслей выкинуть не получалось. А теперь в парилку, только веники, только хардкор!

Там меня остановила абсолютно голая симпатичная невысокая девушка в шапке-ушанке с красной звездой.

— Попарить? — улыбнулась, и провела языком по пухлым губам.

— Да!

— Только попарить или еще что-то? — озорно подмигнула.

— Только парить!

— Ну, пошли, — чуть разочарованно заявила та, беря рукавицы.

Дальше же минут сорок, а то и весь час такого неопишуемого блаженства, которое могут понять только те, кто ценит баню. Девушка знала толк в процедурах, отходила меня так, как не каждый мужик сможет. Березовые и дубовые веники в ее руках то гладили, то хлестали нещадно. Брызгала на каменку. Запах ржаного хлеба, смешивался с ароматом каких-то трав. Десять рублей — может быть много, но ничуть не было жалко. После ледяного бассейна, словно заново родился. Невероятная легкость. И наконец-то появилось ощущение чистоты тела, которого не было после душа в номере.

Обернув полотенце вокруг бедер, проследовал в бар. Когда я уселся с огромной кружкой на два литра пива за стол, отпил сразу треть, и потянулся за сигаретами, то появился Москвич и ни слова не говоря, взялся за мою выпивку, хлебал долго и шумно. А потом сразу наехал на меня:

— Ты что творишь? Ты идиот?! — не давая вставить слово, продолжил, — Это мать его так — сама Хельга! Она теперь тебе яйца отрежет! Она за меньшее убивала! Мля... Они уже

тут все за стволы схватились, хотели суд Линча устроить. Короче повезло тебе, что свежий и мы рядом были. Но этот иммунитет ненадолго. Кончат они тебя... Так и знай. Сейчас я, еще пиво закажу, пока с ними терли — в глотке все пересохло!

Принес две кружки, одну поставил передо мной. Я улыбнулся.

— Нет, Люгер, ты не скалься, ты реально попал! Ты просто не представляешь в какое дерьмо угодил! Сейчас слух пойдет, затем ставки будут делать, через сколько времени твою башку Хельге принесут! Заметь, тебя в этих раскладах учитывать не будут!

Тут и хмурый Каштан нарисовался.

— Люгер, я не знаю чем и где, ты закидываешься, и когда успел на спек подсесть, но... Но это писец! Тебе песец! Это, чтобы ты знал самые отморозенные телки на ближайшую тысячу километров! А по умениям и как рейдеры, они из сотни семьдесят мужиков спокойно заткнут за пояс.

— А я тебе говорю, она нимфа! С чего бы у него башню сорвало?!

— Проверили, через ментата, нет у нее ни дара такого, и ничего, кроме обычных бабских штучек она не использовала. Так-то!

— Да? А что за ментат-то? Может они заодно! Я вот не верю, что Люгер, нормальный мужик, тут чисто с катушек слетел. Всю дорогу себя в руках держал, был почти самый продуманный, а тут, что телку красивую увидел и все — башню унесло? Так почему он ее трахать-то не принялся? Поцелуйчики?! Это бабская хрень! Вот если бы он ей там присунуть попытался, другой разговор. Тут же в десна начал биться!... Херня какая-то... Ты сам-то в это веришь? А-а? Вот я нихрена...

— Третьяк, — мрачно ответил Каштан.

— Что Третьяк?!

— Третьяк ее проверял. Ему ты веришь?

Москвич замолчал. Потом посмотрел на меня.

— Вот что с тобой не так, а, мля? В Остроге мы тебя прикроем, это не вопрос! И Гранит уже за тебя сказал. А вот за его пределами — достанут. Их в банде восемь тупых пе... звезд повернутых на ниве... Хрен знает, феминизм это, или просто от хронического недоеба, но, мужики для них дерьмо! Суки еще те короче, и типа всех круче, хоть и без яиц. И еще такой момент из головы не выпускай, полострога тебя завалить будут рады, если они просто пообещают дать тому, кто принесет твою башку! Понимаешь?

— Я реально не догоняю в чем проблема? Точнее, неужели все так серьезно? Ну, поцеловал красивую бабу, даже не трахнул и не грубил..., - сказал, а сам реально осознавал всю глубину падения. Таких ходов не совершал никогда в жизни. Скажу больше, с женщинами не целовался практически. Причина? Откуда я знаю, где их губы побывали? В десна биться с чьим-то хером? Увольте! Понятия — это, конечно, деструкция и все дела. Но там, где я рос, затем в той среде, в которой работал — такое отношение было нормой.

— Не грубил?! Не грубил! Нет, ты слышал, Каштан? — обернулся тот к своему товарищу, — Он оказывается не грубил! Вот ведь свалился... Ты, мать его так, нанес ей охрененное оскорбление! А она привыкла их смывать кровью. И не своей! Последний кто на нее просто посмотрел, понимаешь просто ей не понравился его взгляд. Похотливый типа! Так вот, она вдумчиво отрезала ему яйца! Ты понял, яйца — за взгляд! Они сейчас из-за этого здесь срок доматывают! Теперь понял, как ты «не грубил»? Ты же даже не посмотрел, ты посмел к ней прикоснуться! К нашей припизгнутой королеве Острога!

— Ты за языком следи! — раздался позади тот самый голос, который я готов был

слушать и слушать, куда той музыке, — Это последняя скидка, Москвич, потом я тоже забью на все и спрошу, как с понимающего! И скажи спасибо, что...

Здесь Хельга оборвала речь, прошествовала во главу нашего стола, перевела взгляд на меня, большие глаза сузились зло.

— Мальчик, ты понимаешь, что ты не всегда будешь свежаком? Что ты покойник, мальчик? Сто процентный! И я тебе это...,- начала та проникновенно, видимо заготовленную заранее, речь.

Хватит. Задрало. Хотя злости на нее не было. Совершенно. Наоборот, опять будто какой-то урод монтировкой по затылку врезал. Мыслей ноль. Только любование. Посмотрел, покачал мечтательно головой. Затем вздохнул глубоко. Нет, прет меня от нее. Никогда такого не было! Ни разу! Ни в первую любовь, ни в последнюю, ни даже под коксом!

— Во-первых, — я посмотрел ей в глаза без злости, но очень решительно, девушка все же не выдержала, чуть отвела взгляд в сторону, — Хочешь убить? Считаешь, есть за что?

Та хотела что-то сказать гневное, даже рукой порывисто успела взмахнуть.

— Так вот, — не дал я вставить ей слово, — Берешь и делаешь! Все ясно?! Во-вторых...

Я встал со стула, сделал шаг, обнял ее за талию и опять, как и в первый раз поцеловал. Хельга замешкалась только на несколько секунд, а затем с силой оттолкнула меня.

— Во-вторых, хуже уже не будет! А раз так, упускать такой шанс..., - улыбнулся ей, — Нет, никогда!

— Я..., - видимо поняла, что глупо зря сотрясать воздух, — Я это запомню! И когда, слышишь, когда кишки тебе намотаю... Тогда скажешь мне, стоило ли оно того или нет!

Зло зыркнула, развернулась и направилась к столику, где уже обосновались две девушки, виденные мной в сауне.

Затем мы молча пили пиво. На меня никто не смотрел, похоже, решили, что я окончательно с катушек слетел. А так и есть. И как иначе понимать последний мой ход? Ход конем, мля!

Появился Гранит, усевшись напротив, взглянул нормально, без злобы или сожаления. Пожевал губы, а затем, смотря чуть в сторону, сказал:

— Задам тебе несколько вопросов. Скажи, вот какого хрена ты полез к Хельге? Сам так решил?

Я пожал плечами. Даже на секунду возникло желание выложить все как есть, и будь, что будет. А отпустил порыв безмерной любви к Хельге только сейчас. Смотрел и не понимал: ну, красивая баба, вон сидит, но... Но нет никакого желания броситься к ней, наплевав на все. Флюиды какие-то? С близкого расстояния работает? Черт его знает.

— Понравилась, удержаться не мог.

— А обычно ты точно так же себя ведешь? К девкам незнакомым целоваться лезешь? — и посмотрел чуть сощурившись, очень и очень внимательно, — Подумай, может быть с тобой что-то не так? Это не шутки!

— Да, вроде бы все так, — так бы и выругался.

Какие тут нахер шутки?! Да, у меня уже гуси с привязи срываются! Надо срочно к местным эскулапам валить. А еще долбаный Цемент со своей тайной! Так бы рассказал, все Граниту, как на духу. Но нельзя. Или можно? Нет, у меня же не сейчас эти качели с настроением начились, похоже, вот откуда ветер дует. Поэтому лучше промолчу...

— Ясно, — тяжело вздохнул тот, — Что ничего не ясно! А ты темнишь! Я думаю, что ты под нимфу попал! Только зачем ей тебя под молотки подводить? Вот в чем вопрос...

Задумайся.

- Но с ней же Третьяк разговаривал, — влез Каштан.

— Третьяк ментат слабенький, а Хельга может сильнее. Кто знает, сколько у нее даров? Я — нет! Или кто-то левый интригу заплел. Поэтому думать надо, — обратился уже ко мне, — Ухо остро держи, ничего не бойся, пока ты свежий и под нашей защитой, они не сунутся. Но погань какую-нибудь могут сделать.

Командир встал и, чуть сторбившись, решительно направился к выходу.

Блондинка специально делала все, чтобы я обратил на нее внимание, а затем красноречиво провела ребром ладони по шее и улыбнулась.

Я ей подмигнул.

— Люгер, крестник, твою мать, что это было? — голос появившегося Третьяка звучал обеспокоенно.

Наконец нашел правильное определение случившемуся.

— Основной инстинкт, мля!

— 4 —

Резкий вдох обжег легкие, едва не взвыл. Есть расхожее выражение — «ощущение полного присутствия», вот и у меня оно было, это самое ощущение, будто какая-то мерзкая мохнатая тварь забралась в грудину и теперь водила там, внутри, наждачной бумагой с крупным зерном. Туда-сюда! Проведет, падла, замрет и смотрит на реакцию. Осклабится довольно, показывая гнилые кривые зубы, и вновь — туда-сюда! Присутствовала, короче.

Даже заорать не получалось.

Рот был набит какой-то дрянью. Слюна подкатывала к горлу, пищевод при плотательных движениях обжигало, куда той кислоте. А еще веки, тяжелые, стопудовые. Теперь я понял все чувства гоголевского Вяя, ту его тоску в голосе, когда надо было их поднять, а добрых молодцев с вилами поблизости не оказалось. Вдобавок безумный кузнец Вакула обернул наковальню мягким войлоком и теперь мерно и монотонно долбил по ней двухпудовым молотом. Долбил, сука, в моей голове!

Духхх...

Духх...

Дудуххх...

Духх...

Духхх...

Не знаю, сколько в реальном времени провел в таком состоянии — десять секунд, пять минут, двадцать, но в моем измерении прошла бесконечность. И страх сначала тихонько показал из закоулков разума свою мерзкую морду, затем нерешительно, чуть боязливо выполз, а потом, осмелев, стал заполнять собой все. Больше всего ужасало то, что мозг будто был изолирован от остального организма. Мышцы чужие, тело перекручивало, ломало каждую кость, и оно отказывалось подчиняться. Жило своей жизнью. Дергалось с усердием доброго паралитика. Оставляя мне возможность только наслаждаться болью.

Обрывки каких-то мыслей, которые стайками воробьев разлетались, стоило чуть приблизиться к ним. Ни одну не получалось ухватить за хвост.

Где я?

Кто я?

С трудом нашел ответы.

Улей.

Люгер.

Впрочем, постепенно в голове прояснялось, сначала удалось взять под контроль веки, открыть глаза. Угол кровати и шкаф один в один, как у меня в номере. Мой номер... Последнее внятное воспоминание — выхожу из банного комплекса, собираюсь в кафе прикупить еды и направиться к себе. А дальше — что-то ужалило в шею и темнота.

Постепенно появлялась и чувствительность тела. Сначала ощутил ноги, а потом, как теплая волна пронеслась. Руки были стянуты за спиной. Не холод металла, скорее всего пластиковые хомуты, какие я здесь видел неоднократно. Пока еще сохранялась чувствительность. Или затагнули слабо, или прошло немного времени. Впрочем, если хорошо

и с чувством подойти к этому вопросу, то и пяти, максимум десяти, минут хватит за глаза.

Включился слух.

Два голоса.

Говоривших, пока не видел, оба находились вне поля зрения.

— Чужак, зачем ждать-то?! Давай прямо сейчас отрежем ему башку, а потом все остальное. Скорее делать, пока его никто не хватился, и валить с Форпоста... Поймают за таким... Лучше даже не думать, чем это грозит.

— Вилена сказала, заплатит только, если будем резать живому и в полной памяти. Сначала яйца и член, потом пальцы на руках и ногах, потом башку, завершающий аккорд — в рот вставить хер.

- И откуда у баб в голове это дерьмо берется? Нет, просто завалить, выеживаются!

— Пусть! Нам же лучше. За искусство всегда платят больше! Еще надо принести башку этого идиота и видео. Это обязательно. И сделать все сегодня. Типа у них у главной — Хельги именины завтра. Велена презент преподнести хочет. Закосячил этот тип говорят, не по-детски. Не справимся — не заплатит.

— Один черт, такие сложности. Эффект-то тот же. Пациент скорее мертв, чем жив.

— Завалить свежака — много мозгов не надо. Если бы было все просто — хрен бы за него кто жемчужину дал, так, пару горошин, максимум. А мне нужна жемчужина! Очень.

— Не только тебе! — второй голос хохотнул, да так мерзко.

— Эт точно, но мы сейчас все поправим! Пять сек...

Тишина, шуршание.

— Чужак, Чужак!... Ты, чего Чужак?..., - истерические нотки, а страх таки ощущался в этом голосе, — Не надо... Да не нужна мне жемчужина... Не надо! Ты чего? Да пошути...

Резкий, но глухой звук, будто кто-то шампанское открыл, оборвал другие, поглотил их. Проглотил.

И так раза три или четыре. Многозарядная бутылка. Ага, бутылка... Мозги еще на место не встали.

А затем смешок и довольный голос:

— Надо, Федя, так надо! Кто бы знал, как давно я мечтал это сделать?! Как же ты меня достал своей тупостью!

Попробовал пошевелиться. Нет, руки слишком стянуты, оставались свободными только ноги. Но они пока реагировали плохо на сигналы мозга. Чем это меня таким оглоушили?

Появилась знакомая морда — бородач, которого я видел в сауне, именно он и еще один направлялись до кабинетов в обнимку с девками легкого поведения. Второй, видимо, добежался.

— О-о, как хорошо! Ты, мужик, просто красавец! И это говорю без всякой херни! Ни разу не противный. Только подумал, что пора бы тебе уже в себя прийти. Смотрю, и ты зенками хлопаешь. Красава! — продемонстрировал тот оттопыренный большой палец в штурмовой перчатке, а затем с руганью и матами, схватил меня за шкуру, — Только тяжелый, падла!

Потащил по комнате, угол обзора сразу увеличился. Посадил на обычный советский деревянный стул, заведя мои скованные руки за спинку. Примотал скотчем ноги к ножкам. Самое поганое, что я только минуты через три обрел полный контроль над телом, но уже не дернешься. До этого, как деревянный. Бородач же посмотрел эдак довольно, словно любясь.

— Погодинемного, потом и к спинке примотаю. Да, ладно ты, не дергайся, не скажу,

что больно не будет. Больно будет, и будет охрененно больно! Видишь, как бывает. Ну, хоть помочи что-нибудь? Последняя просьба там или еще какое пожелание?

Вот ведь, тварюга, еще и глумилась.

Тот взял с кровати в руки мой же ПБ или не мой, но ПБ. Сука.

Затем медленно убрал пистолет в кобуру на бедре. Покопавшись в карманах, достал небольшой цифровой фотоаппарат, и принялся выбирать место, куда его пристроить, я же лихорадочно просчитывал свои варианты. И все они не внушали оптимизма от слова «совсем». Бородач же тихонько насвистывал какую-то незнакомую мелодию, выбирая лучший ракурс.

Вот что делать?

И что я могу?

Упасть на стуле?

А смысл?

У него пистолет и возможно не один, нож и, скорее всего, автомат. Ножки же стула вряд ли от такого финта подломятся, да стоял он практически вплотную к стене. Завалиться на бок? И опять те еще варианты... Должен, должен быть выход!

Его не могло не быть, главное, не сдаваться.

...Грязная клетка, рядом во второй находился соотечественник — Серега Махров, как он угодил и чем не понравился новой власти неизвестно.

А на наших глазах, разделявали, будто на конвейере людей. Белых и черных. Боялся тот до жути, не меньше меня. И твердил, твердил одну и ту же мантру, повторял ее раз за разом:

— Никогда, слышишь, никогда не верь, что умрешь! Пусть твою голову уже затолкали в петлю! Не верь! Не верь им, не верь себе! Ты будешь жить, ты... Ты вечен! Никому, никогда, не верь! Борись, дерись за свою жизнь. До конца, до последнего вздоха!

Шептал и шептал он яростно, а этот блеск в глазах... Стискивал прутья клетки. И говорил, говорил, говорил, сука!

— Баба продаст и предаст, с детьми так же. Но сам-то себя не продавай. Не продавай! Не хорони! Ты понял?! У тебя есть только — ты!... Держись, брат. Борись. Не верь. Не верь...

Первые сутки хотелось его убить, на вторые уже повторял за ним. Про себя. И также стискивал кулаки. Сжимал их и верил. И когда Серегу, будто свинью, разделявал вполне интеллигентного вида негр в очках с золотой оправой, тот твердил, говорил, вопил, орал одно:

— Смерти нет... Не верь!

Иногда все переходило в дикие отчаянные, почти звериные, вопли: «Не верь!»

Затем его, бешено вращающего одним глазом, второй вырезали и кинули в ведро с парашей, потащили к канаве. Сторонники новой власти думали, что все у них пройдет по плану — с гиканьем и обезьяньими ужимками постреляют по живой мишени вволю. Расслабились. И этот худой коротышка — метр с кепкой, шкет, напрыгнул на здоровенную двухметровую образину, как-то ее повалил, оказался сверху, кусался, рычал, а затем бил прижатой култей, разбрызгивая в стороны свою же кровь, мешая ее с вполне красной африканца. Кисть Махрову, с вполне задумчивым и даже эдаким профессорско-исследовательским выражением на интеллигентной морде, отрезал ржавой ножовкой наш доктор Хаос.

Накуренный командир этого зоопарка хохотал до колик, колотил ручищами по коленям,

ему вторили бойцы, и одному угодившему под обреченного было не до смеха — дерьмо в штанах мешало. Обгадился бедолага.

За хорошее зрелище и доставленные лузлы, Серегу бросили обратно в клетку, даже оказали неотложную медицинскую помощь, кинув, будто кость собаке, пару перевязочных пакетов.

Уже часа через три тот бился в горячке и шептал, шептал, шептал.

— Никогда, никогда, слышишь, не сдавайся. Парень, нельзя! Не верь в смерть! Пусть она дышит тебе уже в лицо! Не верь! Борись, борись...

Он выжил. Без руки, без глаза, продержался целых пять дней в условиях полной антисанитарии. Потом, когда немного подлечился, пошел убивать. Одноруким детей пугали. А так смотришь на него — соплей можно перешебить, но дух... дух. И изрядная доля даже не сумасшествия, а некой отвязной и очень заразной от замороженной дебильности. Но все же...

Из произошедшего я вынес немало уроков. Один из главных — только от твоего настроения зависит твое же выживание.

Сдался — все.

Потерял веру — все.

И никто тебе не поможет, только ты сам!

Всегда нужно искать варианты. И я искал, сейчас искал. А ощущение обреченности начало волнами накатывать на разум. Меня же сейчас этот урод, олень, шушера будет на куски кромсать! Стоп! Ощущения схожие, как тогда в вертолете и позже, когда удирали от элитного монстра. Есть!

Вот оно это чувство!

Точно!

Главное было отделить!

Обвел комнату совершенно другим взглядом, я могу, да, черт возьми, я могу переместиться в любую точку по своему желанию. Дальше нет, а вот в ней — куда угодно. Только перенос произойдет, уверен на девяносто процентов, вместе со стулом. От пуг я не избавлюсь. Смысл? Время потянуть? Если только совсем выхода не останется...

И что делать?

Ну, вон в тот угол рядом с окном, и... Что дальше?... Может кто-нибудь поможет. Как? Увидев колышущиеся занавески? Ага, ага. Так я только оттяну свой конец. Сука, если бы не руки и ноги в путах, переместился за спину ублюдка, взял шею в захват... И свернул бы, как кутенку.

Но лучше чуть придушил, а потом показал, чему я научился в негритянских застенках. Там банальными яйцами не отделался бы... Кромсал и резал, резал и кромсал. И с огоньком! С другой стороны, а можно ли злиться на автомат? На пистолет? На скальпель? На нож? Он инструмент! Всего лишь поганый долбаный инструмент пусть и с зачатками мозгов, тупая пила, которой маньяк отпиливает голову. Имя же реальной твари — Вилена!

Ну, сука!

Шарил глазами по комнате, искал выход. Тем временем убийца таки определился откуда будет лучший ракурс для фотоаппарата, неспеша принялся устанавливать его. Времени практически не оставалось. Сейчас закончат подготовительные процедуры и тогда конец! Дальше останется только терпеть и подышать.

Что же делать-то?!

Стоп, почему я думаю только о том, что могу...

А если так? Вот так?!

И почувствовал — смогу, смогу! Это ощущение было, сродни тому, что каждый из нас знает, что может щелкнуть пальцами, цокнуть языком.

И тянуть нельзя! Время на раскачку? Да хрен бы с ней!

Бородач наклонился к черной открытой сумке, стоявшей на полу, и в этот момент я переместился!

Появился прямо над ним на высоте не меньше трех метров. Слава высоким потолкам и безумству храбрых!

Как там где-то было? «А может просто небом стать?»

Вот хотелось стать камнем, просто камнем, а лучше куском железной руды такого же объема!

Эта мысль пронеслась вместе с полетом вниз.

Бандит до последнего не заподозрил неладного. Только видимо уловив краем глаза тень, чуть приподнял голову, и ему впечаталась в лоб сиденье стула с водруженным сверху моим сидалищем.

Хруст, я прокатился по спине бородача, свалился вбок. Ударился головой о пол. Но главное, стул не выдержал испытаний и рассыпался с треском, а я теперь мог двигать ногами. Хорошо в СССР мебель никогда прочностью не отличалась!

Чужак стоял на коленях и тряс головой, рука его тянулась к поясу. Я же успел единственное, что сделать из такого положения, перекатиться по полу, и захватить его шею ногами, их в замок, а мужика уронить на пол.

И теперь давил, пережимал, не давал дышать!

Старался сломать шею, он же, несмотря на средние габариты, силой обладал немалой. Пытался одной рукой разомкнуть смертельные «объятия».

А правую ногу обожгло болью, еще и еще. Еще!

Падла успела сообразить и выдернуть нож из ножен, и втыкала его, пусть и неуклюже и хаотично, но часто в левую икру. До кости!

Если бы не было кляпа во рту — орал бы, во всю мощь легких.

Чуть было не разжал замок. Но на остатках силы воли давил, давил!

Дохни! Дохни!

Отстраненная мысль — хорошо, что не сообразил вытащить пистолет.

Дуряя и зверяя и даже не имея возможности заорать, я вложил в это движение все, резкий поворот вправо, всем телом главное ноги не разжать. Хруст! Тварь обмякла и задергалась в конвульсиях.

Этот звук был сладкой музыкой, куда там Бетховину. И теперь я могу говорить, что когда хрустят шейные позвонки твоего млядского врага, ты слышишь радостный рев древних предков, что поклонялись Перуну и Одину, они поют, поют свою победную песню. Радуются! Еще одного мудака потомок им в услужение отправил! И это здорово! Это вашу мать, прекрасно, это кайф. Это не просто кайф, это то, ради чего стоит жить. От адреналина дрожали руки, победил тогда, когда шансов не было, когда ставка одна из самых высоких — жизнь.

Да, что за хрень в башку лезет?

А вместе с этим поднималась океанская волна, которая превращалась в цунами, и накрывала с головой, топила собой все, убирая сейчас и боль, и слабость — я могу! Я все

могу!...

Могу!

Истеку сейчас кровью. Вот и все, что я могу.

Откуда это состояние? От наркоты еще не отпустило, которой меня напичкали?

Так, где его нож? Вот!

Плохо, что на затылке глаз нет. Пока нащупал влажное в моей крови лезвие, добрался до рукояти сжатой в чуть подрагивающей руке, прошло с минуту.

Теперь медленно и плавно. Порезавшись пару раз, и слабей от потери крови, я смог разрезать путы. Как и предполагал — пластиковый хомут. Сорвал со стоном кляп из скомканного полотенца и скотча. Хорошо побрился недавно, а то бы заорал.

Бросился, хотя какое бросился — проковылял к кровати на которой валялись вещи, вываленные в кучу из моего рюкзака. Живец. Четыре глотка. За кроватью скрючился труп еще одного бородача. Идиоты из-за одной жемчужины такой ажиотаж. У меня в ремне их больше двадцати. Забирали бы и валили... Даже не подумали проверить.

Мерзкое пойло, без которого ни одному иммунному не выжить, скользнуло по пищеводу, обожгло его. И сразу легче. А в голове стало немного проясняться. Так, мой пистолет. Проверил все в порядке. Передернул затвор. И в кобуру. Гранаты в карманы. Возьму-ка я еще ПБ, чем черт не шутит...

Теперь нож бандита, у них перевязочные пакеты искать бессмысленно. Сдернул с кровати простыню. Сделал несколько полос, обработал их живцом. Разрезал до колена штанину, и перебинтовал.

Вновь осмотрелся, с меня уже натекло крови прилично. Все в ней. А еще хлюпало в ботинке.

Приоткрыл дверь, выглянул. И едва не выругался. Дверь в мой номер была напротив. Пятнадцать метров, и тебе аптечка, и перевязочный пакет.

Я же тебя, еще пока неизвестная Вилена, отчего-то думал эта та самая блондинка, которая жестикулировала в баре в бане. Так вот, мразь, я тебя может и не буду на куски резать, но убью. Обязательно убью! Своими руками.

Но сначала надо добраться до своего номера. Перебинтоваться нормально. У меня там есть все. И зарубка на память — перевязочный пакет должен быть везде и всегда. Как живец. Неважно безопасное место... Вот тебе и авторитет гранитный. Срали девки на него. Резкие и шустрые, что тот понос. Мы еще только пиво пили, обдумывая, что делать, жевали сопли, а одна из них уже нашла отморозков. На делюгу подписала.

Ну, сука!

Плюнул в тело врага.

— Ты еще его обысы! — поглумился внутренний голос.

— Надо будет — обосру! — сказал в голос.

Обыскивать тела? Хрен бы с ними. Что-то плохо становилось. Муть перед глазами, до легкой тошноты. Успею, сейчас главное подлечиться. Добраться до рации... Все же двух ублюдков завалил, будут выяснять, что и к чему.

Вилена. Как я ее тогда убивать буду? Вдруг закроют или прибьют сами? Ментатов, если выпрашивать начнут, не обманешь. С другой стороны... Смогут ли ей что-то инкриминировать? Наняла, пообещала? Так бандитов я допрашивал без ментатов, мало ли что они могли сказать... Сам бы я, коль был властью, послал с такими доказательствами. Убить хотели — это да. За это получили, за это расплатились. Извините, товарищ Люгер, но

девку мы не сможем привлечь. Поэтому нужно к властям, про нее правда, если получится — умолчать, мне самому нужно увидеть ее кровь, самому ее пустить.

Заковылял тихонько к своему номеру. Так... Дверь чуть приоткрыта — непорядок. Тихо-тихо! Темная фигура в свете ночника на столе. Тип же нагнулся над кроватью и что-то там делал. Что? Не разобрать. Вот тебе и «у нас не воруют». Везде воруют!

Поднял ПБ на уровень глаз.

Едва сдержал стон — ногу опять прострелило болью.

А перед глазами уже сгущалась разноцветная муть, и эти, уже ставшие постоянными спутниками, красные пятна с радужными краями парили. В последний момент Зондер, а это был именно он, что-то почувствовал, обернулся.

— Мляя..., — успел сказать тот, а я уже вдавил спусковой крючок и быстро-быстро еще и еще. Трижды хлопнуло, хотя достаточно было и одного выстрела. Первая же пуля угодила чуть выше его правого глаза. Вторая влетела в раскрытый рот, третья в шею. Тело завалилось на кровать, пачкая все кровью.

Что этот мудак тут делал?!

Все вроде бы на своих местах? Что он искал?

Рядом с придурком лежал аккуратный зеленый брикет примерно пятнадцать на тридцать сантиметров, пук разноцветных проводов... Мля! Да, это же бомба! Детонатор с таймером! Я таких ни разу не видел!

Вот на что он срабатывает? Если выкинуть? А вдруг на движение?

Да нет — херня это. Слишком сложно.

И цифры: 3.49... 3.48...3.47...

Куда деть эту бомбу? Только один вариант — за пределы Форпоста утащить. Оставить здесь и вызвать саперов, даже не смешно. Самому разбиться с проводами. Ага, сейчас. Убежать, попытаться сообщить и будь, что будет? За все мои вещи кровью плаченно. Нет. А состояние такое — вот-вот упаду.

Какого хрена я обмер?!

Быстро! Аптечка на месте, где и оставил, — на столе. Так первое — этот чертов R-спек антишок, иначе чувствую сознание вот-вот потеряю. Уже и поле зрения сузилось. С трудом удавалось фокусироваться на отдельных деталях. Все остальное расплывалось. Тонуло в сером тумане. А комната чуть покачивалась. И мысли тяжелые, тяжелые.

Неуклюже открыл пластиковый контейнер, дернул первый шприц-тюбик, не удержал в пальцах, он вырвался и улетел куда-то за кровать. Черт с ним! Но надо спокойней. Руки же подрагивали, дрожали мать их так. Второй удалось удержать. Одним движением левой сдернул с него колпачок, обнажая длинную иглу. И сразу, понимая, что медлить нельзя, воткнул в руку, прямо через ткань рукава тактической ветровки. Вдавил.

И...

Секунды не прошло, как проморозило, до последней клеточки, от ног до макушки, а потом обожгло. Ощущение, что сердце принялось качать по венам жидкий огонь! Впрыснули в мою кровеносную систему — напалм! Сотни, и сотни литров напалма! И тысячу кубов эфедрина, всем в глотку! Какой к херам кокс?! Это... Это... Это ядерное пламя! Пламя до небес! Оно в моих венах!

А сердце ускорялось и ускорялось. Пульс скакнул. Казалось каждую, каждую клеточку наполняла энергия. Она собиралась ото всюду, стекалась ко мне, чтобы взорвать. Взорвать все действием. И зрение стало таким — видел четко даже паука над шкафом, который

ныкался в углу крохотной паутины. Муть говорит? Никакой мути, все краски яркие, четкие. Нереальные.

С трудом подавил рвущийся восторженный крик.

Подбросило прямо на месте, чуть не подпрыгнул. Ощущение всемогущества, захочу и сверну к хренам с места этот Улей, да тысячу ульев, дайте, дайте, суки, точку опоры!

И абсолютно никакой боли. Специально ногой притопнул, и чуть в пляс не пустился.

С огромным трудом удалось направить мысли и действия в конструктивное русло.

Бегом, бегом!

Таймер!

А не плевать ли?! Бомба-хуемба!

Не плевать!

Меня ничем не убить!

Еще как!

Кайф от наркоты действовал точно вышибные заряды. Бил по мозгам. Мощно и напрочь!

Бпухххх... И накрыло... Проблеск... И вновь бпухххх!

И с каждым разом это «Бпуххх» был сильнее, чем предыдущий.

Закроешь глаза и летишь... Паришь! И ничего вокруг нет, только ты и мир. Все и ничто. Нирвана, мать ее так!

Схватил брикет, оказавшийся довольно тяжелым, рванул в сторону выезда с территории Форпоста. Бежать было легко, я несея, куда тому ветру.

Ворота на ночь никто не запирали, но объясняться времени не было, поэтому я, добежав до блокпоста, просто перенесся в пространстве метров на пятнадцать-двадцать, оказавшись перед змейкой из бетонных блоков. Швырнул брикет изо всех сил туда, подальше.

А затем, бегом обратно.

— Стоять! Стоять! — запоздало заверещал чей-то голос усиленный мегафоном.

Пошел ты!

Вновь телепорт.

И я уже на территории Форпоста.

Забежал за блок-пост со шлагбаумом. И тут накрыло дико, как в торнадо попал. Остановишься, замрешь и сразу такая ломота, зато движение — это кайф. Это жизнь, это пульс мира!

Ухнуло сзади мощно, не скажу, что до земной дрожи, но порядочно, а вот пламя на миг осветило все. Это что за зажигалка? Взревела серена, орал кто-то в мегафон, а по территории и за ней шарили лучи прожекторов — все ложилось на ноты только слышимой для меня музыки, вкатывали и накрывали так, что я заорал. Выхватил ПЯ из кобуры и принялся палить в воздух, отплясывая дикую и дебильную смесь гопака и лезгинки.

В себя я пришел от толчка в плечо. Мощного такого толчка. Ярыгин вылетел из руки и покатился по асфальту. Какая-то тень. Обернулся, чтобы увидеть, как мне в лицо летит приклад автомата. Старого доброго АКМа. Круто! Приближался он медленно, я даже залюбовался зарубками и крестиками на деревянном прикладе. Какой же красавец — Калашников! Он же бог, молодой вечный бог войны!

— 1 —

The Rolling Stones можно любить, можно ненавидеть, но парни знали жизнь. Кит Ричард как-то заявил: «У меня никогда не было проблем с наркотиками, а только с полицией». Вот ровно по нему, в Остроге и на Форпостах спек ложками можно было жрать — не возбранялось, итоги же — три выбитых зуба, два сломанных ребра и нос, простреленное плечо, синяки и ушибы. Да, некоторые повреждения организма появились до того, как на мне отплясали «джигу-джигу» бойцы группы быстрого реагирования, но именно из-за их действий пришлось проваляться пять дней на больничной койке.

Ребята не стеснялись в средствах и методах, накидали они при взрыве в штаны порядочно, как-никак решили, что минимум Форпост подвергся атаке ДРГ неизвестного противника. Сложная же общеполитическая обстановка делала такой сценарий вполне реальным, а учитывая те пистоны, которые вставляло непосредственное начальство из Острога и общую накрутку о бдительности — я еще легко отделался.

— Я хочу знать, что происходит! — брызгал слюной белобрысый крепыш с огромным родимым пятном на щеке. В чувство меня привели жестко и быстро. Вкололи какую-то химию, после чего будто кто-то рывком выдернул из блаженного забытья, где не было ни боли, ни мыслей, ничего. Только я и Нирвана.

Встреча с реальностью напоминала попадание в застенки Инквизиции, и тебе вилка еретика, и испанский сапог, и дыба, вдобавок ко всему будто на кресло допроса усадили, то самое, сплошь покрытое ржавыми острыми шипами. И это без всяких применяемых методов дознания!

Яркий свет работал на врага не хуже паяльной лампы в руках рэкетира из девяностых, а громкие звуки взрывались в голове с такой силой, что дыхание перехватывало — хватал воздух ртом.

Но мучители посчитали — мало, мало огня! Они всерьез намеревались провести полевой экспресс допрос по всем правилам военной науки. Отморозь бледная!

И без пыток все рассказал бы, скрывать мне было нечего, вот только говорить не получалось по техническим причинам, как ни силился из глотки вырывалось то шипение, то сипение, и мысли в кучу не собирались. В таких условиях, понятно, внятных ответов никто не получил.

Однако порезвиться в полной мере у бойцов не вышло. Явилась целая делегация, начиная от группы Гранита и коменданта, и заканчивая уже знакомым квазом Кварцем. Именно его рожа, выплывшая из небытия, заставила вздрогнуть, попятиться и попытаться уползти, и мысль одна — решили скормить мертвякам, суки! Кваз поводит лапами у меня перед глазами, и о чудо, боль притупилась, даже соображать начал.

— Минут пятнадцать у вас есть, — прорычал Кварц, — Больше не гарантирую!

Если диалог с ГБР протекал с позиции: «Отвечай, сука! Иначе хуже будет!», и следовал очередной тычок по сломанным ребрам, как их в легкие не запихнули — хрен знает. То в присутствии официальных лиц, почти «на будьте любезны» разговор пошел.

А дальше я в три минуты пересказал произошедшее, не упоминая Вилену и прочие мелочи, не имеющие отношения к сути событий.

— Не ну, уроды! — эмоционально прокомментировал общую ситуацию комендант,

высокий брюнет за сорок, с чем-то неуловимо восточным в лице, дальше уж совсем выругался нелицеприятно. Собрал все, да так красиво сплел-переплел, что досталось, как участникам событий, так и людям очень далеким от них. Начал тот с меня, об истории с девками уже был откуда-то в курсе, и закончил командиром ГБР. Последний не только появился на свет от шакала, коровы и бегемота, имеющих первичные половые признаки в различных, не характерных местах. Белобрысый же в процессе жизненного пути эволюционировал в новую форму разумных — «ху...голового п...здоклюя». И вот честно признать, я был согласен с таким определением на все сто процентов, тем более меня всего лишь несколько раз «об угол в детстве» ударили.

В конце спича были принесены слезные извинения — «А ты, вааще, радуйся, что на месте не завалили, танцор диско, мля!». Ублюдок не опасался никого. Граниту сообщил, что справлял естественные нужды на него и, вообще, на всех. А кому мало, пусть обращается к Князю, мол, он еще добавит.

Затем меня сдали на попечение кваза, оказавшегося местным знахарем. Прежде, чем отрубиться и вернуться в Нирвану, пронеслась мысль, как мне может помочь тот, кто себе-то не в состоянии?

А на следующий день, ближе к вечеру, очнулся. Ожидал худшего. Но боль была легкой, почти незаметной. Неплохо подлечили, неплохо. Раны затянулись, теперь зудели, даже новые зубы прорезались. Чудеса в Решетове.

Однако проблема заключалась в том, что спеленали меня, как психа. Зафиксировали и руки, и ноги, про туловище даже говорить не стоило. Воткнули несколько капельниц, а на морду нацепили маску. В итоге два или три часа я провел смотря в потолок и на стены, обитые матрасами. Потом появилась медсестричка, баба лет тридцати, плотно сбитая, с такой грудью, что поневоле возникали ассоциации с бидонами молока. На деле она оказалась мировой теткой, освободила, принесла какой-то каши. Заменяла капельницы, что-то вколола, и я вновь погрузился в объятия Морфея.

Когда с утра пришел в себя, то первое что увидел — довольную рожу кваза, одетого в традиционный желто-черный халат. Кварц, лупая огромными глазами, явно что-то вынюхивал, вода огромными граблями надо мной.

— Как настроение? Как здоровье? — громыхнул тот.

— Живой пока, — односложно ответил. Разумом понимаешь, что это обычный человек, которому не повезло. И он не тот живой мертвец, задачи которого сводятся к двум — убивать и жрать. Но бессознательное так и шептало об опасности, о том, что нужно уничтожить чуждое и чужое для гомо сапиенса существо. Ксенофобия, как она есть.

— Живой лучше, чем мертвый, — глубокомысленно заявил кваз.

— А свобода лучше несвободы.

— С этим тезисом я бы поспорил, — растянул Кварц жабы губы, и поправил очки указательным пальцем, если так можно было назвать это здоровенное недоразумение, — Но философские сентенции давай оставим на потом. Сейчас для тебя имеются две новости.

— Начинай тогда с плохой.

— С самой плохой?

Интересно, к чему эти нелепые уточнения? Понятно и ежу, что говорить о диагностировании насморка, когда у пациента пулевое в живот, это не релевантно запросу целевой аудитории.

— Да, — кивнул, подтверждая готовность принятия правды, какой бы горькой она не

была.

— Ты не иммунный! — прорычал тот.

— Это как? — я даже вперед подался, отчего ребра таки отдались болью, — А кто тогда я?

— Точнее не так... Как бы объяснить, чтобы было понятно, — тот на минуту задумался, а я захотел его убить еще сильнее. Сначала какую-то ересь нес с умным видом, а потом еще и время тянул, — В общем, приведу аналогию, корявую, кривую, однако довольно простую для восприятия. Так как ты не знахарь, по-другому тебе процессы, происходящие в наших организмах объяснить очень и очень сложно. Представь себе, что паразит, тот самый вирус, который проникает в тебя, как только ты делаешь первый вдох воздуха Стикса — это некий призрачный спрут. «Иммунный» — это не означает того, что иммунитет этого человека настолько силен, что он давит вирус в зародыше, не дает ему развиваться. Совсем нет, наоборот, паразит, как некая надстройка динамично встраивается в организм, растворяется в нем, проникает в каждую клеточку. В итоге, отделить этого спрута от гомо сапиенса невозможно. Они единое целое. Это понятно?

— Вроде бы.

— Скажу больше, если бы у так называемых — «иммунных», иммунитет работал, как он должен работать по базовому определению, дефиниция которого может быть выражена, как «невосприимчивость, или сопротивляемость организма к инфекционным агентам и чужеродным веществам», то они вряд ли обретали какие-то способности, им требовался живец и прочие необходимые атрибуты для всех зараженных. То есть, мы бы имели дело с самым обычным человеком, которого не коснулся вирус. Это понятно?

Кивнул. Вроде бы пока все ясно.

— У тебя же иная история... Представим твоего спрута... Так вот, ему отрубили щупальца, каждое из которых в какой-то мере встроилось в твой организм. Но само ядро, тело этого осьминога твой организм просто изолировал, будто посадил даже не в клетку, а под некий силовой купол. Откуда тот пока выбраться не может.

— Меня радует это «пока», — ухватил я самое главное.

— В результате чего, — не обратил тот внимания на мою реплику, — Возникает опасность, что при ослаблении этой защиты, спрут окажется на свободе. И может повести себя самым непредсказуемым способом, соответственно и твой организм также непредсказуемо отреагировать.

— Ладно, доктор, давай отбросим все эти научные термины...

- Во-первых, я не доктор, а знахарь. Во-вторых, это не научные термины! Это адаптация для тебя! — перебил Кварц, и шумно выдохнул через носовые отверстия, что, по всей видимости, означало некую степень недовольства собеседником.

— Плевать! Ты просто поясни, чем мне это грозит? Я вот тебя слушаю и хоть понимаю суть, но не верю. Почему? Во-первых, насколько я знаю — иммунитет либо есть, либо его нет! Не бывает подобного, как не бывает беременности на половину! Или я ошибаюсь?

— Я тебе привел аналогию! Иммунитет может быть ослаблен, может быть недостаточно силен и прочее "может"! — взревел тот.

— Ладно, хорошо. С этим разобрались. Но, во-вторых, мне необходим живец, как всякому иммунному. Без него я долго не протяну. Проверенно. В-третьих, у меня открылся Дар, который уже не раз и не два проявился. В-четвертых, чувства непреодолимого голода, видя собратьев по разуму, я не испытываю. Так в чем тогда ужас моего положения? Чем я

отличаюсь от обычных собратьев по несчастью?

— В тем, что возможен резкий рост паразита в любой момент! Что обернется для тебя в девяносто процентов случаев из ста превращением в обычного зараженного. То есть, ты станешь даже не квазом, а пустышом. Так ясно?

— И когда это может произойти?

— Может никогда, а может хоть через пять минут!

Я не стал говорить, что это все похоже на какой-то дешевый трюк. Как упоминаемая вероятность найти миллион на улице, которая составляет целых пятьдесят процентов! Или да или нет!

— А подробнее?

— Подробнее... Тебе необходимо избегать резкого вливания спор паразита. Употребление жемчуга, например, может привести к тому, что твой внутренний спрут получит дополнительные силы и сломает свою клетку. А там... Там как кривая вывезет. Про вероятности я тебе сказал. Горох ты употреблять можешь, но не больше, чем одну штуку в четыре дня. С живчиком ситуация обратная, тебе его нужно больше, чем обычному иммунному.

— Это все?

— По этой теме все.

— Еще хотел спросить, можно?

— Спрашивай, — махнул тот ручищей.

- По дару моему, что сказать можешь?

— Да, дар у тебя есть и очень сильный, и потенциал огромный. Редко встречается подобное. Сейчас твои возможности растут по экспоненте, как у всякого новичка, однако это будет продолжаться недолго. А дальше развитие умения происходит двумя путями, если все упростить. Во-первых, это каждодневные тренировки, когда ты учишься открывать новые грани своего таланта. Это путь интенсивный. В итоге, на одни и те же действия тебе требуется меньше времени, меньше внутренней энергии. В твоём случае, сможешь перемещаться в пространстве точнее, быстрее, может немного дальше, а также четко понимать границы применения Дара. То есть растёт качество. Во-вторых, путь экстенсивный, то есть наращивание мощности твоего Дара. Для этого необходимо постоянно употреблять горох и жемчуг. Первый даёт прирост по чуть-чуть, второй же сразу же выводит твоё умение на новый уровень. Жемчуг тебе противопоказан, с горохом же ты крайне ограничен в приеме. Поэтому, чтобы достичь потолка своего развития тебе потребуются годы. Ещё один важный аспект, постепенно по мере роста способности у обычного иммунного может открыться второй дар. А так как ты крайне ограничен в возможностях роста, да и вообще, ситуация у тебя немного другая, то ещё одного умения у тебя не будет. Хотя могут проявиться какие-то новые грани уже существующего.

— А редкий ли это случай? Имею ввиду аномалию с иммунитетом? — спросил, а у самого мороз по коже. Сейчас как выяснится, что я носитель уникальных знаний для местной науки, а мой случай безмерно обогатит местных эскулапов, которые уже устроили симпозиум и жаждут только моего тела, дабы перейти от теории к практике. Опять же нахожусь в такой палате, что и для психов перебор. Но знать это необходимо, по крайней мере, можно хоть как-то подготовиться к радостному или нет будущему.

Кварц ненадолго задумался, заложил руки за спину, и прошёлся по палате из угла в угол. От его массивных шагов подрагивала кровать, а также стоящие рядом капельницы.

Серьезная весовая категория. Когда я уже думал, что мой вопрос кваз проигнорировал, тот начал медленно, рассказывать:

— Твой случай очень редкий, но не исключительный. А так, в том же КАНе, уже фиксировали нечто подобное и неоднократно. Это именно их рекомендация — не употреблять жемчуг, хоть черный, хоть красный, и ограничить прием гороха. Я с ними сразу связался, как только увидел твою внутреннюю структуру, — поделился тот, как не за понюшку табака, сразу и целенаправленно хотел слить меня местным ученым, — Поэтому для Академии ты не представляешь интереса. Произойти подобные отклонения могут, во-первых, из-за приема жемчуга в первые сутки после перезагрузки, что является случаем из категории самых редких, так как там еще в большинстве своем остается неясным сам факт иммунитета человека. А, во-вторых, просто случается без всяких видимых причин из-за особенностей организма конкретного индивида. У нас очень богатая база данных, материал собираем везде — сами работаем, где-то с Институтом обмениваемся, практикующим знахарям опять же платим. Относительно тебя... Твой случай абсолютно неинтересен. Сфера практического применения довольно эфемерна. Поэтому никто специально не будет задействовать наши мощности. Так что из КАНы помощи даже не жди. Других, более необходимых тем, нуждающихся в исследовании очень и очень много. Столько, что даже приоритетным направлениям не всегда в должной мере уделяется внимание.

— Можно ли вылечиться и стать нормальным иммунным?

— Способ есть. Но он опять же... Для этого тебе надо «всего лишь» употребить Белук жемчужину. Вот что может излечить все! Однако достать ее практически невозможно. Добывается только из скребберов, то есть из самого опасного обитателя Стикса. Зачастую упоминание о котором вне стабов, вызывает даже у бывалых рейдеров дрожь. Других возможностей нет, в КАНе тоже они неизвестны. Как и никто тебе не скажет сколько у тебя есть времени. Может быть, как и у других «иммунных» — бесконечность, а может быть, день или два. Пока ты не вылечишься — всегда будешь находиться под угрозой. Это как бомба в твоём организме, которую активировать может кто-то по своей воле в любой момент, в любой миг.

— С этим вроде бы ясно, — на самом никакого чрезмерного ужаса я в своём положении пока не видел. Все мы смертны, одно дело знать точно, сколько тебе отпущено времени, другое, когда речь идет о полной неопределенности. Насущных же проблем столько, что разгребать и разгребать. Но, понятна необходимость что-то делать и что-то решать. Хочется самому управлять своей жизнью в тех рамках, в каких нам влиять на нее позволено.

Кваз же молчал, наблюдая за моей реакцией.

— А вторая новость?

— Вторая не такая страшная. Однако опять же причина ее — первая. На восстановление тебе потребуется больше времени, а Форпост заплатил, как за лечение обычного иммунного. И тот знахарский ресурс, за который были внесены средства, я уже выработал. Даже больше сделал. Так сказать, отдал дань традиции, сделал свой подарок новому обитателю Стикса. За зубы и восстановление носа никто платить не собирался.

— Сколько необходимо за полное восстановление и сколько потребуется времени? — я не любил больницы, но здравый смысл всегда говорил о том, что любую болезнь, если есть возможность необходимо гасить в зародыше. Конечно, есть обстоятельства... Но разве мне куда-то надо спешить? Меня ждут неотложные дела? Если только на свои же похороны,

проблем насобирали уже столько, как бы их все решить еще. В любом случае, шансов это сделать у здорового больше, нежели у слабого и больного. На допинг со спеком я больше не решусь, если только в самом крайнем случае. В самом-самом крайнем!

— Восемь горошин.

— Хорошо, договорились. Заплатить есть чем, если... Тьфу, ты, мои вещи в номере...

— Все в порядке. Во-первых, Москвич остался, завтра обещался зайти к тебе. Во-вторых, не думаю я, что после всех причиненных тебе «неудобств» кому-то позволят еще и обворовать тебя. Пусть и в большей мере причина неприятностей ты сам, но у нас цивилизация, и цивилизация не номинальная, а реальная. Поэтому и трофеи твои с тех двух убитых миров уже в твоём номере, и все, что было при тебе, — тут он многозначительно смолк, — Все это находится в целостности и сохранности. Да-да, и жемчуг тоже. И не бойся, распространяться никто не будет, комендант лично обещал каждому специфические кары.

Тот мог.

— А с чего такое внимание?

— Бомба, если бы она взорвалась в отеле, то это создало столько проблем, что и комендант, и большинство бойцов отправились бы на Юго-Восточный Форпост. А там и смертность зашкаливает, и никаких тебе цивилизованных посиделок. Вся жизнь ограничена башней, там же и сосредоточена. Рейды же... Но это все ерунда. Я так понимаю, ты выступаешь за дальнейшее лечение?

— Да. И сколько оно времени займет?

— Три дня.

— Хорошо.

На этом и порешили. Оставался один вопрос.

— Скажи, Кварц, а нормальное ли состояние, когда постоянно эмоции идут вразнос, часто совершаешь то, что в нормальной ситуации бы никогда не сделал?

— Ты о своей выходке с Хельгой?

— Ага..., - не стал я описывать других случаев. И последнего хватило за глаза. Может и зря, но мало ли. Прослыть сумасшедшим, со всеми вытекающими в виде пули в голову или лишения доступа в цивилизованные места, не очень хотелось. Учитывая же художества под спеком — шел я по тонкому льду.

— Это вряд ли. Никаких отклонений в психике, выходящих за рамки обычных поведенческих реакций жителей Улья, в подобных твоему случаю, в КАНе не было зафиксировано. Хельга же... Хорошая девочка, очень хорошая, вот только красивая до безумия. Из-за чего у нее и возникает большинство проблем. Да все они там практически такие. Не зря народная мудрость гласит — не родись красивой. Вот, скорее всего, ты одна из тех жертв, которые попали под ее чары, без всяких Даров Стикса. Мой тебе совет, извинись, покаяйся. Не такие они кровожадные, как кажутся окружающим. Совсем не такие...

Кваз вышел. Я бы поверил знахарю о премилости Хельги и Ко, вот только не его привязали к стулу и хотели лишить самых дорогих вещей, как для любого человека — это жизни, так и для любого мужчины — это источника тестостерона. Поэтому не все так однозначно.

Не скажу, что время, проведенное в больнице, стало для меня бесполезной, вынужденной тратой времени. Москвич, а его специально оставил Гранит до полного моего выздоровления, чувствуя видимо за собой вину, так как с бомбой ко мне явился в номер, нанятый им водитель, принес мне ноутбук и планшет. Здесь была своя локальная сеть, где

хранилось огромное количество информации относительно жизни в Улье. Еще я читал газеты из Острога, которые регулярно развозили по Форпостам, как и рекламные буклеты и проспекты. В целом, бесплатная информация часто отличалась советами, которые были довольно очевидны: «Абсолютно любой дар, каким бы дурацким он не выглядел на первый взгляд, необходимо развивать. Во-первых, когда он достигает определенного значения, существует огромная вероятность, что откроется какое-либо новое Умение. Во-вторых, никчемность и бесполезность вашего Дара, обычно говорит только о вашей собственной ограниченности. Я знаю немало случаев, когда на первый взгляд бесполезное умение, вроде призыва птиц, помогали их обладателям спасти свою жизнь, как есть и абсолютно противоположные, когда крутой дар при глупости их обладателей не только не спасали данных рейдеров, наоборот, служил причиной их гибели. О том, как и какие дары помогали в Улье, вы можете всегда узнать, заплатив за доступ к моему ресурсу». И ссылка. Жаль, что я не в Остроге, но за подобные вещи готов был внести средства. Вообще, я всегда без сожаления тратил деньги на необходимые для себя умения.

Еще проштудировал «Пособие для новичков», эдакая небольшая брошюра, выдаваемая каждому свежаку. Здесь содержалась основная информация четкая и краткая, часть которой довел до меня Третьяк, а что-то уже узнал из разговоров. Кроме всего прочего стоял и важный вопрос: что делать с собственной аномалией? И где взять белую жемчужину?

Мысли, как не пытался выбросить их из головы, возвращались и возвращались к моему спруту, пока запертому в клетке. А воображение живо рисовало картины, как он методично и непрестанно расшатывал прутья, которые от прикосновений его щупалец покрытых ядовито-кислотной слизью, ржавели и теряли прочность. Капля камень точит, так говорили в народе, вот и здесь — точил вирус, а меня осознание, что надо мной навис дамоклов меч. И любой, даже самый легкий, порыв ветра, любая, неожиданно решившая его использовать в качестве аэродрома муха, способна стать той последней причиной, отчего тонкий конский волос не выдержит, и тяжелый отточенный клинок рухнет вниз.

— 2 —

Выписка из больницы много времени не заняла. Кварц, уложив меня на кушетку, совершил несколько пассов лапищами, ухмыльнувшись вполне довольно, констатировал:

— Ты абсолютно здоров, если не брать во внимание общую специфику организма. Добрый совет — постарайся ближайшую неделю не напрягаться. Отдохни, наберись сил.

Я, пожав ладонь кваза, уже без всякой опаски — успел как-то свыкнуться, поблагодарил и был таков.

С Москвичом по радиации договорились встретиться через час в местном кафе. До этого необходимо было решить еще несколько проблем. Сначала решил заглянуть в местную Гильдию, филиал которой находился здесь же, где и больница, в башне. Спустился ниже на этаж. Вообще, эта организация была довольно интересной, эдакая биржа труда для наемников всех мастей. Головной офис квартировал в Остроге, но щупальца она протянула практически в каждый цивилизованный стаб. По крайней мере, в ближайшие от Княжества.

...В кафе было малоллюдно, Москвич еще не подошел. А за столиком у окна расположилась местная королева, пила кофе, сосредоточенно смотря на экран планшета. Выглядела Хельга, как обычно на двадцать баллов по десятибалльной шкале. И это несмотря на отсутствие вечернего платья. Сейчас на девушке были тактические штаны в обтяжку с наколенниками, грубые ботинки на толстой подошве, на бедре кобура с «Глоком», легкая куртка с лейблом «5.11», темно-синяя футболка «Найк». На голове обычная бейсболка той же фирмы, и не современная гламурная интерпретация с непомерным козырьком и стразами, а классическая. Рядом на стуле рюкзачок и какой-то клон AR-15 в обвесе.

Везло мне сегодня, на ловца, как говорится, и зверь бежал. Когда я подошел, девушка смерила меня чуть прищуренным взглядом своих сапфировых глаз, оказавшихся такого цвета от природы, а не вследствие хитростей. О чем мне между делом поведала медсестра в больнице. Еще в них было немного любопытства, ни капли растерянности или страха. Стальные нервы у девки или не знала о художествах своих товарок? Скорее второе.

— Присяду, — кивнул на стул напротив.

— Попробуй, — чуть усмехнулась та.

Сцепила длинные пальцы в замок, расставив широко локти, наблюдая, за мной. Я же посмотрел ей в глаза, да удивительной красоты девушка, но никакого головокружения или же непреодолимых желаний, не наблюдалось. Может дело в обстановке? Не знаю, не знаю.

— Это подарок на День рождения, лучше поздно, чем никогда, — чуть помолчав, положил перед ней красную жемчужину, — А это извинения за выходку в сауне и предупреждение. Первое и последнее.

На стол, рядом с бросающим рубиновый отсвет кругляшом, лег антрацитовый.

В глазах Хельги промелькнуло чуть злости, упрямства, но все заслоняло явное непонимание происходящего, затем мгновенное озарение и чуть презрения. К сокровищам пока не потянулась.

— Что страшно стало? Осознание часа расплаты гложет? Я думала ты...

— Мне — ничуть! — перебил я и даже неторопливо отрицательно помотал головой, и

опять внимательно посмотрел ей в глаза. Вновь оценил собственное внутреннее состояние. Да, удивительная женщина, да, вызывает определенный интерес, даже я бы сказал интерес жгучий, как она сама, но не более... Все естественно. Помолчал и, когда пауза затянулась, добавил, — Тебе должно быть страшно.

— И с чего это? — вполне себе натурально удивилась Хельга и даже с неким энтомологическим интересом, вновь, будто только, что заметив, осмотрела меня с ног до головы.

— С того, что если твой боец плюет на твои же команды, это, значит, вскоре он плюнет и на тебя. Со всеми вытекающими. А так как вы не в офисе за место главной подавальщицы бумаги бодаться будете, то последствия могут быть самыми разными, — напустив на себя скучающий вид, менторским тоном рассказал ей эту банальность.

— И кто это плюет на меня?...

— Вилена. И ее голова мне нужна. И я ее возьму. Хочешь ты этого или не хочешь. Тебя и твоих девочек, — здесь я опять сделал паузу, затем неторопливо достал пачку «Кэмэла», — Я трогать не собираюсь.

Вытащил сигарету, не спрашивая разрешения, подкурил и глубоко затянулся.

— Напугал. С чего ты решил, что я позволю тебе...

— Ты, наверное, не в курсе, что произошло в тот злополучный или счастливый, например, для меня, день?

Та промолчала.

- Так вот, коменданту и Граниту я не говорил, что заказчиком на мою голову, а я это слышал точно, выступила Вилена. Те два трупа в гостинице именно за моей башкой явились по ее заказу. Откуда я, по-твоему, узнал, про твой День рождения?

— Мало ли..., - вставила та свои «пять копеек», на которые я не обратил внимания.

— По мнению твоей подруги, моя голова на блюде с хером во рту в окружении моих же пальцев, должна была стать украшением на твоём празднике. За это она готова была отдать черную жемчужину.

Легкая тень набежала на лицо Хельги. Но уже через доли секунд опять невозмутимое выражение. Бесила она меня. Кто бы знал, как бесила.

— Откуда у нее...

— Я не знаю, чем и как она собиралась рассчитывать. Но у муров было не то состояние и не та обстановка, чтобы врать и клеветать.

Теперь взгляд Хельги стал злым и упрямым.

— Это мой человек.

— Это не твой человек, — заявил категорично, — Мало того, что она подставила тебя, она еще и всех вас под молотки подвела. Во-первых, мне ничего не мешает рассказать коменданту о беспределе на вверенной ему территории, а, во-вторых, Граниту, что кто-то плюет на заключенные договоренности. Но я сам хочу ее крови. Именно ее, не вашей скопом, а Вилены, — девушка хотела что-то сказать, но я не позволил, опять же мерно, и с некой скукой добавил, — Во-вторых, если это твой человек, и ты полностью несешь за нее ответственность, как и все твои девочки, то мне ничего не мешает прямо сейчас сделать объявление, что за ваши головы объявляю награду. Команда Хельги — десять жемчужин, пять красных, пять черных. Скажи, долго ли вы пробегаете?

— Откуда у свежака..., - начала та, но перевела взгляд на жемчуг перед собой и умолкла, наконец-то дошло в чем заключалось мое предупреждение вкупе с извинениями,

все равно приходится многое разжевывать.

— Всерьез за вас никто не брался. И скидок вам накидали столько, что вы тут берега начали путать. Но... Еще там, на Земле, я понял простую и непреложную истину, на любую, абсолютно на любую крутую и хитрую жопу всегда найдется болт с наворотом и левой резьбой. Поэтому подумай, сколько охотников за удачей бросится выполнять заказ за такую цену? Вы ведь не банда элиты. Стоит ли того отморозенная курица Вилена?

— Мальчик, ты забываешь одну простую истину, — та даже улыбнулась победно, отличная мысль похоже в голову пришла, — Нет заказчика, нет оплаты, нет ничего. Как думаешь, сколько мне времени понадобится, чтобы прямо сейчас, например, сделать небольшое такое отверстие в твоей голове? А еще учитывай такой нюансик, ну запрут меня на полгода на Восьмерку, это максимум. Но я не дура, поэтому в итоге мне ничего не будет. Тебе просто охрененно везет, что ты свежий. И все...

— Мне везет, потому что я сильный и умный, — нравилось мне ее дразнить, купаться в ее эмоциях, которые как девушка не старалась скрывать, явственно просматривалась даже не мимике, а в глазах. Вот при последних словах яркое возмущение, желание сбить с меня необоснованную спесь, — На этот счет у вас тут есть такая прекрасная организация, как Гильдия. И вот не далее, чем, — демонстративно посмотрел на часы, — Тридцать три минуты назад, я разместил заказ, что в случае моей гибели, за вашу голову объявляется награда в десять жемчужин...

— Но, — она даже чуть вперед подалась, затем улыбнулась, а в глазах чуть растерянности и страха.

Оно и понятно, когда угроза эфемерна или исходит от пропитого рейдера, от банды непонятных типов, которые всю дорогу промышляли разной мелочью, не видевших в жизни ничего ценнее гороха. Или даже от нескольких отморозенных муров, желающих не только самим потрогать этот цветник, но и обогатиться за счет него, продав заинтересованным лицам. Это одно. В последнем случае, СБ Острога даже девочкам премию выписала.

То есть, все действия Хельги и Ко укладывались в рамки местного закона и неписанных правил, или чуть-чуть его нарушающих, как кастрация рейдера-одиночки. Дел-то по реалиям Улья — три горошины и бубенчики пострадавшего на месте, а полторы недели на Северо-Восточном Форпосте в группе прикрытия местных бригад орудующих в очень тихом месте, на заводе ЖБИ, где пусть и опасно, но по степени угрозы все не выходит за рамки обычной жизни в Улье, — это ерунда. Но зато какая слава, какой имидж. Частые драки же с использованием даров не в счет. Как и посыл на три буквы какого-то заместителя левой руки Князя, когда тот решил подкатить к девушке. Все это мелочи. Сейчас же угроза стала не просто ощутимой, а возросла на порядок, если не на несколько выше всех, даже предполагаемых. Десять жемчужин по местным реалиям — это очень много. Если по ценам Острога не величайшее состояние, то половина западных наемников сбежит, да еще и друг другу глотки резать начнет за право завалить девушек.

— А если ты просто так сдохнешь?! Ты реальный муд...

— В таком случае, тебе и твоей команде, — тут я поднял обе руки и изобразил заячьи уши, — В течение месяца, надлежит явиться в Гильдию, и при ментате, а также при свидетелях из группы Гранита, заверить, что вы к моей смерти непричастны. Те, кто не пройдут его — в список на заказ. Но вы всегда можете выяснить все сами и явиться с головой подставившей всю вашу... артель, — нашел я нужное слово, — И получить награду.

Вот так. Достал копию договора и положил его рядом с жемчугом.

Шах и мат.

Больничная койка, разговоры с квазом, персоналом, Москвичом и другая сопутствующая информация, как и богатый жизненный опыт, позволила воссоздать правильную картину мира. У нас всегда так — слухи, неверное восприятие другими ситуации с чужих слов, приводят к формированию определенного мнения, зачастую являющимся преувеличением, как в одну, так и в другую сторону. Например, есть некий Вася, про которого жена может говорить, и абсолютно справедливо, что тот полный импотент, редкие и быстрые акты только доказывают верность тезиса. Однако, для продавщицы Любки, тот же Вася — сексуальный маньяк, и после их встречи улыбка довольства не сходит с женского лица до следующего раза.

Да, Хельга и ее подружки были отнюдь не подарками, но в местной иерархии это скорее гопота обычная, пусть и очень красивая гопота, ну может чуть выше, эдакий цветник, которому прощалось многое, нежели люди, замешанные в серьезных делах. А рейдеры, оценивая степень опасности от дам по отношению ко мне, тоже попали во власть стереотипов. Ведь кто такой свежак? Растерянный человек, не знакомый с местными реалиями, не имеющий ни связей и средств для адекватного ответа.

Деловые и авторитетные люди не мотают по пятнадцать суток за свои закидоны, а именно такому сроку, примерно, соответствовало наказание за яйца бедолаги, который как я и думал, оказался по жизни никем и звать его никак. Что-то типа Зондера. Или других водил. И, несмотря на множество слухов, никому из тех, кого можно называть серьезными товарищами, девочки не переходили дорогу. Занимались своими делами, строили свои планы, не пытаясь выгрызть себе место возле серьезной кормушки. То есть, в игры больших дядей не привыкли играть. Бакланки, короче, ну или хулиганки. Да, чуть-чуть отмороженные, но в целом: «перебесятся», как отметила моя медсестричка, зато потом «лучше и не найти».

В угол же загонять я дамочек не стал, да и не получилось бы, каждый пункт договора с Гильдией оговаривался и оговаривался, нельзя было туда прийти и поместить заказ на любого человека просто так. Тут же, конкретно, если те грохнут меня по своему желанию, неадекватно отреагировав на тот или иной поступок, при этом я сам по отношению к ним не имел права творить бесчинства, тогда и только тогда заказ вступал в силу. То есть, жестокое убийство за поцелуй — не являлось справедливым наказанием. Удар по морде и даже по причинному месту — вполне.

Выходить на реальный криминал и делать полноценный заказ смысла не было. Здесь я в любой момент мог снять свою заявку, потеряв одну черную жемчужину, мол, Гильдию от важных дел отвлек. Широкие жесты тоже мне свойственны, на которые списал красную. Нравилась мне Хельга, до легкого головокружения.

Поэтому в расходы я записал только две черные жемчужины. Пока что. Как пришли, так и ушли. И пусть лучше так, на хорошее дело, по обеспечению собственной безопасности, и ни капли не жалко. Еще бы так все просто было со всеми тайнами крестоносцев и прочим дерьмом.

Девушка, пока я докуривал, изучала копию договора. Не найдя ничего, что реально бы им грозило, только в случае питай они необоснованные кровожадные планы, чуть улыбнулась. С другой стороны, урон авторитету местному знамени борьбы с мужским шовинизмом, вот уверен без ее желания, я не нанес. Более того, расплата за необдуманные действия смотрелась внушительно. Очень и очень внушительно.

Оставалось разобраться только, какого хера у меня мозги временами отключались. Но это уже не ее проблемы, а мои.

— Вилены нет. Она сбежала вместе с Антуанеттой. Исчезла ровно в ту ночь, когда ты под спеком тут коленца выкидывал, — не удержалась и подколола, — Их даже в розыск объявили, так как, срок они не доработали. Поэтому я не знаю где они сейчас и чем занимаются. Мне не докладывали.

— И отчего так?

— Видимо поняли, что когда до меня дойдет слух об их художествах, я рассержусь, — мило улыбнулась та.

Скорее всего, девки испугались, что их по местному закону Острога, а это оказалось реальным развитием событий, отправят отрабатывать грешки куда-нибудь туда, где смертность даже среди матерых рейдеров достигала восьмидесяти процентов. И можно ли говорить о реальных шансах выжить девок, одна из которых являлась очень слабым кинетиком, Вилена же обладала даром чревовещания, умение же клок-стоперства открылось совсем недавно? Или просто грохнут. Откуда у них жемчуг? Вот ни капли не ошибусь, если за спиной у остальных подрабатывали этим милые стервы банальной проституцией. Кстати, изначально я ошибся Виленой оказалась не блондинка, а шатенка.

— Так мир? — и протянул ладонь.

— С каким бы удовольствием я тебя грохнула! — заявила та, в глазах же не было настоящей злости или ярости. Так немного досады, какие-то свои отстраненные мысли, и любопытство, куда без него.

— Не могу сказать тоже самое, — ответил, удержал ее руку в своей ладони, затем галантно поцеловал. Она не вырвала, и неудовольствия не высказала. У меня на душе — все верх дном. Но этот бардак был под контролем, пусть и частичным.

Москвич, обеспокоенно, поглядывавший на меня и Хельгу, чуть расслабился, когда я направился к нему. Пришел он минут пять назад, подходить не стал, но уселся так, чтобы мы были в поле его зрения. Успел заказать пиво, которое сейчас с удовольствием отхлебывал. Видимо похмелье. Поздоровались.

— Что она хотела? — спросил тот, зло смерив взглядом девушку, которая убрала и договор, и жемчуг, и сейчас вновь уткнулась в планшет, однако, нет-нет и ловил на себе ее взгляд. Отчего делалось радостно. Как школьник.

— Она ничего, а я извинился, — ответил, не вдаваясь в подробности.

— Это ты верно. Девки они с придурью, и не без отморози в башке, но в целом плохого про них ничего неизвестно, — подвел итог тот, — Я договорился, часа через три колонна в Острог выдвинется, вот вместе с ними и мы прицепимся. Мужичка еще одного нанял, на фордовском пикапе. Чтобы вещи твои докинуть. Четыре рубля запросил, скинул до трех, ему попутно, а цену заломил... Нормально?

— Отлично все. Только в номер еще не заглядывал, — кивнул, открывая меню. Настроение было отличным.

— Все там нормуль, кровь только затерли, да постельное поменяли. Зондер, сука, ведь знали, что гнилая гнида, нет взяли на серьезное дело. А так вроде бы ничего не трогали. Трофеи, как я уже говорил, с тех двух муров тебе доставили. Все, что было при тебе, в больничке должны были отдать.

— Отдали, — похлопал я по рюкзаку рядом.

— Тогда никаких проблем. Наконец-то доберемся и нормально гульнем. Люгер, я не я

буду, а забудусь в «Грезы» суток на трое! А то задрал этот Форпост! Он у меня вот где! — рубанул ладонью себя по шее, — Здесь из всех дел только квасить, никакого культурного досуга, к шляхам даже не совался, цены — что б я так жил. Ломят, будто у них дырки из золота. Да и, вообще... А у тебя какие планы?

— Не знаю, — честно ответил, — Доберемся до Отрога, там осмотрюсь, прикину, что к чему. Занятие, думаю, найдется.

Про будущее я не думал. Как-то еще не получалось. То стрельба, то беготня, да и задачи самые простые и важные — выжить, выжить и еще раз выжить. В больнице тоже планы не получалось составить. Не о том были мысли. Опять же чертова иммунность-неиммунность. Попросил кваза не распространяться об особенностях моего организма, на что получил заверения, что знахари врачебную тайну блюдут, куда там лепилам на Земле-матушке.

— Если что, давай со мной, ближе на восток через пару недель собираюсь перебраться, как отдохну, короче, пропьюсь, нагуляюсь. Может даже через три. Хочу к стронгам прибиться, пощипать внешников. Не люблю скуку, — предложил тот.

— Хотел все узнать, почему «Северо-восточный Форпост», он же по идее «Северо-западный», если от Острога смотреть?

— Он без всяких идей просто «Форпост № 6», севернее по этому направлению еще один есть. Южнее — два. Шестеркой еще называют. А мы привыкли так, да и все, кто работает западнее. Вот для нас он «Восточный». Для тех, кто не выбирался к Пеклу — «Западный» Сразу можно по разговору выкупить, кто и что из себя представляет. Мелочь... но сам знаешь, все у нас состоит из мелочей. Хотя можно и ошибиться.

Я сделал заказ все той же официнке, которая оставалась верной дресс-коду с декольте, блузку вроде бы сменила на другую, но та же самая деталь. Видно все, когда наклоняется, начиная от пупка и заканчивая неплохой грудью. Москвич заказал еще кружку светлого.

— Зачем тебе на Восток? Вы же на своей теме сидите, и как я понял, давно и плотно, работайте регулярно?

Тот задумчиво отхлебнул пиво, пытаясь явно взять время на размышление. Для чего? Например, обдумать, правильно ли будет посвящать меня в местные расклады и реалии или же съехать на другую тему в разговоре.

— Уже, похоже, не работаем! — скривился тот, видимо, решив рубить правду-матку, — Все через жопу. Как у Гранита друг погиб, началась эта катавасия. Думаю, последнее наше совместное дело. Дальше каждый сам по себе. Вразбег, короче. Так, по крайней мере поговаривают, да и Гранит чудит. А без него Дохлер не подпишется, впрочем и другие тоже. Хотя взяли мы в этот раз неплохо, очень неплохо, учитывая трофеи с муров и с тварей возле «Стекляшки». Можно полгода или год жить вольготно, ни в чем себе не отказывая, и о будущем не думать. Но не люблю я долгое время херней заниматься. Это у других в Остроге свои дела, какие-то свои проблемы. Каждый в чем-то задействован, бизнес там или еще что. Вон, как Тальк, вся жизнь в великосветских тусовках. Чем бы дитя не тешилось, а я... А мне скучно. Да и, вообще, характер у меня такой — цыганский. Как-то даже своим домом не обзавелся. Могу хоть завтра в самом элитном районе купить, и денег столько, что мне и этот рейд не особо нужен был.

— Почему сам тогда не возглавишь процесс? И работай дальше по отработанной схеме, прибыли у вас, я понял неплохие, раз тот же владелец оружейного магазина, который торгует «Гвоздиками», подписывается на него?

— Эй... Это Каштан что ли? — и не дожидаясь ответа, — Было дело один раз —

продал, не спорю, но скорее посредником выступил. Хотя ты прав, падает с этой темы нехило. Но мне не потянуть, да и что я..., - махнул тот рукой.

— Заместитель как-никак.

— Ерунда это. На мое место можно хоть Каштана, хоть Талька, хоть Третьяка, хоть Дохлера, в общем, любого из старичков ставить. Точно также с обязанностями справились бы, это же скорее дополнительная возня. Я такой же, как они, обычный боец до последнего рейда, был, а потом спички тянули на должность. Вот и выпало мне замкомандирство. Никаких плюсов, одна суета в основном. И ты же заметил, что у нас не армейское подразделение, все кто в лес, кто по дрова. Только Граниту и удавалось управляться с нашей бандой. Каждый матерый, у каждого свои мысли, подчиняться никто не любит, а это в итоге приводит к гибели.

— А он почему решил завязать? Деньги не нужны?

— Гранит расклеился последнее время. Месяца полтора назад. Был у него товарищ Уиллис, чем-то на какого-то актера похож, я сам не знаю. У нас таких не было, но многие говорили вылитый... Дай бог памяти... Борис не Борис, короче на «б» вроде бы.

— Брюс?

— Ага, он самый, Брюс Уиллис. Вот они практически с первых дней с Гранитом вместе. Братья, и отметились много где. Через такое прошли... В общем, хлебнули лиха, хлеб ломали, кровь вместе проливали. У нашего же командира, сам видел, умение имеется не без минусов. Может одним касанием любого жизни лишит, если слишком матерая тварь, то одну, если поменьше — от двух до пяти. Обычных рейдров — пачками укладывать. Диагностируют знахари в итоге остановку сердца, и никаких тебе внешних повреждений. В киллеры ему идти. Впрочем, не с таким откатом. Гранит разум на время теряет, после использования, в машину для убийства превращается, хорошо хоть оружием не может пользоваться. Точнее ничего не соображает, мозгов не хватает, инстинкты одни. Голыми руками рвать, убивать будет, а на шее автомат болтаться. А Уиллис тогда совсем с катушек слетел, после женитьбы, как раз. И девушка хорошая, очень на девку из спасенных похожа, ту, которую вместе с мужиком Каспер вывел. Почти один в один. Так вот, в тот раз ситуация вышла, использовал Гранит свой дар, на мелкой элите, все кто куда рассыпались, попрятались. Тот, если никого не видит, то минут через десять в себя приходит, Уиллис же... ну про мертвых либо хорошо, либо ничего. Попал под горячую руку, короче. Командир в себя пришел — лучший друг, брат, от его же рук погиб. С женой не знаю, как объяснялся. Однако, через два дня и ее из петли вытащили. Мертвую, понятно. С той Гранит тоже дружен был. Вот после этого и стал чудить. Да и как не зачудишь — два самых близких человека, считай погибли по твоей вине.

— А зачем Уиллис сунулся-то?

— Да, хрен его знает. Говорю же, постоянно в какой-то эйфории находился, от женитьбы что ли. За Виолеттой, на имя не смотри, реально у нее такое еще до переноса сюда было — менять не стала. И девчонка без завихрений была. Вот ухаживал он за ней долго, соперничество там все дела, а тут жизнь вместе, любовь до гроба... Не в себе был, как и все влюбленные, короче. Может в голову моча ударила, может, скрыться не успел. Но итог один — смерть.

Москвич сделал несколько больших глотков пива, затем щелчком подозвал официантку и заказал водки.

— 3 —

Резкий сигнал клаксона раздался снаружи. Затем через минуту в дверь забарабанили, и сразу последовал ор Москвича:

— Эй, сова, открывай, медведь пришел!

Голос был уже довольно пьяным, поэтому я ничуть не удивился, что рейдер секунд через двадцать задолбил и ногами.

— По голове еще постучи! — попытался урезонить нетерпеливого весельчака кто-то недовольно, и тут же, — Да не мне, а себе!

Я открыл. На пороге стоял рейдер, а чуть поодаль держался упитанный, напоминающий хитрого кота, татарин.

— Насяльника, что грузить-то, — дурашливо заулыбался Москвич, я же пальцем ткнул в сумки. И сам подхватил две.

Шеф, ни дна ему не покрывши, был любителем всякой экзотики. Вдохновляли его обычно размеры и блеск хрома. Поэтому я правильно определил, что базой для стоящего на улице монстра послужил пикап Ford F-650.

Мощный, сваренный из труб, кенгурятник в шипах закрывал практически всю морду машины, почти доходя лобового стекла, забранного толстой решеткой. Где только можно обеспечивали бронирование стальные листы, некоторые в пулевых отметинах, множество вмятин и глубоких царапин говорили любому, что этот пепелац используется не только для перевозки грузов, но и успел побывать во множестве передраг. Однако судя по толщине металла, вряд ли ему прилетало из той же винтовки, максимум 5.45. И, на мой взгляд, уже автоматный 7.62 наделал бы дыр в этом железном ящике.

Поверх небольшого кузова наварена клетка из арматуры не выходящая за габариты кабины автомобиля, свернутый с одного борта в рулон брезент, похоже, натягивался сверху для сохранения груза на случай непогоды. На крыше кабины, на хитрой и видимо управляемой турели оскалился НСВ «Утес».

Водитель — похожий на мексиканца смуглый и усатый крепыш, сняв навесной замок с решетчатой двери кузова, открыл ее, и кивнул головой, мол, туда грузите.

— Ну, как моща? — хохотнул Москвич и похлопал по кенгурятнику внедорожник, после того, как мы с ним перенесли вещи.

— Впечатляет.

— Турель работа мастерской Каптана. Тут столько электроники напихано... Круговой обзор. А точность, чисто как в компьютерных играх. Навел, бах! И только споровые мешки вскрывай! Управляется же все с водительского места. Одной рукой! Прикинь, какая тачанка?!

— Впечатляет, — спокойно ответил я, так как практичность большинства решений для меня оставалась за кадром. Например, зачем обязательно останавливаться на редком американце, если базой мог послужить тот же шестьдесят шестой. К ГАЗу запчасти найти вряд ли являлось большей проблемой, нежели чем к «Форду». По проходимости первый не глядя мог заткнуть за пояс заокеанского собрата, относительно же горючки... То в Улье хоть

бензин, хоть солярка всегда присутствовали в достаточных количествах и были абсолютно бесплатны. Только, если комфорт и управляемость.

— Мужики, давайте скорее, — высунулся из машины усач, — Нас никто ждать не будет!

— Шеф, все в ажуре!

Я вернулся в номер, осмотрел его внимательно, даже вновь под кровать заглянул. Ничего не забыл? Нет. Напоследок, вытащил из внутреннего кармана плоскую флягу с живцом, сделал пару глотков. Действительно, требовалось мне его раза в два больше, чем тому же Москвичу, может, был прав доктор, но как вариант еще в себя не пришел после ранений, недостаточно восстановился.

Вооружен я был прилично. В наплечной кобуре — Ярыгин, на ремень нацепил штурмовой револьвер калибра 12,7 миллиметра, а также ножны с ресовским боевым ножом или кинжалом, мультитул в чехле, запасные магазины для пистолета.

Рассовал по карманам тактической легкой куртки две гранаты, и четыре же запасных магазина к ВАЛу, который убирать далеко не собирался, несмотря на все заверения о безопасности маршрута. Не забыл и индивидуальный перевязочный пакет, как и пластиковые коробки со споранами и горохом. Рация обязательно, куда без нее? Что больше всего бесило — это то, что настраивал ее напарник. Одна из первых задач, обзавестись мануалом у Каштана, и изучить. От связи тут зависело многое. Относительно постоянной вооруженности до зубов, со мной уже и Москвич перестал спорить и пытаться на меня воздействовать: «Не удивлюсь, если ты под подушкой ствол держишь!».

А затем только руками развел, мол, хочешь автомат носить постоянно — таскай, чем бы дитя не тешилось. Но гранатомет в приказном порядке заставил убрать в сумку. Ладно, ее тоже с собой в салон автомобиля. Я пока понял непреложную истину — в Улье значение имеет даже не крупный калибр, а наличие гранатомета в нужный момент и в нужном месте. И какая польза с РПГ-26 будет, если он заперт на навесной замок в «багажном отделении»?

Хитрый татарин оказался не попутчиком, а владельцем гостиницы, который кроме того, что принял у меня номер, попросил особо не распространяться об инциденте. Как я понял, именно это и послужило причиной его присутствия на наших проводах. Не хотелось портить имидж заведения. За молчание тот пообещал семизвездочный сервис, возникни у меня желание вновь остановиться у них.

— Самый дорогой гость будешь! — пообещал тот, скрепляя омерту крепким рукопожатием.

— Башкир — жучара еще тот! — прокомментировал Москвич, когда тот скрылся в номере, — По идее это его косяк! На камеры наблюдения зажепил деньгу, охрана территорию подметает, бумажки собирает, а так бы следила за реальным порядком. Пистон комендант ему вставил, теперь вот устранять будет.

— Вряд ли, даже если бы видеонаблюдение велось, что-то было понятно. Тащат двое третьего в гостиницу. Может с радостей товарищ перебрал — рейд удачный, или наоборот неудачный, здоровье не рассчитал в общественном месте склеился, — не согласился я, — А в номерах камеры ставить, так сами же рейдеры будут против, вряд ли кто-то захочет в таком кино сниматься.

— Это да... Но снаружи они должны были стоять. Мало ли, тот же Зондер... Вот какого хера в чужой номер полез? Еще и бомбу у Каштана спи... взял попользоваться! Этого чудака на букву «м» сразу увидели бы. Он ведь замок считай сломал. Возился. Должны были возникнуть вопросы.

— Может он спец в секунды уложился, — опять выступил со скепсисом я.

— Да, плевать спец или не спец, охрана должна знать, кто и куда заселился, не так много людей тут, что прямо город-миллионник. Все расслабились просто на этом направлении. И точка! А что зря суетиться, здесь самый мощный опорный пункт, дроны, разведка и прочая муета.

— Вы еще долго языками чесать будете? — подал голос водитель и для доходчивости даже вдавил клаксон. Рывкнуло будь здоров, как от порядочного грузовика, а не пусть и огромного, но легкового автомобиля, внедорожные свойства которого оставались за кадром.

Москвич уже успел облюбовать место рядом с водителем, куда сразу полез, разместился не без комфорта, из сумки под ногами, достал пиво и чипсы. Я же забрался назад. Стандартные кресла отсутствовали, вместо них и со стороны правой двери были довольно удобные пусть и совмещенные сиденья. Теперь здесь, если потесниться, можно было разместиться и впятером, и, вряд ли мое предположение было ошибочным, но на такой апгрейд хозяин пошел еще и для того, чтобы обзавестись удобным спальным местом при случае.

— Ты как там устроился? — подал голос мой товарищ, делая огромный глоток из полуторалитровой пластиковой бутылки.

— Да, нормально все.

Водила же посмотрел на рейдера, как злая сторожевая собака на потенциального нарушителя, тот лишь усмехнулся:

— Слышь, Мажор, ты еще скажи, что у тебя курить нельзя за шесть-то споранов с двух пассажиров. Короче, верти баранку и не быкуй!

— Бухать вне защищенных стен себе дороже, а ты, Москвич, как ребенок, — спокойно ответил тот, и добавил еще степеннее, — Курить у меня... можно, сам грешен. Бухать просто не советую. Не мальчик, должен понимать, что раз на раз не приходится. Вчера только мелкого элитника в восьмом квадрате заметили, пока то да се, успел он двоих у штрафников порвать. Так что бери пример с друга своего. Кстати, меня Мажором кличут.

Повернул он ко мне голову, затем протянул через плечо правую руку.

— Люгер, — тот был в штурмовой перчатке без пальцев, поэтому я тоже не стал снимать. Пожал.

— Раньше я тебя не видел.

— Он свежак! — влез Москвич.

— Да ну?! — не поверил водила.

— Вот тебе и «да ну», — передразнил тот его, — Но я тебе скажу так, таких свежих еще поискать, считай дважды наши задницы прикрыл. И прикрыл реально. Двух элитников, из которых один львом был в девичестве, умотал за здравствуй. А кусачу, вообще, глотку перегрыз. Зубами, понял да?!

— Гонит? — вполоборота посмотрел на меня Мажор одним глазом.

— Ага, — кивнул я.

Мощный двигатель рыкнул, автомобиль же плавно подался вперед, развернулся по широкой дуге, направляясь к западным воротам. Здесь уже формировалась колонна. Головной машиной шел БТР-82А, шесть длинномерных фур, пока стоящих перпендикулярно в ряд, но судя по выхлопным газам, тоже направляющихся в Острог. Два автобуса ПАЗика. Все автомобили были подготовлены к местным реалиям, за исключением трех тайотовских пикапов. Дополнительное самодельное бронирование, решетки, мощные бампера, нередко

снабженные шипами, оборудованные места стрелков. Пассажиры и водители в основной своей массе перетаптывались возле транспортных средств, курили, разговаривали. Царило оживление и суета.

— Вон твоя подруга, — хохотнул Москвич, показывая пальцем на группу девушек возле военного «Тигра» с КОРДом и «Уралом» с кунгом. Когда мы с ними поравнялись он открыл дверь и проревел, отчаянно фальшивя, — Здравствуйте, я говорю вам здравствуйте! Что уныли я ведь не на паперти?! Какой от кислой рожи прок? Окончен срок, звенит звонок! Здравствуйте ж! Я говорю вам — здравствуйте! Окончен срок, звенит звонок!

— Ты им еще напой «кольщик наколи мне купола», — усмехнулся в усы Мажор.

Хельга, да и другие девушки, все как по команде показали певцу средний палец, под радостное гоготание окружающих. Наш водитель тоже улыбался. И видно по рожам, что ценят они этих девок, ой ценят. И любят скопом. Похоже, ни капли я не ошибся — местные звезды, как они есть. Проехали мы чуть дальше, здесь наш пепелац подался назад. Встали. Водитель заглушил двигатель, скорее всего, ожидание грозило затянуться. Стоило ли тогда до этого суетиться и торопиться?

— Как обычно — бардак! — прокомментировал Мажор и демонстративно посмотрел на часы, постучал по циферблату пальцем.

— Девчонки! — вновь заорал Москвич, — А давай с нами, троих возьмем без «бэ»! Чего вам в этих бичевозах трястись?! Пусть вон в них сами зольдены катаются? Но предупреждаю, самых красивых отберу! Крокодилам здесь не место! Короче, — обернулся тот к нам, — Я сча! Если договорюсь, Люгер, будь другом вперед пересядь, а ты, Мажор, еврейская твоя морда, не щерься, два спорона сверху плачу.

— Ловлю на слове, и хоть всех тащи! Все веселее, — хмыкнул тот.

Я же сразу через салон перебрался на переднее сиденье, объемную сумку из-под ног, где явно брякали бутылки, аккуратно переставил назад. Под автомат сбоку был хитрый крюк, куда за ремень его и повесил, а сумку с гранатометом аккуратно положил на пол.

Москвич же перетопчется, даже если вернется один. Бухать можно и там, сзади. А мне спокойней, когда обстановку всю видишь. Да и не люблю выглядывать из-за спин, приходится, как тому суслику голову вытягивать. Шея потом болеть будет.

— Не ты видел? — водила ткнул пальцем в рейдера, который что-то уже рассказывал девушкам, а их было человек семь, — Да этого за каждый рубль, чуть не плакал. И с рейд-то взяли слезы, и ты-то новичок, — передразнил он, — Скачуха-скачуха... Как бабами запахло, споран туда, споран сюда! Все беды у нас из-за этих...! — подытожил тот, многозначительно оборвав фразу в конце.

— Без них тоже никуда! — дежурно отозвался я, доставая сигареты.

— Это ты верно заметил! Куда мы без них...

Прикурил, затянулся. Ничего не стал говорить, что это не я заметил, а кто-то и даже не сто и не двести лет назад.

Других мыслей полно в голове. Одна из главных, какая сука утащила цементовский прибор Постигающих? Тот самый для нахождения мест с особой энергетикой, если я ничего не напутал в рассказе рейдера-ренегата. И все в номере тщательно обыскал, а его, как и не было. Другие ценности, начиная от пластиковых контейнеров со споронами и горохом и заканчивая патронами, не взяли. На месте было и оружие. Даже шприц-тюбик с рад-спеком кто-то, видимо, из персонала, когда приводил в порядок комнату, аккуратно положил на стол, достав из-за кровати. Так кто мог умыкнуть этот девайс, выглядящей, как телефон из

девяностых? По идее, кто угодно, начиная от залетных рейдеров и заканчивая каким-нибудь левым проходимцем, пока я отплясывал возле ворот, дверь в номер оставалась открытой. Проходной двор. У гарнизонных тоже имелась возможность его прихватить, к слову сказать, трофеев мне они притащили с убитых бандитов пистолет ПМ, два довольно плохоньких ножа, да ком окровавленной одежды. Но эти версии я отметал, как фантастические. Так как неизвестных воров интересовал только прибор. Все. Уверен, знали о его функциях только Постигающие. Они? Вполне возможно, не зря же рядом крутились и зыркали. А это... Эти проблемы уже в реальной ближайшей перспективе. Поймают, а там вопросы начнут задавать.

И какого черта, я эту дрянь с собой потащил? Нет избавиться на месте! Теперь вот думай...

Спрыгнул с подножки.

Успею еще насидеться.

Хельга уже находилось чуть поодаль от основной компании, возле «Тигра», и о чем-то живо разговаривала с высоким мужиком в натовском камуфляже. Часто улыбалась. От этой картины у меня стала просыпаться злость. И ведь понимал, что ничего девушка мне не должна, но как обычно — одно дело голый расчет и проявления разума, другое эмоции. Особенно связанные с понравившейся женщиной. Впрочем, за рамки вполне обычных они не выходили. Мне не хотелось здесь и сейчас пристрелить соперника, посмеявшегося ворковать с моей прелестью, как и последнюю. Да и о ней думал как-то отстраненно, без всякого вожделения. И хорошо так на душе от осознания этого сделалось, не передать, а то, честно говоря, уже сам себя стал побаиваться.

Москвич же разливался соловьем, активно жестикулировал, гоготал так, отсюда было слышно, хоть нас разделяло метров под тридцать-сорок. Цветник отвечал тем же, отчего общий градус веселья только повышался.

Высокая брюнетка, симпатичная, хрупкая, чем-то похожая на актрису Одри Хепберн, переглянулась с Хельгой, та в этот момент чуть склонила голову. Вроде кивнула? Высокая статная блондинка, с формами валькирии, хлопнула рейдера по плечу, сама же и обняла, другой рукой зацепила подругу, оказавшуюся как раз той самой скромного вида Хепберн, и потащила всех к нашему пепелацу.

Остальную обстановку я тоже из внимания не выпускал. Людей было много. Около сорока человек. Все откровенно скучали и поэтому пялились в основном на девушек, но и напарник был фигурой в этих местах известной. Так, например, раздалось рядом от двух небритых товарищей:

— Это же Москвич, который Каштана кент?...

— Ага, без мыла в жопу любому залезет!

— Или любой!

Заржали, да как-то гнусно, что ли... Захотелось даже развернуться и начистить пару рож, рыл ли. Однако, меня предупредил уже кваз, что возможны вспышки немотивированной агрессии с моей стороны, организм вроде так восстанавливается, поэтому я старался держать ситуацию под контролем.

Рейдер же с видом кота-победителя, которому удалось повернуть многоходовую операцию по пожиранию хозяйской сметаны, как будто и не его сейчас тащила, обняв за талию, блондинка, подмигнул мне.

Брюнетка же, смерив меня оценивающим взглядом, который задержался на револьвере,

почти пропела:

— Вот это комплексы..., - голос у нее был красивый, хотела еще что-то добавить, явно пытаясь спровоцировать меня, но вмешался напарник, беззастенчиво вклинившийся в паузу и прооравший:

— Знакомьтесь, дамы, это Люгер — он свежак! Но бодрый!

— Тот самый?! — обе посмотрели на меня, как будто только что увидели, а еще в глазах беспешабашное веселье и характерный блеск. Точно, они с Москвичом на одной волне — на синей, синей.

— Знакомься — это несравненные Одри и Сильвия, мои лучшие подруги и верные боевые товарищи! — тут он хохотнул, обнял обеих, прижал к себя, попытался поднять. Те, смеясь, вырвались, чуть не повалив рейдера.

— Ты, Москвич, руки-то не распускай! Ты зачем звал? Пить коньяк? Вот и наливай, а то распоясался!

— Тогда за мной! — скомандовал тот и первым полез на заднее сиденье машины.

Я же закурил вторую. Тем временем, народ стал постепенно рассаживаться по машинам. Бывшие шрафницы и штрафники, а теперь свободные люди, тоже скрылись в кунге «Урала». Хельга к моему разочарованию, с еще одной незнакомой девушкой забралась в «Тигр», дверь в автомобиль им галантно открыл уже виденный мной длинный мужик.

Видимо пора. Хотел окурок отправить щелчком в сторону, но общий порядок и отсутствие в поле зрения даже намек на мусор, заставили найти урну, находящуюся в десяти метрах. Дойти до нее и, затушив, отправить бычок в ненасытный зев. Не зря говорят про эффект «разбитых окон», вот его действие — налицо. И никаких рядом надзорных служб, но сама обстановка воздействует.

Не успел я усесться на сиденье, как между ним и водительским просунула голову брюнетка и сразу задала вопрос:

— Скажи, Люгер, а правда, что ты под спеком к Хельге клеился? И даже целоваться лез?

Как в детском саду.

— Она сама не хуже всякого спека на неподготовленного действует! — усмехнулся. Ага, головной БТР выдвинулся, за ним начала строиться колонна. Сначала поползли фуры. Действовали слаженно. Не знаю, была ли установлена связь между всеми машинами заранее или кроме основных автомобилей с остальными не заморачивались этим, по крайней мере, Мажор никуда не бегал, а автомобильная рация «Кенвуд» продолжала молчать.

— Рассказывай..., - недоверчиво протянула та, — Типа на Хельгу в бане посмотрел и сразу голышом возле Западных ворот в воздух палить? С охраной драться и бомбы взрывать... Ну-ну!

Пройдет немного времени и события того вечера совсем потеряют реальные очертания.

— Точно. Говорю же, от нее так по мозгам бьет — себя не поймаешь!

— Так ввали что ли? — и разочарование, столько в этом голосе слышалось разочарования, что даже хотелось приободрить, мол, не во всем.

— Насчет чего?

— Ну, что голый и стрельбу устроил? А еще к ней лез...

Млять, как же меня это все достало! И ведь не пошлешь, хотя желание крепло. Нет, мне старому покоя.

— Конечно, правда! А еще я на элите верхом катался.

— Да ну тебя!

— А что да ну его?! — опять влез Москвич, — Он кусача одними зубами чуть не загрыз, еле-еле его Третьяк оттащил, зараженный же с низкого старта рвать подальше! А на элите мы все катаемся! И обязательно голыми! Одри, айда пить, не морозь посуду!

Колонна шла со скоростью около сорока километров в час. Не раз и не два замечал туши беспиплотников, причем явно не наши земные поделки, а нолдовские. Вот опять же возникает вопрос, неужели здесь технологии шагнули так далеко, что позволяют ломать ПО, и ставить себе на службу вражескую электронику? И еще один вопрос, они ведь не просто летают, вон судя по пилонам ведут активную деятельность. Боезапас тратится на зараженных или еще кого, за счет чего идет восполнение?

Москвич и дамы расслаблялись.

Водитель тоже не выглядел обеспокоенным. Вертел баранку, включил даже музыку, что-то из шансона, но я таких песен ни разу не слышал. Вполне возможно были они и в моей реальности, а может и проделки мультиверсума.

Одри уже не раз и не два, вместе с подружкой пыталась меня расспросить, часто совсем дурацкое:

— Любишь ее? — и с пьяной непосредственностью лицо почти вплотную к моему пододвинула, поганка.

— Точно. Ее трехдюймовые глаза поразили прямо в самое сердце.

— Да... Глаза у нее... Мне бы такие! — или не поняла цитаты, или сделала вид, обернулась, — Москвич, ты чего там обмер?! А ну наливай!

— Уже все готово! — отозвался тот, — За вашу, девушки, красоту! Только она нас вдохновляет на подвиг!

Надо отметить, что все знали ту грань, за которую никто из них во взаимоотношениях не заходил. Рейдер пусть и клеился, шутил порой ниже пояса, но не так, что хватал и тащил в кусты или за телеса, за которые можно было подержаться, что у одной, что у второй. Сами девки пусть и напивались, но не пытались в свою очередь утащить Москвича. Почти культурное совместное времяпрепровождение, рассказывали о каких-то случаях во время отбывания наказания, рейдер тоже в долгу не оставался.

— Скажи, а чем думаешь заняться? — Одри снова почти перелезла ко мне на кресло.

— Не знаю, не решил еще. Надо сначала осмотреться...

— Ну-ну, только головы не теряй, и да, ту штуку, которую на груди таскаешь, выкинь подальше, для всех так лучше будет, но, главное, для тебя, — вполне трезво ответила та, я даже на секунду растерялся.

— Что ты сказала? — придвинулся к ней.

— Я? — ткнула она в себя пальцем, а потом демонстративно и пьяно посмотрела в разные стороны, будто ища кого-то, — Я ничего не говорила. Спрашиваю у тебя, любишь Хельгу? Отвееечай!

И засмеялась.

Сука!

Мне захотелось схватить ее, встряхнуть, а потом долго и с пристрастием допрашивать. Актриса, мать ее так! Закрыв глаза, досчитал до десяти. Гадая, показалось мне или она на самом деле сказала про мой амулет? Будь я на земле, и не произойди со мной столько дряни... А здесь же...

Чертов черный квадрат, чертова девка, чертов Улей!

— 4 —

— Стена..., - выдохнул зачарованно водитель. То о чем с таким упоением говорили рейдеры, часто намекая на несокрушимость и монументальность, представляло собой железобетонную конструкцию высотой около десяти метров. Если честно, особо не вдохновляло. Размах впечатлял, но без трепета. Хотя четкое понимание у меня уже успело сложиться — Улей это Улей. Уверен, и для Земли такое сооружение потребовало немалых вложений сил, средств, времени и упорства, если даже Израиль, замахнувшись на полноценный разделительный барьер, вынужден был в итоге ограничиться простой металлической сеткой с колючей проволокой.

— Не видел раньше? — встрепнулся Мажор, и сам же ответил, а гордость так и сквозила в голосе, — Конечно, не видел! Ты же свежак! Короче, здесь две реки — Красная и Лена, — махнул он рукой с зажатым сотовым телефоном влево и вправо, — текут практически параллельно друг другу, вот между ними и возвели стену. Общая длина на этом направлении, около семи километров. Здесь ее строили в первую очередь. Считай все твари, которые с Запада, сбиваясь в кучу, выходят именно сюда. Раньше, как говорят старожилы, еще до форпостов, такие банды забредали, у всех защитников волосы дыбом стояли, и не только на голове. Но постепенно отвоевываем себе жизненное пространство, по чуть-чуть, там, здесь. Пятьдесят лет стройки! Слона, как известно и мудрые люди говорят, едят по кусочкам. Дорогу же видел? Вот и ее, и бункера на стоянках рядом, где опасность, коль она приключилась, можно и пересидеть, в последние два года возвели. Нехило, да?

Я кивком головы обозначил, что информацию принял, а также о согласии в оценках объема построенного. Уже за двенадцать километров до Острога, о чем гласили указатели, начиналась отличная асфальтовая дорога в четыре полосы, сверкающая новенькой разметкой. К ней примыкали второстепенные, часто хорошо накатанные грунтовки, движение же было достаточно оживленным. Постоянно попадались грузовики, модернизированные с учетом местных реалий, вырубали пикапы и подготовленные джипы. В небе стремительно пронеслись и неторопливо пролетали беспилотники.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Один раз нас обогнала небольшая колонна, имевшая самую непосредственную принадлежность к вооруженным силам Острога, о чем говорила эмблема с соколом по бортам трех БТРов и четырех тентованных Уралов, явно нагруженных чем-то под завязку, если судить по рессорам и густому соляному выхлопу. Еще навстречу на бешеной скорости пронесся форд-мустанг, которому бы и Безумный Макс позавидовал, весь в решетках и шипах, клиренс нереально завышен. Как он им управлял только? Над бампером скалился череп элиты, явно из каких-то хищников. На месте пассажирского сиденья красовался Browning M2, явно на хитрой управляемой турели.

— Ковбой, — заметив мой скептический взгляд, прокомментировал Мажор, — Отморозок, каких мало! Охотник, одинокий волк, мля! С башкой я тебе скажу, не дружит вообще никак. Увидишь мужика в черном стетсоне, в ковбойских ботинках и в кожаном плаще даже в жару, с кольцом на бедре, — перейди на другую сторону улицы! Все ему с рук

сходит, князю, говорят, кем-то приходится. Неприкасаемый, короче... А сам может на ровном месте пострелушки устроить или в рыло непонравившемуся сунуть.

Ясно. Местная элита.

Часто попадались бензовозы и всевозможные грузовые автомобили с манипуляторами, приспособленные под мародерство с размахом. Оживленным было движение, как навстречу, так и попутно. Все что-то тащили, везли.

Обогнали несколько гусеничных бульдозеров, они ползли рядом с дорогой под прикрытием пикапа с СГМ на вертлюге в кузове, который стоял на пригорке. Пулеметчик здоровый вихрастый парень постоянно поднимал приветственно руку, видимо, в каждой третьей машине у него имелся знакомый.

Меня, после нескольких суток безлюдных трасс, увиденное не просто радовало, а вселяло некую надежду на нормальную, пусть и опасную, но жизнь, а не только одно сплошное выживание. Одно дело судить со слов рейдеров, другое — видеть собственными глазами. Да, и водитель не раз и не два уже подтвердил, что они тут вполне себе отлично здравствуют.

Например, Форпост оставил впечатления крепости на вражеской территории, ожидающей нападения в любой момент. Сама обстановка не позволяла расслабиться, забыться. Здесь же, никто и ничего не боялся. Сигналили друг другу, здороваясь, перекрикивались и махали руками. Много и часто улыбались, не было на лицах ни масок-шпок, а также той сосредоточенной обреченности, когда сама жизнь беспросветна. Оружие пусть и под рукой, но не них. В таком свете, я с гранатометом под ногами выглядел параноиком и психом.

Журчало радио, смесь старых хитов, легкого рока и откровенной попсы, Мажор постоянно переговаривался по сотовому телефону, решал какие-то свои вопросы. В общем, если бы убрать из окружающего пейзажа частые беспилотники, вооруженность и обвешанность железом части транспорта, то ощущение, будто я на Земле оказался. А именно, в райцентре России, перед тем, как его посетит глава губернии. Все чистенько, покрашено, и даже по местам следования начальства проложена новая дорога, нанесена разметка, как и убран мусор силами в срочном порядке мобилизованных бюджетников.

- Последний раз в «Ведомостях» рапортовали, что на сегодняшний день общая протяженность стены около тридцати восьми километров. Стройка века, ты понял, тридцать восемь километров! Уверен, пока полностью не отгородимся — так и будет продолжаться, сейчас речь идет о том, чтобы вообще все границы стаба обнести пока сеткой и колючкой. Камеры... Но... Где взять на все людей, и кто за это платить будет? У нас же еще Форпосты имеются, и какие-то объекты за пределами Первой линии.

— Первая линия — это стена?

— Ага, и все, что за ней — туда дальше, — махнул он рукой в направлении движения, — А по Второй мы сейчас едем. Здесь уже стабов пусть и небольших мало, все больше стандартных кластеров, но контролируемых нами. А дальше все — конец влияния Острога, и конец цивилизации. Нет, при случае наши могут навалить хоть кому и хоть где, но... Был бы смысл.

...Постоянное упоминание рейдерами стен Острога, когда требовалось привести пример надежности и несокрушимости, сыграло со мной злую шутку. Подспудно, я уже представлял себе стометровые мрачные громады из дикого камня. Обязательно с зубцами, башнями и прочей атрибутикой средневекового замка. На деле ровная, будто по линейке,

стена тянулась вправо около трех-четырех километров, где упиралась, вот уверен, в спрямленное русло довольно широкой реки. Влево же просматривался с этого ракурса только кусок в метров восемьсот.

Широкий, около двадцати шагов ров. Его берега сковывали бетонные плиты. Минные поля, заграждения из колючей проволоки. Какой-то фанат фортификации здесь потрудился.

— Что внушает? — вновь повернулся Мажор, а на морде выражение такой гордости, словно он сам лично возвел эти стены.

— Ага, — ничуть не покривил душой.

Серьезно подошли к безопасности, ничего не скажешь. А сколько это потребовало средств? С другой стороны, тут только один ресурс имел значение — время. Люди, вещи, топливо, техника, специализированная в том числе, да, что она, целые заводы и города — всего лишь бесконечный расходный материал, который сыпался и сыпался в неограниченных количествах. Но в любом случае требовалась немалая, как воля, так и умение превратить некий туманный замысел в реальность. Организовать, заставить, привлечь, зажечь... Не знаю, кто этот Князь, но уважение его деятельность заслуживала. Этс как минимум.

Ведь чем больше я знакомился с окружающей обстановкой, точнее, с тем, что возвели и в каком состоянии все поддерживали, тем сильнее поражался. Все продуманно, аккуратно, сделано не абы как, а на совесть, порядок кругом — близкий к идеальному. А ведь в таких условиях, когда каждый прожитый день человека, напоминал балансирование на тонком тросу над пропастью, поневоле возникает наплевательское отношение к окружающей тебя действительности. Какой к чертям мусор или порядок, когда завтра тебя уже не будет? От старости, как я понял, в Улье не умирали. Соответственно, общий пофигизм должен был оказать влияние даже на замшелых аккуратистов.

Дорога упиралась в змейку из бетонных блоков. За ней нетронутая перемычка между ровом и огромными раздвижными воротами, перед въездом присутствовал и шлагбаум, но скорее для порядка.

Досмотровая группа из четырех человек выглядела не хуже тех же ресов, такая же броня, делающая похожей их на космических пехотинцев из далекого будущего. Вооружены они были какими-то довольно интересными автоматами, напоминающие очертаниями FN F2000, однако калибр был куда, как внушительнее. Под десять — двенадцать миллиметров.

Присутствие при бойцах собаки, на вид самой обычной дворняги, выглядело нелепо. Те же споро заглядывали в машины, кузова и контейнеры, где-то пускали вперед пса, но тот недовольства не показывал, вилял хвостом, в общем, вел себя спокойно.

— Что они ищут? — обратился я водителю.

— Нелегалов в основном...

— А как же сенсы?

— И сенс среди них есть, а Шарик, так вообще животное легендарное. Мало таких, но у противника ведь тоже может быть Дар, например, антисенс. Взрывчатку опять же могут протащить, еще какую-нибудь дрянь. Идиотов полно! Как-то один ублюдок, едва БЧ от ядерной ракеты в кузове вез. Где он ее откопал, история умалчивает. Но реально толи от Сатаны, толи еще от какого Тополя.

— Да, ну..., - не поверил я.

— Москвич, подтверди, было дело, что ядерен-батон на блоке задержали?

— Ага, было. Но криминала там не было, — рейдер отозвался недовольным голосом.

Оно и понятно, у них там важная беседа лилась, а тут с какой-то ерундой лезли.

— Вот! Хотя на моей памяти, это только на Восточных воротах бардак. В Западном направлении в основном шуршит народ проверенный, — последнее явно касалось именно Мажора.

Москвич же вместе с подругами уже набрались до той кондиции, когда окружающее их интересовало мало, а целиком и полностью занимал важный разговор. Информации их «беседа» содержала мало, а какой он «красава Тюльпан», или, что в Остроге присутствовали представители нетрадиционной ориентации — Агр, промышленяющий с Каплером, или же, что «девочки, только между нами, но у вашей Немизиды, нет не только сисек, но и мозгов» меня интересовало мало.

Поэтому я всю дорогу выспрашивал водителя, который с явным удовольствием отвечал на мои вопросы. Комплекс Третьяка, так я назвал этот феномен, когда хочется поделиться с другими своими жизненными установками и принципами, продавить их и подать, как единственно верные.

— У нас есть все! Не веришь? А зря! Вот смотри, в наличии сотовая связь; своя локальная сеть; кабельное телевидение, четыре канала — один местный центральный, музыкальный, фильмы и для детей; проводной телефон; две радиостанции на коротких волнах; газета «Княжеские ведомости», журнал «Вольный охотник», для женщин — «Стикс-Космо» еще какие-то вроде есть, мало? Еще раз тебе скажу, Люгер, в отличие от многих других, мы не выживаем... Совсем нет, мы живем, живем полноценной жизнью, да пусть она опасна, но нет этого беспросветного мрака... И не думай, это не аллегория какая-то. Там реально мрак и тьма! Как говорит, у нас Пастор: «Тьма над ними, тьма в них, и нет ни одного луча света ни в жизнях, ни в судьбах их»!

— Священник что ли?

— Да какой священник, за всякую такую хрень и погнали его Пастором, он и Библию может цитировать, и Коран, плюс от себя добавляет, но все в таком духе. Иногда в тему, но чаще такая ересь...

Я достал сигареты, прикурил. Осмотр транспорта пусть и быстрый, но затягивался.

— Люгер, зая, не кури... а? — донеслось сзади плаксиво-недовольный и требовательный голосок.

— Да, ладно тебе, Одри, пусть травится! Купил пачку сигарет, ты готовый им..., — дальнейшее потонуло в одобрительных смешках, и громогласном, неестественном хохоте рейдера.

Как там? Дебилы, мля. Вот они самые, но обезличенно все, не зацепишься. Накатила вдруг злоба, та самая почти пелена перед глазами, когда уже не понимаешь, что делаешь. С трудом сдержал порыв закинуть им назад «Зарю», а лучше РГД.

Телепорт вон на обочину, и посмотрим, на кого Бог пошлет. Добавить огня в общее веселье. Я, глубоко вздохнув, представил себе эту картину и ухмыльнулся. Нет, с психикой надо что-то делать, чувствую, что на грани уже. Для меня становится слишком просто убить, уничтожить.

Резко разом, как-то включился слух, оказывается Мажор мне что-то втолковывал.

— ... дела такие... Я почти на Внешке появился, столько дерьма повидал, год мыкался. А в Острог влюбился с первого взгляда, поверь мне, если есть где-то в Улье Рай, то это Острог. Здесь у меня вон автомобиль, — последнее произнес очень уважительно и с затаенной гордостью в голосе, мол, добился, — Катаюсь по своим делам, почти гражданин,

дом пока в кредит взял. Расплачусь скоро. Живу. Может и женюсь. Понимаешь, я не существую, как там, где вся жизнь бесконечная беготня. Добыл хабар, сдал, нажрался, потрахался со шлюхами, у которых ты в этот месяц триста второй и дальше, рейд... И тоска, понимаешь, тоска, сука, давит, душит. Вроде бы и остановиться некогда, бежишь, часто просто вырубаетесь, глаза закрыл — минус четыре-пять часов из жизни. Но как только остановишься... и все, бухает, как проклятый. Бездна, короче. Смысла существования нет. А мысли одолевают! Да, ты посмотри, или увидишь, если занесет нелегкая, там каждый второй жрет, а каждый первый на спеке сидит, только бы не думать!

— И так везде?

— Ага! О каком тут будущем можно говорить? Понятно, что нет его. А дикий стаб? Сегодня он стоит, завтра или зараженные раскатали, или внешники снесли, или килдинги всех перерезали... Представляешь, как это все было видеть, после всех этих бытовок диких, после всей это херни настоящий театр, где играют самые настоящие артисты?! Три музея, четыре кинотеатра, рестораны, бары, сауны, бордели. Все есть. И люди совершенно другие! Это как из того же промышленного мегаполиса при градообразующем предприятии в духе тяжелой металлургии в Москву, например, попадаешь. Вроде бы отличий не особо-то и много. Те же маркеты, те же вроде бы заведения, ну да, чище, ну да, опрятней все, но даже в кино тоже самое идет, а люди другие. Просто другие люди.

— Ясно, — сказал, чтобы что-то сказать я. Разговор мне уже порядком наскучил. Тоже информации в нем ноль, настроение и общие тезисы я уже понял. Нюансы и детали же они с каждой колокольни свои.

— Да и закон... на Земле дурак был, всегда думал, вот эти все менты, потом полицейские, государство, вся эта тряхомудия, — только мою свободу ограничивает. Не будь их — зажил бы нормально. А здесь с первых часов прочувствовал, что значит нет наряда по звонку, когда нас иммунных из поселка выжило только я, да две девчонки. Нарвались даже не на злостных муров, а так, на рейдеров гнилых, те мне флягу живца и направление на ближайший бомжатник, баб же забрали с собой, не без их согласия, конечно, и мест в машине больше не было. Вот только потом они в борделе оказались. Такие дела...

Он горестно вздохнул, потом задумался почти на минуту, я обрадовался, но зря.

— Здесь же все по уму. А там, порой и за языком следи не следи, один черт, какие-нибудь проблемы. Раз за нож или за ствол, выноси готового. И так со всем. Если олень какой-нибудь закосячил, а по сути обычный рейдер, часто новичок без друзей, то с ним могут разобраться или на гнилую тему подписать, а если старичок, еще и со связями какими-никакими или платить есть чем, да твори что душевнее угодно! Ты в своем праве. Понял я одно, Люгер, о праве сильного хорошо рассуждать сидя в своей уютной квартире, попивая пиво. Типа законы для слабых, на деле чего-то мало сильных-то... Заявок на гражданство даже в Монако, где всем срать мур ты или честный рейдер, до неба. Что уж про нас говорить. Поэтому когда наступает эта самая свобода, для многих удивительно откуда столько отмороzków появляется. И что-то не выходит жить своим умом, обязательно кто-то хочет тебя, помимо твоего желания, подмять, обмануть, использовать для своих целей или просто прибить, потому что на твой ствол глаз положил или на добычу, или просто ты ему не понравился. И милиции-то и нет.

Наконец-то и до нас дошла очередь проверки, а то бы сам грохнул водилу, достал своей болтовней. На сто слов о себе и своей жизни, только пара предложений более или менее несущих в себе интересную информацию. Утомил он меня.

— Кто такой? — обезжизненный электроникой, почти механический голос, абсолютно безликий и лишенный эмоций раздался, я так понимал, из динамиков на шлеме. Ствол автомата смотрел на меня.

— Свежак, Люгер. Крестный — Третьяк, — выдал необходимую информацию.

— Это свои, Бишкек! — высунулся с заднего сиденья Москвич, — Крестник Третьяка, на регистрацию сейчас поедем.

— Ты все отдыхаешь? — не дождавшись ответа, захлопнул дверь и махнул рукой, мол, проезжайте.

— Мажор, давай к регистрационному центру.

— А то я сам не знаю! — отозвался тот, — Один черт, пока Люгер паспорт не получит, нас вместе с ним на Первую не пустят.

— Надо же, какой умненький, — не удержалась и вставила Одри.

Водитель одарил ее злым взглядом в зеркало заднего вида, но промолчал, лишь резче, чем до этого вывернул руль, сворачивая вправо. Подъехали к двухэтажному зданию, примыкающему почти вплотную к стене.

Процедура регистрации оказалась простой донельзя. Сначала комнатка с фотоаппаратом на штативе, где щуплый и вертлявый парнишка лет двадцати сфотографировал меня на фоне белоснежной стены.

Затем, следуя указаниям, перешел небольшой офис, где за одним из четырех столов что-то быстро печатала белесая девушка, стройная, плоская, как доска, лошадиное лицо и собранные в конский хвост волосы довершали картину. Типичная серая мышка. Она, не отрываясь от монитора, указала пальцем на стул напротив:

— Присаживайтесь, — а голос был красивым, чуть томным, немного грудным.

— Итак, вы новичок? Я правильно понимаю? — минуты через три посмотрела на меня очень и очень пронзительным взглядом. Ощущение, будто под рентген попал.

— Да.

— Имя уже есть? Или вы не прошли, знаковую для каждого жителя Улья, процедуру крещения.

— Люгер, — коротко ответил. Позади раздался звук открывающейся двери.

— Кто крестный?

— Я! — оказывается это вошел Третьяк, за ним ввалился Дохлер, при виде последнего девушка чуть покраснела, а глаза сделались злыми.

— Крестный Третьяк? — посмотрела она на меня, будто сомневаясь в словах рейдера.

— Да.

— Приблизительное место появления?

— Место точное. Юго-Западный сектор, семьдесят седьмой кластер, — влез уже Дохлер.

— Когда?

— Полторы недели назад.

Пальцы девушки с невероятной скоростью порхали над клавиатурой, с силой вбивая клавиши, отчего шел стук, куда той печатной машинке.

— На способности уже проверяли? Или требуется проверка?

— Проверяли. Кварц на Северо-Западном форпосте. Сам он уже раскрылся. Телепортер потенциал выше среднего, — скучающим тоном сообщил Третьяк.

— Хорошо, хорошо, — сделала та несколько пометок уже в планшете, а затем

посмотрела на меня внимательно, — Теперь одна из самых важных частей процедуры, отвечайте, как можно более честно на вопросы. Если вы солжете, я это зафиксирую и отмечу, а так как мы находимся под наблюдением, то уже потом не будет возможности что-то исправить. Только правда и только честно. Это ясно?

Кивнул.

— Ты мур?

— Нет.

— Закон Острога нарушал?

— Нет.

— С зараженными сталкиваться доводилось?

— Да.

— Убивал?

— Да.

— Так ты — мур?

— Нет.

— Короче, Валерия, заканчивай свой бред, — вмешался недовольный Дохлер, — У нас на твоё дерьмо нет времени! Поняла?! Он с нами.

— Это стандартная процедура...

— Стандартная? Тебе привести те вопросы, которые ты уже задала не по протоколу?

Или может закончишь дурью маяться?

— Дохлер...

— Я уже хрен его знает сколько лет Дохлер, а вот ты... Законы Княжества он не нарушал, не мур, все! Точка.

— А...

— Бэ! — перебил он ее.

И чего он взъелся-то, даже непонятно, похоже здесь что-то свое, личное.

— Попрошу выйти из кабинета всех, кто не нуждается в регистрационных услугах, — зашла с козырей Валерия, сказала с таким безразличным и настойчивым тоном, с каким могут разговаривать только мелкие чиновники с бесконечным опытом работы, — Или мне обратиться к охране?

Дохлер крепко ругнувшись и пробормотав что-то в духе «сука, ответишь», а Третьяк остался.

— Вы? — подняла глаза на рейдера девушка, будто первый раз его увидела.

— Я — крестный. Это во-первых, а во-вторых, заканчивайте уже ваши семейные разборки, и давай регистрируем парня, он, да и я, не имеем к вам никакого отношения. Это ясно, Валерия?

Та ничего не ответила. Перевела взгляд на меня.

— Основные Законы Княжества! — не стол легла брошюрка, — Это изучите в первую очередь. Запомните, незнание закона не освобождает от ответственности. Дальше, это основания информация по Улью и жизни в нем, — сверху легла еще одна тонкая книжица в пружинном переплете, — Далее, живчик на неделю — полтора литра, талоны на бесплатное проживание и еду.

— Да вроде бы не нуждаюсь.

— А это никому дела нет, нуждаетесь вы или нет. Свежий? — довольно резко ответила она, сама же и ответила, — Свежий! Получите и распишитесь.

Появился уже виденный парнишка-фотограф, он принес мой новый паспорт, который отдал девушке. Та зажала пластиковую карту в ладони, закрыв глаза, сосредоточилась. Так продолжалось секунд пятнадцать. Протянула мне ай-ди.

- Ваш документ, удостоверяющий личность. За неделю вы должны определиться с работой, чем будете заниматься, будите ли подавать документы на гражданство. О своих планах сообщить в регистрационный центр. Эта процедура подробно описана в Законах, там также приводятся основные, характерные для всех новичков вопросы и ответы на них, поэтому советую не тянуть и ознакомиться. Регистрация закончена. Добро пожаловать в Острог. И всего доброго!

Напоследок Валерия одарила крайне долгим и злым взглядом отчего-то меня, мол, встретимся еще.

Вышли на улицу, где рядом с Дохлером обнаружился Каштан. Поздоровались.

— Сука! — сплюнул в урну Дохлер, — Одолели эти вахтеры! И каждая кочка на ровном месте...

— Забей, — флегматично отозвался Третьяк.

— Да что забей?! Везде бардак, куча вопросов не по делу!

— Ну не забивай, только дело ведь не в ее работе. Вам с ней следует сесть и нормально поговорить, без ваших этих скандалов! Легче жить будет, но это так — добрый совет. Поступай же, как хочешь.

— Ты как? — обратился ко мне Каштан, и не дожидаясь ответа, добавил, — Быстро у тебя регистрация прошла. Обычно Валерия по полтора часа всех мурыжит, всю жизнь выведывает.

— Сука она, и точка! — Дохлер опять, чем не верблюд, плюнул, но уже на асфальт.

- Люгер, почему не подождал? Сказал же, дождитесь, — с мрачной рожей наехал на меня крестный, — Еле-еле успел.

— Кому? Мне никто ничего не говорил?

— Москвич..., - морда у Третьяка стала еще краснее, чем обычно, что означало крайнюю степень озлобленности.

— Да, ладно тебе. Какая разница? — поспешил вступить за друга Каштан, — Сам же знаешь, как девок видит про все забывает.

И даже специально указал на машину, откуда сейчас неслась музыка и веселый смех.

— Вам штраф! Плеваться у нас нельзя! — появился из дверей здоровенный мужик в черной форме, с АК-74 и протянул какой-то квиток Дохлеру, — Вроде бы гражданин, а ведете себя как не знаю кто, сами же здесь живете...

И, не дожидаясь ответа, скрылся обратно в дверях.

Рейдер же только выругался. Да так зло...

Я же разглядывал пластиковую карточку, где присутствовала моя фотография, данные, штрих код, непонятная для меня и невидимая ментат-метака. И как гора с плеч — легализация состоялась, а ведь именно ее больше всего боялся. Вопросов каверзных. Даже пока валялся в больнице на Форпосте, хотел мимо проскользнуть, дальше Острога податься. Спасибо крестному, ох не зря он притащил с собой Дохлера. Случайно или специально? Но только какой резон Третьяку помогать мне? Вот в чем вопрос. И вопрос первостепенной важности.

Глава 1. Формальность

Чувство необъяснимой тревоги не покидало меня, несмотря на то, что я находился в кругу знакомых, за стенами, то есть пребывал в безопасности, а кусок пластика в кармане грел душу наличием и завершенностью первого и главного пункта в плане легализации в Улье. Конечно, предстояло еще выяснить, какие препоны на пути честных рейдеров установила местная бюрократия для получения гражданства, но это уже было мелочью. Реальных проблем пока еще вагон и маленькая тележка, разгребать замучишься.

— О, это Гранит что ли?! Решил тоже встретить? — ткнул Каштан в фигуру возле ворот в окружении звездных пехотинцев.

— Надо же, рассмотрел таки, — явно ернически ответил Дохлер, который до сих пор напоминал кипящий чайник, небольшой и пузатый, — Его Вранглер на стоянке был, когда мы подъехали. Сам он на стене торчал.

— Ну, не все же, как ты крутые сенсы, — меланхолично ответил Третьяк, но взгляд сделался злым, — А стоянка, с нашего направления не просматривалась. Кстати, Люгер, тебя хорошо подлечили? Никаких непреодолимых желаний не возникает, там девку незнакомую в десна лупануть? К спеку тяги нет?

— Нормально все.

— Гордись, — подмигнул мне Каштан, никак не прореагировав на высказывание толстяка, — Лично командование встречает.

— Горжусь. Но у меня к тебе вопрос, по поводу продажи части барахла. Хотел бы все сдать, но там еще оружие чистить, а также не решил, что себе оставить, что на продажу. Но ВОГи, трофеи с телепортерши, да и по мелочи многое — тебе. Возьмешь прямо сейчас?

— С Гранитом поздороваемся и двинем до магазина, специально подъехал, как договаривались еще в Форпосте. Там может бартер замутим, и, вообще, по делу присоветую. Тут главный вопрос, чем ты планируешь заниматься дальше? От этого и плясать будем, подбор снаряги, а также оружия. Все зависит от целей и задач.

Мы отошли от входа, встали возле места для курящих, где я сразу же распечатал пачку сигарет. Пока есть возможность, почему не подымить?

- Как настроение? Как здоровье, наркоман? — позволил себе пошутить командир, обращаясь ко мне, после того, как обменялся с нами рукопожатиями.

Я пожал плечами.

— А ты чего здесь? Решил почтение засвидетельствовать? — влез Каштан.

— Так звезды сошлись, — не вдаваясь в подробности, ответил тот, в этот момент на лице крестного, который делал вид, что очень заинтересовался зданием регистрационного центра, нарисовалась кривая ухмылка, — Даже не знал, что вы тут, Москвич ничего не сообщил. Где он, кстати?

— Вон! — ткнул пальцем в пикап-переросток Дохлер.

— Пережрал опять? — задал тот вопрос, но никто не ответил, — Ясно. Ты список составил по возмещению БК?

Молча, протянул ему лист с описью всего потраченного, который был мной написан еще на больничной койке.

— Ушлый, даже ВАЛ на нас повесил, — ухмыльнулся Гранит.

— Его в бою с тварями повредили.

— Справедливо, — безразлично произнес тот, и протянул листок Кашгану, — Выдашь по списку. Далее, мы договаривались на цинк валовской девятки, ты ее честно отработал, получишь там же. Скажу больше, по итогам рейда, тебе полагается еще премия в пятьсот рублей.

Неторопливо достал из кармана пачку пластиковых банкнот перетянутых резинкой и протянул.

— Пересчитай.

— Верю.

— Так положено.

Раз положено, кто я, чтобы протестовать? Пятьсот рублей, один к одному. Надолго не хватит, но неплохо. Орелики мои. А в голове мысли про жадных сук. Так всегда, дружба-дружкой, а денежки врозь. Честно говоря, рассчитывал хотя бы на черную жемчужину. Как-никак из засады никто бы из них не ушел, с другой стороны, я тоже. За этим и нанимали за оговоренную цену. Мои же хотелки и расчеты к делу не подошьешь. Расплатились со мной, как договаривались. Остальные мысли и мыслишки — от лукавого. Алчность же грех. Руки и ноги есть, голова имеется, поэтому возьму все сам. С другой стороны, опять же можно спросить за того же водилу Зондера, и почему я лечение оплачивал из своего кармана. Но это все нюансы.

— Посидеть всем вместе и отметить удачное завершение рейда уже вряд ли получится. Сегодня вечером я заступаю на службу, хорошо, что встретились, хотел лично с тобой побеседовать и отдать все, как договаривались. С ребятами, уверен, состыкуешься. Я вам не нянька, разберетесь. Добавлю, практически ни разу не пожалел, что взял тебя в команду. В Гильдию уже рекомендации от себя озвучил, каким людям необходимо знать о тебе — сказал. И вот еще что — это от нас, за спасение задниц, когда чуть в засаду не врюхались, — покопавшись во внутреннем кармане, протянул на ладони красную жемчужину.

Вот теперь и я проникся моментом, даже стыдно немного сделалось за собственные мысли чуть ранее.

— Уверен, вскоре ты станешь отличным рейдером. Главное, хоть немного на поворотах притормаживай. В целом, еще рекомендация, сразу за крутые дела не хвататься, начинай с малого. С зараженными ты еще тупишь, и тупишь сильно. Как вариант, можно на первых порах устроиться в чистильщики, крупных тварей им не встречается, а мелочь они пачками вываливают на более или менее спокойных кластерах. Далее, ты не командный игрок, об этом тоже сказал, предупреждаю, чтобы не было недопонимания.

— Но..., - Дохлер от возмущения даже вперед подался, руками взмахнул.

— Еще раз повторю, — довольно жестко ответил Гранит, не давая закончить возмущенную речь толстяку, — Люгер — не командный игрок. Он действует, исходя только из своего понимания целесообразности, при этом ложит или кладет на всех. Соображает быстро, но...

— Можно было этого и не упоминать, — Кашган поддержал сенса.

— Нельзя, — односложно сказал вместо Гранита Третьяк, — Это важно, и это учитывается при найме. Как с пупсиками. Потом, может, вы захотите отвечать, если командир какой-то команды не учтет этого расклада? Нет? — обвел он всех хмурым взглядом, — Так и думал. Так что, несмотря на то, что я крестный Люгера, целиком и полностью на стороне Гранита. Все верно, командир.

Тот только хмыкнул.

После сказанного беседа сама по себе свернулась. Общих тем особо и не было. Рейдеры же давно все нужное и необходимое обсудили, поэтому попрощались с Гранитом, который получил лейтенантские лычки в Княжеской дружине и теперь стал, если я все верно понял, командиром одной из групп быстрого реагирования.

Я перебрался, перетащив вещи с помощью рейдеров, в Хамви Каштана, который кроме самого наличия американской военной техники удивлял турелью на крыше, смотревшейся донельзя грозно — «Корд» и с ним спаренный ПКТ. Пожав руку Москвича и Мажара, кивнув до кучи пьяным девицам, забрался на заднее сиденье бронированного внедорожника. Уселся рядом с Дохлером, Третьяк уже устроился впереди. До населенного пункта, как выяснилось, от Стены было еще около четырех километров.

Вдоль отличной дороги, а по-другому, как я понял, в Остроге и быть не могло, тянулись луга, на которых паслись коровы, козы, бараны.

— А это что? — ткнул пальцем на деревенскую пастораль.

— Что? — непонимающе воззрился Дохлер.

— Коровы.

— Конечно, коровы, а где брать свежее молоко? Люгер, у нас тут нормальная жизнь, дети есть, да и я, например, его люблю. Даже молочный заводик имеется, и его по утрам развозят всем заказчикам. Впрочем, и булочки, и хлеб, и даже газеты. Конечно, выращивать там всякие злаки никто пока не собирается. Есть где брать и муку, и зерно, а коль желание сильное имеется, можно и на комбайне в поля в стандартных кластерах выдвинутся. По мелочи же многие выращивают зелень, занимаются скотоводством, держат кур, кроликов, еще что-то. Со свиньями все плохо, они тоже вирусу подвержены. Но свежатинку можно найти. Молочных поросят, например. Дорого. С другой стороны, плати, тебя даже котлетами из элитной свинотвари накормят. Но это уже извращение, на мой взгляд. А так, все с кластеров, бананы там всякие, мандарины и апельсины. На той же тушенке и прочих консервах долгое время не протянешь. Душа ведь нормальной еды требует.

Я только хмыкнул, еще больше убеждаясь в правильности своего желания обосноваться именно в Остроге. Хотя, что я видел в Улье? Пока ничего. Да и о жизни здесь знаю только со слов рейдеров, а, как известно, каждый кулик свое болото хвалит. И не все так благостно. Почему? Кроме моего знания людей, об этом говорил и собственный опыт. Или пример. Маленький, незначительный, но как звоночек вполне годился. Мое лечение обещали оплатить целиком и полностью, но в итоге пришлось на горюх раскошелиться. Мол накладочка вышла в виде специфики зараженности. Но, я подозревал, что это личная инициатива хитромордого кваза. Должностное преступление? Очень похоже. Мало врачей, которые сидят на голом окладе, блюдя клятву Гиппократова, которую уже давненько не приносят. Почему не стал возмущаться? Мне важен результат, средства же имелись. Ставить же на место зажавшихся лепил или чиновников можно, не имея другого выхода, или по работе, когда ты, например,ходишь в проверяющую комиссию. Для обычных пациентов все заканчивается в начале некой моральной удовлетворенностью, а потом выливается в лечение застарелых болячек.

Но, несмотря на некоторые минусы, а они априори должны иметься везде, на первое время этот очаг цивилизации мне просто необходим. Будет потом желание, можно и попутешествовать, посмотреть на мир, себя показать. Главное, разобраться с собственной «неиммунностью». Кварцу отчего-то не хотел доверять, да и внутренние ощущения не говорили о какой-то болезни. Чувствовал себя на двести процентов, такой легкости и

радости от движений с детства не ощущал. Болен? Черт его знает! Могли ли ошибаться врачи? А знахари? Уверен, последние недалеко ушли от коллег с матушки-Земли.

Неторопливо достигли первых двух- и трехэтажных аккуратных домов. Напоминал архитектурный ансамбль старушку Европу, тот же кирпич, часто дикий камень, черепичные крыши, только улицы широкие, как и тротуары.

— Гостевая зона, — прокомментировал для меня Дохлер, — Здесь все приезжие и неграждане в основном живут, но и граждан хватает. В самом Остроге цены на квартиры запредельные, на коттеджи же, будто те из споронов слеплены, вход на территорию строго по пропускам. Еще кругом всякие посольства из других крупных цивилизованных стабов, торговцы всех мастей, рейдеры перекати-поле и свежаки.

Ехали мы медленно, соблюдая положенные двадцать километров в час, придерживаясь указанного на знаке скоростного режима. Как пояснил Каштан, никаких прав никто не заберет, по причине их отсутствия, но второе предупреждение и штраф в сто рублей, третье и отрабатывать поедешь в штрафной отряд. Силы правопорядка ни с кем не церемонились, а могли и граждане пальнуть. Тяжелой и боевой технике, не принадлежащей Дружине или СБ Острога, вход сюда был строго заказан.

Стеклянные витрины всевозможных бутиков, магазинов, кафе и баров на первых этажах еще больше усиливали сходство со староевропейскими городами. Людей было много, как и оживленным движение. Но в основном передвигались на велосипедах, мотороллерах, автомобили, тем более, как у Каштана были редкостью, лишь часто сновали небольшие грузовики, похоже, занимавшиеся обслуживанием торговых точек. Прохожих объединяла одна деталь, все вооруженные, но держались довольно расслабленно. Не было в повадках некой звероватой настороженности. Детей не заметил. Про них и спросил. Отчего, коль их много, то не видно.

— Так в Остроге. А здесь гостевая зона. К тому же сейчас учеба у них, скорее всего. Праздношатающихся ты и там не заметишь среди бела дня, тем более без присмотра. Они, как говорит Князь, самая наша главная ценность и будущее. Еще бы не ценность, почти каждый обормот в белую жемчужину встал.

— А, вообще, есть обменный курс сколько обычных красных или черных надо, чтобы на эту уникальную обменять?

— Нет такого и не может быть! Тут как договоришься, но вот честно, я бы никогда не сменял белую даже на три сотни обычных. Она реально бесценна, хотя для тебя эти все критерии непонятны. Ты пока в шоколаде после рейда. Да не смотри на меня, как мышь на крупу, тебе реально пока непонятно, что, например, ради сраного спорана могут убить. И ты сам убьешь, если прижмет! Потому что без них мы не можем выжить. Да, ты попал сюда в непростом месте, дальше тебе повезло встретить нас и разжиться трофеями. Оружие опять же... Это огромная ценность. А у тебя сразу с первых дней. Я свой первый ствол — старук тулку, только через месяц скитаний обрел. Вообще, оружия и особенно брони очень и очень мало в Улье. Ты думаешь почему мы, с охрененными дарами, лезем в самую жопу, чтобы добыть тот же БТР или бардак?! Сколько из-за него крови пролили, сколько лиха хапнули? А на земле, в той же Белоруссии, это про свой мир я говорю, можно свободно прикупить?

— Не знаю.

— Это потому, что крайне мало закидывает такого в Улей, очень мало. И Острог-то по большому счету таким стал, что рядом военсклад грузится, до этого был такой же дырой, как и другие, пусть чуть более цивилизованной, вот только из Замка никто и не высовывался

особо, о каком расширении могла идти речь, когда ресурсов не было? С конца сороковых и началось развитие. Это сейчас разжирели, стену вон отгрохали, форпосты. А по сути — одна перезагрузка и все... Хана всему. Равнина, мать ее так! И это надо тоже учитывать!

— Дохлер, ты бы помолчал? — обернулся Каштан, — Наговоришь тоже.

— А что я наговорю? Здесь ничего нет вечного! Сибирь, Новая Россия, СССР Московия, Уральское княжество — где они? Были, да сплыли!

— Все закройся! — поддержал водителя Третьяк.

Рейдер возмущенно надул пухлые щеки, хотел было что-то сказать, но сдержался, только рукой махнул, мол, дураки, что с них взять. А между тем тишина повисла очень недобрая. Зловещая, я бы сказал, тишина. Мне хотелось расспросить Дохлера, но учитывая общее настроение, решил отложить это на потом. В памяти были еще свежи картины, как из-за упоминания загадочного скреббера, точного описания которого не давалось в общеобразовательной литературе, погиб человек, а сами рейдеры, вмиг стали врагами. Суеверия никогда не надо сбрасывать со счетов.

Магазин Каштана располагался почти в самом центре гостевой зоны в двухэтажном длинном здании, оформленном в общем духе. Въехали в довольно приличных размеров двор с обратной стороны дома, миновав раздвижные ворота, которые рейдер открыл с пульта.

— Выгружаемся! — скомандовал тот, показав рукой на длинный стол под навесом, примыкающий к стене здания, — Туда тащите все, что на продажу. Оценю. Остальное барахло пусть в машине остается, потом до гостиницы Люгера докину.

Каштан прихватил из автомобиля приличных размеров планшет, который положил рядом, сходил внутрь здания, вернулся с непонятным прибором. Споро пересчитав ВОГи, вскрыл цинк с 5.45 так быстро — любо-дорого посмотреть, сразу чувствовалась огромная практика. Дохлер хотел что-то сказать, но торговец скомандовал:

— Не мешайте пока! — и взялся за девайс, выглядящий, как обрезиненная квадратная десятисантиметровая коробка с экраном. Неторопливо ввернул в корпус антенну или еще какой щуп длиной около двадцати сантиметров, а также воткнул штекер с проводами закончивающиеся «крокодилами». Колдовал и колдовал.

Не менее получаса прошло. Мы только наблюдали. Каштан же, закончив с манипуляциям, уставился в планшет, затем долго тыкал пальцем в экран. При этом морда у него стала задумчивой.

— Короче, Люгер, есть у меня для тебя отличный вариант, — выдал тот свой вердикт, — Пока ничего не говори, пошли со мной!

Если и существовал рай милитариста, то он находился в магазине Каштана. Чего здесь только не было... Манекены, обвешанные новейшим высокотехнологичным снаряжением, оружейные стенды. Пулеметы, начиная от КПВТ, который приковывал внимание к себе на специальном постаменте, и заканчивая старичком Максимом. Ручные — от экзотики в виде «Печенег» булапп и заканчивая Дегтяревым. Автоматы Калашникова всех модификаций, как вполне узнаваемые, так и совсем уж футуристического вида. Были тут венгерские и румынские образцы. С этими поделками околосумеречных оружейных гениев мне доводилось часто сталкиваться на Африканском континенте. Американские М-16 и М-4, тоже представлены всей линейкой, немецкие Heckler & Koch, были и другие модели автоматического оружия. Столько — глаза разбегались, а вычленяли только знакомое.

Отдельная стена была завешена образцами уж совсем высокотехнологичного оружия, узнал только TRK. Мосинки, короткие и длинные, СВТ и СВД, гладкоствольное оружие.

начиная от иностранных образцов и заканчивая отечественной продукцией во всей ее палитре. Снайперские винтовки и карабины. Пистолеты от революционных нагана и Маузера до Глоков, Пустынных орлов, Миротворцев Имелись и уж совсем незнакомые образцы, общий вид которых намекал на происхождение не из моей реальности и на далекое будущее. Минометы, гранатометы и реактивные огнеметы. Снаряды, мины, патроны, гранаты, оптика, баллистические вычислители, дальномеры...

— Вот смотри, — подвел он меня к манекену, который сейчас выглядел, как звездные пехотинцы у ворот или крестonosцы у здания ФСБ, — Чем бы ты не решил заниматься учитывая, что ты телепортер, предлагаю тебе идеальный вариант. Это легкий хантеровский бронекостюм ресов MSE-2067.

— А подробнее?

— Итак, про «Ратник», наверное, слышал?

— Кто про него не слышал, с такой-то рекламой?

— Так вот, «Ратник» по сравнению с этим — дерьмо мамонта! Это не просто следующее поколение, а выше минимум на десять. Вес пятнадцать с половиной килограмм. Про классы защиты тут разговор не уместен. Он держит, практически все. В разумных пределах, конечно. Например, 12.7 — легко. О проверке из КПВТ не слышал. Оставим за кадром, что с твоими внутренностями будет, хотя шанс выжить есть. Тут реализована концепция динамической наноброни. Поясню просто, чем сильнее удар, тем выше прочность участка, на которое происходит воздействие и тем большая площадь в поглощении импульса задействуется. То есть, говоря по простому, в грудь тебе его не затолкает в любом случае. С ног же собьет и внутренности отобьет нехило, но есть вероятность выжить. Учитывая же нашу регенерацию — довольно неплохой шанс. Подвижность неограниченна. Вообще никак. Встроенный кибердоктор — это куча разнообразных датчиков, которые фиксируют твое общее состояние здоровья, и в зависимости от него реагируют. Например, ломает боец ногу, не спрашивай как, я для примера, сам доктор вкалывает тебе антишок и обезбаливающее, место перелома жестко фиксируется, подается сигнал своим, если таковые имеются. Ты же можешь какое-то время продолжать бой. Благодаря особой конструкции весь костюм выступает еще в каком-то роде в качестве экзоскелета, он может даже сам, без твоего участия вытащить тебя из боя. Например, ты потерял сознание, а тактический вычислитель на основании показаний кибердоктора примет решение, и ты без сознания, но ползком-ползком покидаешь театр военных действий. Впечатляет? — Каштан посмотрел на меня с таким видом, будто он сам проектировал и создавал этот костюм.

— Если все это правда, то — да, впечатляет, — ничуть не покривил я душой.

— Поехали дальше, — ткнул он в матово-серый, с черным забралом шлем, напоминающий мотоциклетный, — Своего рода это вершина инженерной мысли. Итак, имеется интегрированный противогаз, система климатконтроля, экран дополнительной реальности, который позволяет оперативно реагировать на изменения в бою, то есть на нем могут отображаться, полученные от разведдронов и других источников данные по местоположению своих/чужих и транслироваться другая важная тактическая информация. Имеется также шумоуловитель, тепловизор, прибор ночного видения, дальномер и прочие приблуды. Одно краткое описание всех средств занимает три страницы. Но могу сказать точно, как уверенный пользователь, ненужного тут нет совершенно! Все довольно легко осваивается в процессе эксплуатации. Необходимо отметить еще и такой важный момент,

оружие... Это я предлагаю, если будешь брать костюм, поменять, пусть и с доплатой твоей TRK. Итак, что мы имеем?

Он снял со стены тот самый автомат, который я видел у досмотровой группы на воротах.

— Автоматическая штурмовая винтовка DRK-10 схема компоновки булл-пап, мощный десятимиллиметровый патрон обеспечивает пробитие башки практически любого зараженного, за исключением уж совсем матерой элиты, стандартный магазин на сорок патронов. Огонь может вестись, как одиночными, так и тройками, есть и автоматический. Интегрированный тридцатимиллиметровый гранатомет, и здесь, видимо для условий Улья, заряды повышенной мощности. Девайс прост в обслуживании, запас прочности почти как у нашего Калашникова. Далее, данные с датчиков и камер, — постукал он легко пальцем по прицелу, — Транслируются тебе на шлем в режиме он-лайн, то есть, фактически тебе не надо смотреть ни в какой прицел, он у тебя всегда перед глазами на эране дополнительной реальности в том виде, в каком захочешь, хоть крестик, хоть точка. В общем смотри сам...

— А недостатки есть? Или одни сплошные плюсы?

— Теперь о недостатках. Во-первых, главный из них — цена. Кроме всего твоего барахла, за сам бронекостюм ты мне будешь должен две красных или четыре черных жемчужины. Еще одна красная — за шлем. Если бы я не знал твою платежеспособность, то даже бы не предлагал. Во-вторых, в нем нельзя лезть в Черноту. Да, если быстро пробежать короткий участок, то ничего не будет, впрочем, как и с любым другим прибором, однако, в хлам он превращается там минут за семь-десять, это при движении. Остановишься — еще быстрее. В-третьих, зависть и желание обладать таким же. Но за пределами цивилизованных стабов даже одноствольное ружье, да что оно, один споран — предмет, который вполне себе делает твою смерть кому-то выгодной. В-четвертых, краткое руководство к MSE-2067 — шестьсот страниц, расширенное, там — целая библиотека, а курс напоминает академический. Но они в наличие имеются, и уже переведены с языка ресов на наш. Тоже вещь довольно специфическая и дорогая — пятьсот рублей. В общем, думай сам. Но, я предлагаю именно такой вариант. Дорого, но безопасность, учитывая твоё умение искать приключения, она того стоит. Еще один минус или плюс. Не знаю, как четко и сформулировать. Для полноценного функционирования необходимо большое количество специфического оборудования, начиная от минадронов разведчиков и заканчивая разными датчиками, приборами. Например, та же видеочка на специальном штативе, которая позволяет «выглядывать» из-за угла, просматривать помещения и прочее, прочее, прочее. То, что я тебе рассказал, это даже не один процент от всех возможностей этой висотехнологической конструкции.

Что тут думать? Про черноту я уже прочел в многочисленных мануалах. Зачем в нее лезть, когда нахождение там использовали обычно в качестве наказания? При этом довольно часто даже матерые рейдеры не выдерживали экзекуции, сходя с ума. У меня же голову и без подобных экспериментов рвет. Платить есть чем... Лучшее, что может быть? Так это отлично! Какой-то девке... Тьфу ты, надо срочно бабу заказать, уже все мысли на них плавно или неплавно переключаются. В общем, какая может быть жаба, когда десяток в Гильдию отдал? Плюс, еще имеется больше десятка и никак нельзя использовать. Хотя это вилами на воде, перепроверить необходимо. Но в любом случае, это убервещи, поэтому решено!

— Беру, но сначала давай его примерю, оценю. И кстати, ресурс батарей, там или чего?

- Ресурс — пять лет использования. Потом топливный элемент, да именно топливный

элемент, а не батарея, выкидывается, меняется на новый. Тестирование обязательно сделаем, чтобы никаких вопросов не имелось. Все у тебя перед глазами будет, костюм же умный, — похлопал ладонью по плечу манекен Каштан, улыбаясь, явно тоже довольный моим решением.

Может и переплатил сильно, но и черт с ним! Своя жизнь дороже, и не хочется потом подохнуть из-за алчности. Ложка всегда дорога к обеду.

— 2-

Когда они ввалились в кафе, я сразу понял — по мою душу! Да иначе и быть не могло...

Эту отнюдь не святую троицу я срисовал еще на выходе из гостиницы. Но там лишь краем глаза отметил на обочине одинокий восьмидесятый «Лендкрузер», подготовленный к покорению бездорожья так, будто завтра предстояли соревнования по трофи. Если бы не реакция трех лбов в салоне, которые заметив меня, едва не прилипли к стеклам окон носами, то наверняка даже не обратил бы внимания. Но и в этом случае лишь взял на заметку. Мало ли... Может быть, ждали кого-то. Ленивая одурь от безделья помноженная на погоду и отсутствие хоть какого-то движения на улице превращало любое изменение обстановки, например, появление непрошенного прохожего, в некое важное сейчас событие. Просто же сидеть, наверняка, надоело, все темы, какие можно было обсудить, обкашляли, оставалось только курить и смотреть по сторонам.

К вечеру небо заволокло сплошной пеленой серых облаков, закрывших местное светило, клонящееся к закату. Температура сразу упала градусов на десять. А потом, капля за каплей, с некой ленцой, но постепенно расходясь, заморосил дождь. И судя по всем признакам, пришел он надолго, совсем, как осенью, в средней полосе России. Даже запахи из приоткрытого окна в гостиничной комнате такие же.

Кафе-бар «Михалыч» — забегаловка общепита располагалась через дорогу, почти напротив отеля «Анжела», названного так в честь хозяйки — обворожительной тридцатилетней женщины, похожей на француженку. От ее голоса кидало в дрожь, до мурашек по спине.

Если бы не чувство безмерного голода, то после душа, завалился бы сразу спать. Или устроившись в глубоком кресле, взялся за чтение мануала к моему бронекостюму. Имелся и вариант активного отдыха, в виде вызова дам легкого поведения, что не было в Остроге чем-то предосудительным и незаконным. Буклет с ценниками и ТТХ девушек, как я понял, являлся необходимым атрибутом каждого номера, который я изучил внимательно. Однако, несмотря на ретушь и мастерство фотографа, проституцией отчего-то занимались такие девицы, каких и за доплату брать пока не хотелось.

Организм же потребовал топливо и потребовал ультимативно. Зная его причуды, — в таком состоянии в объятия Морфея удастся погрузиться только с превеликим трудом, и, кляня себя, что не озаботился этой проблемой раньше, принялся собираться на вечерний променад. Сунул Ярыгина в наплечную кобуру, на ремень повесил ресовский нож и подсумок с РГО, добавил четыре магазина. В карман тактической ветровки затолкал еще светошумовую «Зарю», ИПП, аптечку, флягу с живцом, не забыл и рацию.

Напоследок закинул за плечи небольшой рюкзак, в котором находилось все самое ценное и малогабаритное, к чему отнес и цементовский планшет с картами. Его я пока изучить не удосужился. Эта процедура требовала уединения, тишины и вдумчивости. Я же постоянно находился под присмотром, то врачи, то рейдеры, то еще какая-нибудь ерунда. Вот сейчас тоже, только в душ сходил, а требуется еще и пожрать. Окинул придирчивым взглядом себя в зеркало — для сельской местности сойдет, все сплошь

тактическое. Хотя большинство жителей Острога отчего-то предпочитало ходить по городу в костюмах тройках, шляпах и, вообще, манерой одеваться они напоминали приверженцев моды середины или конца XIX века.

Случай с Зондером научил не оставлять ничего ценного в гостиницах, несмотря на все заверения о том, что «у нас не вроят» и что за подобное предусмотрено очень суровое наказание. Ныне покойный, не без моей помощи, водитель четко продемонстрировал, о справедливости поговорки про правила и исключения из них. Главное, если риск того стоил — пойдут на все. По моим прикидкам, тот решил разжиться картой сокровищ, а СВУ был необходимым для сокрытия следов преступления. Учитывая же сколько у меня имелось всего взрывоопасного, то списали бы в итоге на неумение обращаться с оружием, а если заодно и хозяина бомба к праотцам отправила бы, тогда, вообще, никаких проблем — сгорело все к чертям и точка. Выездная комиссия? Расследование? Ну-ну. Конечно, относительно мотивов я мог и ошибаться, но крепла такая уверенность, все ведь передумал на больничной койке. При таких раскладах получалось, что и собаку завалил тот же Зондер, у него как раз ПП был под пистолетную девятку.

Фонари и редкие неоновые вывески тускло светили сквозь пелену мороси. Холодный ветер заставил поежиться и поднять ворот ветровки. Кроме джипа с пассажирами на улице никого — дураков мало. Быстрым шагом пересек проезжую часть, взялся массивную дверную ручку бара. Отметил отражение в стекле — двое мужчин уже вылезло из джипа, дожидались видимо третьего. Стойка, да и поведение одного, напоминало охотничьего пса, который взял след зверя, а смотрел пассажир только на меня.

Мелодично тренькнули колокольчики, оповещая персонал о новом посетителе. Отпущенная дверь шумно захлопнулась. Обычный себе бар. С десятков столиков, выполненных в общем стиле — под английский паб.

За длинной барной стойкой, вдоль которой стояли в ряд одноногие высокие стулья, стоял б облокотился на стойку сам хозяин заведения, судя по бейджику с лаконичной надписью «Михалыч». За длинной классической барной стойкой, вдоль которой стояли в ряд одноногие высокие стулья, находился сам хозяин заведения, судя по бейджику с лаконичной надписью «Михалыч». Он с угрюмым видом глянул на меня, а потом вновь вперился в экран огромного плоского телевизора на стене, где сейчас транслировались бои без правил.

Несмотря на энергичное зрелище, морда у мужика флегматично-унылая, на ней застыло эдакое выражение вселенской скорби. Такой вид, похоже, придавали обвислые усы и такие же щеки. А вот сами глаза контрастировали с наружностью. Цепкий внимательный взгляд, посмотрел, будто через прицел, и ощущения такие же.

В баре было безлюдно, лишь одинокий посетитель за столиком, изрядно помятый и пропитый, неторопливо отхлебывал пиво из огромной кружки, не меньше пары литров. В пепельнице дымился окурок. Действо на экране его не интересовало, так как расположился он спиной к телевизору.

— Что хотел? Выпить, поесть? — не отрывая взгляд от боя, где сейчас один из спортсменов ловко захватил руку второго и теперь давил изо всех сил, угрюмо поинтересовался Михалыч.

— Поесть и выпить.

— Тогда устраивайся. Меню на столе, выбирай, к тебе подойдут, — и вполоборота заорал неожиданно, — Вита! Тетеря! Не спи, у нас посетитель!

Оставалось только удивиться столь «домашней» обстановке. Занял столик возле стены, напротив входной двери. Хорошее место. Видно все. Пространство для маневра тоже имелось. Открыл меню, закуривая. Вообще, по-хорошему, надо завязывать с этой дурной привычкой. Дело не в том, что сигареты здесь вредны для здоровья, как раз этот аспект в Улье не имел значения. А вот другой... очень даже, когда курение убивает не когда-то и избирательно, а здесь и сейчас. Так как запах табака, впрочем, как и любой посторонний, твари, судя по гайдам и мануалам, а также по рассказам бывалых рейдеров, чувствовали превосходно. И всегда это связывали с появлением потенциальной жратвы. Но мысли промелькнули и исчезли, а желудок заурчал, когда я читал описания блюд: «говяжий стейк», «цыпленок табака», «котлеты по-киевски» и так далее, так далее, так далее. И по виду заведения не скажешь, что здесь могли готовить столько разносолов.

В это время они и подвалили. О чем опять же оповестил мелодичный перезвон колокольчиков. Крепкие, невысокие, напоминали борцов. Все стрижены коротко, и на лицах те самые отблески интеллекта, которые часто присутствуют у плотно сидящих на стероидах и разной химии любителей железа. Золотые цепи и браслеты в палец толщиной, сразу намекали на богатый духовный мир индивидов. У одного в кобуре револьвер Смит энд Вессон, блестящий, куда тем проституткам у дороги.

Окинув помещение хозяйскими взглядами, парочка заняла столик рядом со входом, и демонстративно уселись так, чтобы смотреть прямо на меня. А один, видимо, обладающий подвешенным языком или больше других отморозенный, направился прямиком ко мне.

— Я присяду, — скорее не спросил, а констатировал тот, взяв стул за спинку.

— Нет, — спокойно ответил, желая в первую очередь посмотреть на реакцию визави.

Бык или не расслышал, или не обратил внимания на мой протест. Уселся важно, поставил локти на стол, вперился в меня тупо-оленьим взглядом. Осклабился, показывая ровные белые зубы, вызывая подспудное желание увидеть их на полу. Одет он был в черные джинсы, туфли и короткий кожаный пиджак, который был распахнут, открывая за ремнем с американским орлом вид на рукоять старичка ТТ. Яйца лишние? Или один черт новые отрастут еще крепче старых?

А ведь как все хорошо начиналось... Какой замечательный был сегодня день.

...В магазине у Каштана мы задержались часа на четыре или даже пять. Не меньше. Пока я примерил костюм, пока его опробовал. Посмотрел на взаимодействие на заднем дворе с двумя летающими дронами-разведчиками, способными подниматься на высоту пятьдесят метров, и транслирующих получаемую картинку прямо на экран дополнительной реальности, а звук соответственно в наушники. При этом тактический вычислитель обрабатывал, поступающие данные, прорисовывал в режиме он-лайн 3-D модель местности, и мог, даже по совокупным признакам отметить места нахождения вероятного противника. Например, многочисленных прохожих вычленил сразу же, как и нередких пассажиров и водителей машин. Как все работало? Я пока даже не представлял. Два тома мануала внушали уважение, там даже по объему не «Война и мир» Льва Толстого. Еще один — страниц на двести, касался рации. Четвертая книга по DRK-10, также выводящее на новый уровень мои боевые возможности. Что сказать? От обилия информации только голова не кружилась, столько впечатлений. И возникал справедливый вопрос, особенно здесь, в Улье, почему бронекостюм находился в свободном доступе? И почему его еще не приобрели другие рейдеры?

- Во-первых, цена. Как понимаешь, она не просто кусается — рвет в клочья любой

разум, — начал загибать пальцы Каштан, — Большинство рейдеров, особенно одиночек, предпочитает жемчуг тратить на свои Дары. Электроника и механика, какими бы не были продвинутыми, один черт, это приходящее и уходящее. То есть, расчет простой — твое же умение никто не сможет отнять, оно не ломается и прочее в том же духе, и, соответственно, прокачивать надо именно его.

— А я?

- А что ты? Тебе же вроде бы нельзя жемчуг употреблять или информация неверная? — тот хитро посмотрел, а я только ухмыльнулся, вот тебе и «врачебная тайна» или «знахарская».

— Во-вторых, ремонт. Но это опять же... Как правильно обрисовать. Мелкий можно сделать за приемлемую цену у Винтика и Шпунтика. Если же потребуется крупный, то его могут осуществить только в спецмастерской при КАН, а также в Первой княжеской оружейной. Но там и там очередь и такие цены — не обрадуешься. Однако, учитывая тот факт, что когда тебе потребуется подобное, то этот костюм тебя сто процентов спасет от гибели. Там надо под артобстрел угодить. Третье! — потряс он двумя пальцами в знаке «виктория», — у того, кому она жизненно нужна, по крайней мере у нас, исключая Дружину, она имеется. У вооруженных сил же само Княжество заботится о бойцах, у них свои каналы. Далее, могут быть разные Дары. Видел я в чем был в рейде? Электроники ноль. Кроме рации, но без нее, вообще, никуда. Проблема в том, что у меня у одного умения откат — электроника в радиусе около тридцати сантиметров выгорает напрочь, как бы защищена не была. Другому не позволяет что-то еще, допустим, слабый телепортер, ему бы свои телеса переместить, а тут еще такая нагрузка. У тебя же никаких проблем подобных пока нет, и вряд ли они будут. Дар — один, пусть и сильный. Далее, ты одиночка и новичок. Поэтому вопрос о выживании должен быть первостепенным. И самое важное, у тебя имеются средства. Уж, извини, но дружба дружбой, но дела делами. Поэтому без прибыли я тоже не останусь.

Убедил чертяка языкастый. Да и по здравому размышлению, все выходило именно так, как и говорил Каштан. И резоны те же. Только сначала попробовал телепортироваться. Получилось. После моих ночных приключений Дар я стал чувствовать гораздо лучше. Например, без проблем вызывал необходимое состояние, в какие-то секунды. И даже тренировался в больнице, но больше трех — пяти метров там не получалось. Да, и Кварц, заметивший мои «упражнения», строго-настрого запретил, так как выздоровление шло медленнее.

У костюма имелся еще один минус. На мой взгляд, пусть и не решающий, но довольно существенный. Справлять нужду можно было только в безопасных местах, разоблачаясь практически полностью. Потому что верхняя броневая часть одевалась поверх специального белья, напоминающего костюм аквалангиста, напичканный электроникой. Никаких специальных катетеров. Только памперс.

Я попутно сдал все свое оружие, даже подумывал присовокупить и АС ВАЛ до кучи, но, Кашатан отговорил, да и потом здравые мысли проснулись, — пусть будет. Патроны имелись, к тому же весил он немного, как дополнительное оружие годился, там, где требовалась тишина, относительная конечно.

Огромное количество мин на витринах, начиная от лепестков и заканчивая совсем уж высокотехнологичными изделиями, способными остановить танк, вызывало желание купить и их, но решил дождаться того момента, когда определюсь с будущей деятельностью. От

обилия разных гранат рябило в глазах. И тебе дымовые, и фугасные, и осколочные. Самые разнообразные названия, различные запальные устройства. Имелись и светошумовые, которых взял пять штук — выбил как бонус. Ультрасовременные и какие-то хитрые Каштан зажал, но вполне обычных зорек насыпал до кучи. Экстаз от шопинга, затем гостиница, где я успел неплохо поболтать с Анжелой. И даже, как мне показалось, пробудил в ней интерес к будущим встречам. Отличный спокойный день.

И вот теперь его решили обгадить трое дебилов из девяностых.

— Ты ведь Люгер? — без обиняков сразу же заявил бык, кивнув в сторону товарищей, которые осклабились в довольных улыбках, — Короче, тут такая тема, с тобой серьезные люди хотят пару вопросов порешать, поэтому двигаешь с нами!

Интересно, почему именно в баре решили подвалить, а не на улице? И что двигало этими идиотами? Скорее всего пока поняли, что перед ними тот, кого необходимо доставить под ясные очи неведомого «большого человека», пока обсудили стратегию и тактику, я уже зашел в кафе. В номер же не полезли, потому что в гостинице вряд ли нормально к этому отнеслись бы. Головы вмиг поотрुकчивал тот же кваз на охране.

Михалыч же с виду валовый, вот и сейчас продолжал смотреть телевизор, даже не поинтересовался у типов, что им надо в его богоугодном заведении. Знакомые? Заодно? Последнее, вряд ли...

— Кому надо — сами придут. А ты глухой? Или понимаешь плохо? — я расслабил мышцы лица, говорил очень спокойно, но чеканя каждое слово.

С самого начала отметил две видеокамеры, и теперь, как писали в газетах, «работал на них». Потому что злость уже просыпалась. Какого хрена им нужно? Кто послал? Конечно, не все равно, но раз не озвучил сразу — «с тобой сам Тот-то» говорить хочет, значит, на то были свои резоны, выяснить которые без физического воздействия вряд ли получится. Ехать же с ними куда-то? Я разве на дурака или унылого лоха похож?

— Чеее? Чеее, ты сказал?! — не понял тот.

И эта манера говорить у типа самая отвратительная, эдакая мелко-гопническая благота в натуре. Чисто «сидел не пересидел», обычно у таких в загашнике восемь ходок по пятнадцать суток, ну и побегу бывали, особенно в сельской местности, когда их всем скопом в сортир выводили. Зеленый прокурор, и здравствуй, волюшка. Укралнадебоширилвтюрьму. Типичный бакланский не только хэштег, но и смысл жизни.

— Вы дырявые совсем попутали? Ты в шары, петушара, долбишься, не видишь, что со своим порванным очком за стол человека уселся? — по-доброму улыбнулся я.

Тот смотрел на мое внешне благодушное лицо, слушал спокойные слова, смысл которых до него плохо доходил. Ведь, произнося подобное, я должен минимум брызгать слюной, орать «нука, урки, ша, по нарам». Когнитивный диссонанс, короче у «братушки». Ситуация выходящая за рамки шаблонной обычно приводила у быков к включению режима «заезженной пластинки».

Я же решил накалять ситуацию до предела. Так, чтобы берега начал путать. А потом... Да, как кривая вывезет потом. Главное, что ехать с кем-то, а трое, если выбросить из уравнения оружие, со мной справиться смогли бы без проблем. Я не Жан Клод Вандам. Тем более парни накачанные, знакомые с железом, уши у всех поломанные, костяшки набитые. И то, что мозгами обиженные, так тут это не минус, а скорее плюс.

— Чеее?! Не, че ты сказал, а? — не обманул моих ожиданий тот.

Че, да че... хрен через плечо! Вот че!

— У тебя совсем со слухом плохо? Я тебе сказал, что здесь место занято, что с пидарами мне за одним столом сидеть запаadlo. Повторить еще раз? Или же возьмешь своих подружек, и вы свалите?

На мелкого пехотинца смотреть было страшно, столько пантомим промелькнуло на его роже, каждая из которых лично для меня ничего хорошего не несла. И вот наконец-то он начал действовать, а я думал, придется еще масла в огонь плеснуть.

Ну, давай же, не тормози!

Тот не обманул моих ожиданий.

Вскочил с каким-то диким матерным полуревом, пытаюсь выхватить из под ремня пистолет. Про убийство он вряд ли думал, а вот напугать охреневшего меня — вполне, хотя из ТТ пальнуть в таком состоянии, что высморкаться. Как назло оружие зацепилось, а я ждал, думая про то, что еще чуть-чуть и этот придурок сам себя застрелит.

Краем глаза держал в поле зрения двойку. Те обеспокоенно посматривали в нашу сторону, но пока не дернулись, видимо был у них какой-нибудь план наподобие: «А, если лошара быковать начнет? Вольну в рожу суй, сразу в штаны накидает, и давай, Вася, на выход!». Хозяин бара тоже смотрел в нашу сторону, но опять же лениво-уныло.

Наверное, секунды три придурок потратил, чтобы выхватить пистолет.

А дальше все понеслось вскачь.

Тот только поднимал ствол оружия в моем направлении, держа его плашмя, как любят афронегры в кино, а я до этого уже поймал тот самый, необходимый для перемещения, настрой.

Вдохнул. И возник за спиной этого товарища, выпрямляясь, и одним натренированным движением, извлекая пистолет из наплечной кобуры. Не зря часы и часы проводил в тренировках.

Бритый затылок бармоглота поймал в прорезь прицела и сразу же дважды вдавил спуск.

Грохнуло.

Голова бандита дернулась вперед, а кровь брызнула на стол. Даже не наблюдая, как тот оседает, я перевел оружие на вскочивших друзей убитого. Один только тянулся к кобуре, а второй, тот самый, опасность которого я неверно оценил, уже вытащил револьвер и практически поднял на мой уровень. И его палец уже практически вдавил спусковой крючок.

Успел переместился за барную стойку, попутно роняя открывшего рот усача. Грохнуло один раз и тут же второй, третий.

Сверху звон разбитых бутылок, а меня обдало каким-то вонючим алоголем. Виски, что ли, или местный самогон. В игру вступил еще один пистолет, по звуку похоже на ТТ.

Я же лежа на спине, рванул РГО из кармашка, сетуя, что удобно не разместил светошумовую, досчитал до трех и запустил ее через барную стойку. То ли там были совсем дебилы или еще что-то им помешало рассмотреть тушку гранаты, но они продолжали резво палить, уничтожая запасы спиртного бара, куда тем таможенникам.

Секунда, еще одна... И грохнуло, был бы не готов, оглушило. Огненный цветок разогнал поражающие элементы, которые хлестнули в разные стороны.

Звон разбитых стекол, чей-то визг, еще несколько совсем уж заполошных выстрелов.

Затем ор, мат, скуление.

И дикий визг. Но тот несся откуда-то из подсобного помещения.

Я резко выглянул и тут же спрятался обратно, обернулся на долю секунды, разглядел, что бармен уселся на пятую точку, тряс головой, словно пытаюсь вытряхнуть воду из левого уха, в глазах же растерянность и абсолютное непонимание, где он находится.

Мои противники же, оба валялись сейчас на полу.

Не теряя ни секунды, я в одном диком прыжке, перепрыгнул барную стойку, сбивая несколько кружек ногами и с бросился к страдальцам. Удивительно везучие уроды! Катались, матерились, причитали, но были живы.

Я отпнул револьвер и ТТ подальше от уродов, резко перевернул одного, отчего тот взвыл, и, смотря в полные слез глаза, спросил.

— Кто послал?!

— Сука... Пошел ты! — тот видимо неверно оценил обстановку, — Врач, мне нужен врач! Ты понял?

Вот это заявка! Я даже в некоем недоумении замешкался, но контроль никто не отменял, да и на второго жути нагоню, сразу поймет, что шутки плохи.

Выстрел.

И зря.

Второй сейчас не смог бы говорить в любом случае. Перевернул, а морда у него — кровавая каша. Да и хрен бы с вами!

Вдавил спуск, пистолет чуть подбросила.

И оба пациента сучат ногами в конвульсиях. А то врача им! Бабу не заказать?

Обернулся. Твою же маму! Мужик, пивший до этого пиво, тоже катался по полу, прижимая к лицу окровавленные ладони. Так и хотелось сказать, извини, мол, парень, накладка вышла. Но ведь сам идиот, стрельба сколько длилась, не меньше двадцати секунд, за это время не убраться подальше... Не знаю, как он в Улье выжил!

Еще краем глаза успел отметить девчонку-официантку, довольно симпатичную деваху, которая вроде бы была абсолютно целой, но орала так, что делалось страшно. Как в мультфильме из детства, что-то там про бабушку или бабу Перепелиху.

— Заткнись, дура! — погрозил я ей, лучше бы этого не делал. Мощь крика увеличилась сразу на несколько децибел, не знаю, как остатки стекол, оставшиеся после взрыва, не попадали.

Вновь повернулся в сторону входа. Не бежит ли кто на помощь убитым?

Нет, никого!

Из-за ора дамочки отдаленный рев сирены казался тихим и безобидным.

Вдруг, как по команде, женщина заткнулась. А я, обернувшись, почти уперся носом в зияющий провалом ствол помпового ружья.

— Бросай оружие! И руки держи, чтобы я видел! Или Ульем клянусь, твои мозги будут соскребать со стен моего бара! — голос Михалыча дрожал от ярости. Бенелли в руках тоже.

Рев сирены приближался, а к бару уже бежали вооруженные люди. С автоматами, винтовками, с миру по нитке...

— Ну, бегом!

— Так бегом или медленно?! — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрожал от адреналина.

— Медленно, аккуратно, но быстро! — подытожил тот.

И передернул помпу. В ставшей звенящей тишине, пластиковый патрон, покинув окно

выбрасывателя, врящаясь глухо шлепнулся о пол, а потом звякнул донцем, покатился дальше.

Медленно-медленно, не делая ни одного резкого движения, я, удерживая пистолет указательным пальцем, за спусковую скобу, развел руки в стороны, затем поднял.

— На колени, я сказал на колени! Богом клянусь...

Выполнил требуемое. Не я первый начал, и по Законам Острога был в своем праве, чего и добивался.

— А теперь цепи руки на затылке! И быстро-быстро, я сказал!

А потом мне в лицо прилетел ботинок, это сбоку подскочил забулдыга.

— Я тебя урою, сука! — заголосил он, — Тварь!

Выглядел он пусть и страшно, но по меркам Уля — не особо. Посекло осколками немного рожу, глаза на месте. Ну да, нос на коже висит — херня, до свадьбы заживет. Крови правда много — все заляпал и меня тоже, но раз драться лезет, значит, ничего серьезного — жить будет. Можно было перевести все в партер, и навалить ему еще немного до кучи насрав на Михалыча и его клятвы, но перегорел уже, да и грубияна оттащили, забежавшие в бар вооруженные мужики. Поэтому я только сплюнул кровавую слюну.

— Михалыч, что за у вас тут война?!

— Да хрен его знает. Вон у того надо спрашивать, — стволом ружья указал хозяин заведения в мою сторону.

— Не бойсь, спросим! — подытожил голос, — Твою мать, это же охранники с точки Люли...

Люля, люля... Что-то знакомое. Точно — это же крестник Цементы.

Вот же мразь, и здесь, сука, нагадил!

— 3 —

— Это формальность, — убежденно заявил Дохлер, — Ясно же, что ты сидел нормально, никого не трогал, я и запись видел. К тебе полезли эти мудаки, в итоге огребли! Ну лишканул малость... С кем не бывает.

И пронесся из угла в угол. Камера, куда меня поместили до судебного разбирательства, — подвальное помещение без окон, три на два метра, с тусклой лампой под высоким, не меньше четырех, потолком. Выделялась на стене выцарапанная надпись готическим шрифтом: «I am / I can», учитывая, что остальные слова и словосочетания никакой особой смысловой нагрузки не несли, кроме как сугубо описывающей обстановку и отношение к заключению в целом, это был блеск: Я есть, значит, я могу. Надо же, занесло философов-эстетов и в эти края.

— Камера для смертников! У нас тут все быстро, заскучать не успеешь, повесят или башку срубят, — усмехнулся пузатый провожатый, гремя ключами, отпирая массивную стальную дверь.

Окно кормушки, две камеры наблюдения расположены высоко, чтобы слепых зон не было. Вот и вся обстановка. Ах, да, главное — тяжелое металлическое явно кованное железное кольцо, вделанное в стену, на уровне пояса, к которому меня сноровисто приковали наручниками два дородных конвоира, втолкнув в полутемное помещение, после слов тюремщика.

Сбежать отсюда... Не знаю, не знаю. Вряд ли кто-то смог бы даже с Дарами Улья, если только он мог ходить через стены. Мне же отчего-то даже не удавалось переместиться в этом стакане. Умение не откликалось, как я не старался. Да и стальные браслеты на запястьях, стянутые с безумным идиотизмом товарищей знавших толк в садизме, сводили на нет все мысли о свободе. Как и с каждой минутой терялось ощущение рук. Вот же суки! Несколько часов, и поможет только ампутация. Хотя, это же Улей. Но...

Серьезный подход впечатлял, учитывая же надписи на стенах, которые кроме всего прочего рассказывали и о том, что художники и поэты не все разделяли мою участь. Они были свободны в перемещениях по камере, поэтому становилось совсем кисло. Особо опасен? И в голове суматошные мысли: «Допрыгался».

Где-то часа через четыре в камеру ввалился сначала Дохлер, а за ним Третьяк. Недовольно ворча, тюремщик все же ослабил хватку наручников, после моего требования, но скорее соблюдая порядок содержания заключенных на глазах у посетителей. При этом одарил таким взглядом, становилось понятно, отольются мне кошкины слезки.

— Точно, Люгер, прав во всем, — тоном говорящим обратное, заявил Третьяк, — Прямо мочи нет, насколько он прав! Правее не бывает! Вот жил нормально, дернул же черт, тебя своим крестником сделать... Не делай добра, как говорится...

— Третьяк?! — Дохлер возмущенно посмотрел на товарища.

— А что, Третьяк? Ты тоже... Прав, прав. Нихера он не прав! Косяков вагон! И так, первый! Гранаты негражданам, да и гражданам в обиходе запрещены! Они должны либо храниться в таком месте, доступ к которому затруднен, то есть в гостиничном оружейном

сейфе, имеющимся в каждом номере. Без! Повторяю без запальных устройств! Что думаешь, нашим воротилам от отельного бизнеса деньги девать некуда? В каждом номере стальной ящик! Установили строго по регламентам! Второе, он добивал раненых. Эта ведь сука, Люгер, провел контроль прямо на глазах у видеокамер. Пострадавшие со стороны мирных граждан — синяк Бидроль, несмотря на то, что пьянь последняя, он, как говорят в Одессе, таки гражданин! А из упокоенных нашим боевым товарищем, не удостоился столь высокого звания, только первый, кого он приголубил — Утюг! Броулер, по паспорту, а в миру просто Бройлер, а также Голова — это, твою мать, полноценные граждане Острога, которым легко и просто провели контроль прямо в гостевой зоне!

Третьяк глубоко вздохнул, набирая воздух в легкие, и продолжил.

— Контроль! Ты вдумайся, какой резонанс будет?! Контроль гражданину! Гражданство это не просто так! Это не только звездочка в ай-ди! А так-то все нормально... Ну, подумаешь гранату там взорвал, пострелял горожан. Покушать сходил, герой, бля! Завтра еще один явится, тоже в сортир попрется, из граника куда-нибудь залепит. А ты что с собой двадцать шестой не взял? Как так? — посмотрел тот на меня, в глазах злые, но отчего-то веселые бесенята.

Я пожал плечами. Честно говоря, было бы можно — взял бы, и автомат прихватил. Тот же опять принялся почти орать:

— И нахрена тогда бы делить народ на граждан и нет? Чисто все едины перед богом и очередным отморозком?! Не, ну а что, мало ли каких горячих к нам ветер занесет?! А ты знаешь, что по Закону голос гражданина значит больше, чем голос не гражданина? Ты знаешь, что прописанно везде, когда твоей жизни не угрожает опасность, ты должен ждать органы правопорядка в спорных случаях и... и оказать первую помощь пострадавшим! Даже, если это преступники, но граждане, которых виновными может признать только наш суд, самый честный и гуманный? Вот Люгер и оказал помощь, всех подлечил! Чисто в башку каждому залепил по маслине! Лепила от бога, короче! Добил, чтобы не мучались, бедолаги! Неоперабельные, суки!

— Да и хер бы с ними! Одно слово — мудаки! — Дохлер вновь прошелся туда-сюда. Остановился рядом со мной.

— С тем, что эти уроды из себя представляли, я полностью согласен! Вот только именно его сейчас на кол посадят! — ткнул пальцем тот в меня, — Ты это понимаешь, Дохлер? А баба, ее вообще не зацепило, но там речь идет уже и про выкидыш, и про прочее. Письки мужской не видела, у них с этим строго, целка, короче, сам Михалыч хвастал, но мля выкидыш! Ладно, не Земля это! Разобрались. Сейчас всех собак на него будут вешать! А ветер откуда дует? Никто не знает?... Михалыч, сам же знаешь, сука валовая, она тоже телеги строчит, чисто принтер! «Мой бар пострадал»... Ты долбоеб! Твой бар начал страдать, когда ты стал его хозяином! Видно же, что до последнего тянул, вместо того, чтобы остановить резню, он же клок-стопер немного. Как же, Люля ему жрачку поставляет! Люля же говорит, мол, послал ребят, попросить встретиться с ним его..., - и снова указующий перст мне в грудь, — Типа узнать про судьбу крестного Цементы. Нет, ты понял, сыновьи чувства у гандона разыграли?!

— Не посадят, не дрейфь, — Дохлер подмигнул мне и похлопал по плечу, — Был бы олень какой, а так ты наш. Что зря я Шайтана дернул? А тот не какой-нибудь хрен с горы — глава СБ лично. И мужик правильный со всех сторон. Он поможет!

— Ага, поможет! Дело до самого Князя, уверен, дошло, и как он там решит, так и будет,

и никто не посмеет возразить! Горбач опять же... А наш идиот к Хельге клинья подбивал, тот же сам знаешь, за ней, что твой пес носится...

— А вот мою собаку попрошу не трогать! — дурашливо возмутился толстяк, — Она охотничья, лайка настоящая, а не какой-то там Горбач.

— Для Князя же, — Третьяк не поддержал шутливого тона, — Шайтан пусть имеет определенный вес, и даже говорить может... Но Князь — это Князь! Как решит, так и будет. Я бы на многое не надеялся.

И так уже почти два часа. Судили так, рядили эдак. Я же молчал, неплохо мне поправили здоровье набежавшие селяне с дрекольем и автоматическим оружием. Били с вдохновением, насилу их служители закона — помощники шерифа уняли.

Уже здесь у меня забрали все. Даже куртку сдернули. Вот тебе и цивилизация.

— Дохлер, подкури, — попросил я толстяка, к которому все больше проникался дружественными чувствами.

Тот выполнил требуемое, вставил мне сигарету в разбитые губы. Я хотел поблагодарить толстяка, но Третьяк, бешено вращая глазами, заорал:

— А ты вообще рот закрой! Пока не спрашивают! Наворотил, мля! И вот что тебе не живется нормально?! Что ни выход — приключения! Я даже подозреваю, что это из-за тебя у нас не обычный рейд получился, а чисто боевик! С нами в главной роли! Чуть все там не остались!

Высокий худой гладковыбритый мужик неспешно зашел в камеру, перед которым кто-то услужливо открыл дверь. Явно не тюремщик, у того лапы будто лопаты, покрытые густым черным волосом, здесь же мелькнула среднего размера рука. Рейдеры подобрались.

— Ну, что герой..., - хмуро посмотрел тот на меня, поиграл желваками, а потом смачно сплюнул прямо на пол, — Зла, мля, не хватает. Честно... Как хорошо день начинался! И да, Третьяк, я тебе больше ничего не должен! С тобой, Дохлер, мы сами разберемся.

— Что совсем все хреново? — Третьяк энергично растер и без того красную рожу.

— Хреново, конечно, — вполне уже спокойно ответил тот, — Проблема, мужики, тут вот в чем. Ваш Люгер еще отстреляться не успел, а дело уже у Князя на сукне. Горбач этот поганый, тоже тварь. «Судить, садить на кол! Закон!» Ублюдок! Вот, чую гниль за версту от этого дела. Сейчас мои немного еще петуха гамбургского поспрашивают, который тут оборзел от безприсмотра. Как его... Люля? Вот отхватит у меня люлей, а то развели тут бандитизм в духе девяностых. Граждане.

— Шайтан, давай без лирики, нервы..., - вмешался Дохлер.

— А у меня типа, стальные, как яйца? Ладно, без лирики, так без лирики, чем конкретно закончится не знаю, но вышку ему отменили. Тут еще помогло, что он не латышский стрелок с хером да душой, а состоятельный пусть и негражданин. Имущество уже описали и посчитали. Плюс свежак. Это тоже нехило сыграло, точнее я сыграл на этом. Многого не ждите, но башку ему рубить никто не будет, и кол отменяется. Суд — будет. Наказание — будет. Говорю же, Горбач воду мутит. И понятно почему... Там еще что помогло, отчего-то за вашего Люгера Ковбой зарубился, как за родного говорил. При нем вопрос поднимался, а он с Князем пил. Поэтому Глава пока думает.

— Ты его знаешь что ли? — посмотрел на меня подозрительно Третьяк.

— Кого?

— Ковбоя.

— Ни разу не сталкивался. Один мимо нас промчался на мустанге, когда в Острог

ехали. Водила рассказал, — вспомнил я откуда мне знакомо это имя.

— Точно?

— Ага, точно.

- В общем, суд в девять ноль-ноль по-нашему. Недолго осталось, — заявил Шайтан, — Ладно, я до дома, а то итак полночи из-за вас тут провел.

Направился тот к выходу.

— Судья кто? — уже на пороге догнал его вопрос Дохлера.

— Боровик, — и вышел.

— Твою же мать! — мрачно в голос произнес Третьяк, а Дохлер выругался, не меньше минуты выражал свое «фе».

— Это плохо? — спросил я.

— Плохо. Боровик меня не любит. Очень. Я бы даже сказал, питает ненависть, — пояснил для меня крестный, — А ты чей крестный? То и оно. Это Горбач, все подвел под одно — больше некому. Еще этот судья может и на слово Князя плюнуть, если посчитает нужным. Он своеобразный очень. Пока с рук сходило.

Оставив мне сигарет и зажигалку, рейдеры пообещали завтра прийти на суд, скорый и справедливый, как и все в Остроге. Я же к утру одурев от боли в мышцах, ребрах и никотина, усевшись на пол пятой точкой, чуть подремал, когда меня пинком разбудил тюремщик, в сопровождении других конвоиров, впрочем, комплекцией и даже рожами, чем-то похожими на вчерашних.

...Зал судебных заседаний — классический, почти земной. На постаменте кресло с высокой спинкой. На него, судя по остальной комплекции, водрузил массивное седалище судья. К облику которого легко и непринужденно пририсовывался массивный кистень и пустая пыльная грунтовка, где тот поджидал за кустом очередного путника, чтобы облегчить его карманы. Или от широты душевной просто приголубить неудачника. Сам же здоровенный косматый мужик с черной кудрявой бородицей и алчным блеском угольных глаз должен быть представителем криминальных хроник и листовок «их разыскивает», но никак не вершить правосудие в виде высшей инстанции справедливости.

— Не думай даже применять свое умение! От нас не убежишь, да и телепортер ты не сверж. За попытку побега сразу накидывается нехило, вышка тогда стопроцентная, — предупредил конвоир, вталкивая меня в обезьянник, где сидячие места не предусматривались конструкцией. Впрочем, и негде было их размещать, тут и один человек помещался пусть и не с трудом, но пространства для маневра почти не оставалось. Посадили зверушку в клетку.

Охранник же осклабился и добавил:

— Но всегда можно попробовать, чем черт не шутит. Мы тебя даже сильно бить не будем, премию как-никак получим.

Бежать из зала суда, даже используя телепорт, было затруднительным. Наручники на мне, а учитывая повальную законопослушность граждан, которые могли и пристрелить, даже не помышлял о чем-то, тем более, вышку, как я уже знал, точно не дадут. Или с большой степенью вероятности. Остальное — переживем.

Осмотрелся. На скамьях почти все рейдеры из старичков, которые были со мной в рейде. Много и незнакомых рож, часть из них видел мельком, именно они поспособствовали безносому рейдеру в восстановлении справедливости, отхаживали меня неплохо. Любителей вечерних прогулок под дождем среди них не наблюдалось, вот и выместили плохое

настроение на нарушителе спокойствия. Сука, Михалыч, едва не родившая официантка, Бидроль, с рожей перемотанной бинтом, и... Хельга.

Женщина блистала, а рядом подружки, узнал только Одри, тоже все красивые, как на бал вырядились. Моя внезапная любовь была одета в синее платье с глубоким декольте, на шее переливалось жемчужное ожерелье, такие же серьги в ушах. Ярko-накрашенные губы, а сапфировые глаза обжигали. Казалось, дарили надежду. Поймав мой взгляд, улыбнулась, обнажив ровные белоснежные зубы. Да, так по-доброму, ободряюще, минимум, будто любящая женщина.

Я в свою очередь, усмехнувшись, нагло подмигнул.

Артистка, погорелого театра, мля! Тварюга, достала таки! Смогла! Не мытьем, так катанием! Я понял все правильно — она торжествовала, мол, ну как дружок, допрыгался? А не эти ли суки финт провернули с подсадными в баре? Пустили шестерок в распыл? Знали примерно, как все могло обернуться? Или просто воспользовались ситуацией с Люлей? Черт его знает! Вот же ход конем... Теперь гадай!

Доберусь! Видит, Бог, доберусь до этих тварей, и всю их грядку закатаю в асфальт!

И похеру на красоту.

Женщины?

Уже две есть на моем счету. И не умер, и совесть не мучила. Хотя врал, даже сам себе. Словил, словил таки на больничной койке, отголоски раскаяния. Особенно медальон Жанны, как вспоминал, и дерьмово так делалось на душе. Ее ведь кто-то любил, она любила. Рожать должна. Эх... А так, головорез я уже такой, что осталось только звездочки на фюзеляж поставить. Или зарубок на приклад наделать.

Или не Хельга причина всего? Может это одобряющая улыбка? Ага, ага. Увидела меня и сразил, сразу, сходу. Только я не Аллен Делон, хоть и французский знаю. И не верю в любовь с первого взгляда. Да, красота, помноженная на либидо иммунных — штука страшная, и работающая почти со стопроцентным успехом. Поэтому у девушки, таких, как я, — пачка или штабель. Жемчуг? Не у меня одного он имелся.

Пока я размышлял, судья что-то читал с хмурой рожей, а в зал явилось еще несколько запоздалых рейдеров. Ковбоя я узнал сразу высокий тощий мужик, в стетсоне, в длинном плаще, ковбойских ботинках и с никелированными револьверами в открытых кобурах на поясе. Он пинком открыл дверь и ввалился, явно перепутав местное пристанище Фемиды и бар. В одной руке бутылка с «Джек Дениэлс», к которой тот приложился на пороге. Предварительно вытащив из пасти, дымящуюся сигару. Осмотрел всех мутным взглядом покрасневших пьяных глаз, остановился и на мне. Все сразу как-то притихли. Тот кивнул сам себе, мол, это я по адресу зашел. А затем неторопливо прошествовал к первому ряду. Я успел поймать недовольную гримасу Боровика, даже приподнявшим сросшуюся с другой бровь. Надо же, не нравился ему Дикий запад. Но шел Ковбой красиво, только музыки душещипательной из вестерна не хватало. Полы плаща чуть развевались, иногда никелировка револьверов отражала лучи света от ярких ламп. А, вообще, смотря на него, ничуть бы не удивился, заедь он сюда на лошади.

Тут была и традиция с вставанием, ведь суд идет. А затем, в лучших традициях:

— Судебное заседание по делу Люгера, объявляю открытым, — и удар молотка, подкрепляющий слова.

Все просто. Никаких адвокатов или прокуроров. Бородач споро вызывал свидетелей, делая пометки у себя по ходу их рассказов, изредка задавая уточняющие вопросы.

— Я сразу понял, что он преступник! — категорично заявил Михалыч, и потряс назидательно пальцем над головой, нет, натуральный Ленин на броневике, — Пусть и не мур, но где-то рядом. Он зашел, а у меня мороз по коже!

— Скажи еще обосрался! — вскочил с места Каштан.

— Разговоры, — властно оборвал его Боровик, — А ты давай по делу, без всякой этой ерунды. Понял, что преступник, почему не вызвал ГБР, сам не прореагировал?

Михалыч даже сглотнул нервно. Надо же, а судья еще тот перец. Владелец бара уже без всяких эпитетов рассказал о моих действиях, но совсем без прикрас не обошлось, я зло зыркал, похотливо смотрел, щелкал пальцами и вел себя, будто фриц на оккупированной территории.

С тобой, сука, тоже сочтемся!

Затем выступал невысокий хмырь, было в нем что-то бабское, надо же — сам Люля.

По его характеристике, я совершил чуть ли не преступление против Бога, грохнув минимум ангелов или агнцев, такие у него работники были — любо дорого послушать.

— Нимб им не мешал? А крылья? — мрачно воззрился на него судья, видимо его мнение совпало с моим.

— Что?

— Говорю нимб им не мешал? У тебя ангелы в работниках числились? Не заметил, хотя не далее часа назад видел записи с камер — банда бандой. Поэтому заканчивай говорить ерунду.

За час выступить успели все, и Боровик удалился на обдумывание приговора. А я же подумал, что пошел он выпить кофе, потянуть время и, чем черт не шутит, покурить.

— Что страшно? — к клетке подошел Ковбой, по движению его пальцев с зажатой между ними сигарой, расступились оба конвоира.

— Нет.

— А что так? — показывая желтые от никотина зубы, осклабился тот. Похоже, курил он пачками и пил кофе ведрами.

— Смысл?

— Это как? — тот рассмеялся, будто я сказал что-то донельзя смешное. Действительно, похоже, псих, как его и обрисовал водила. Да и трудно тут в Улье оставаться нормальным. Постоянный стресс, алкоголь в том же живце для психики ничего хорошего не несут.

— Боишься — не делай, а сделал — не бойся, — повторил я тюремную поговорку.

— Тоже верно. И интересная жизненная позиция, хочешь? — протянул он мне через прутья решетки бутылку с виски.

— Нет.

— Пей, терять тебе нечего, поверь мне на слово, глотни хорошо! Чтобы звон пошел!

Я посмотрел на охранников, те стояли с такими рожами, будто ничего не происходило. Судья? Да, плевать. Болело все, после того, как на мне танцевали гопака местные. Сделал большой глоток. И все же виски и наш самагон — близнецы-братья. Нет в нем того благородства коньяка или игривости вина и шампани, а только облегчение и дурнина для страждущих.

— Неплохо, — прокомментировал я.

— А то! Не знаю, свидимся ли мы еще, но хорошие люди тебе повстречаются обязательно везде и всегда..., - тот тоже приложился к бутылке. Кто он такой и какие хорошие люди, спрашивать я не стал. На среднем пальце красовался массивный болт-

печатка, с таким же, может чуть меньше, чем у меня, черным квадратом. И как его не разглядел раньше? А мороз пошел, пошел по коже.

— Ладно, пойду я. Жаль, что поздно узнал о тебе.

И прошествовал к выходу из зала. Полы длинного плаща развевались. Я проводил его с полуулыбкой, что не говори, а харизма у мужика зашкаливала. Настоящий Ковбой. И за этой гримасой я еще и старался скрыть настоящие чувства — полную растерянность. Братья из Черного квадрата?

Едва за Ковбоем захлопнулись дверные створки, как появился судья. Был он хмур. Решение непростое? Тот же одарил меня крайне злым взглядом. Таким обычно смотрят на тех, кого ненавидят больше жизни. Странно, вроде бы ничего ему не сделал. Или дело в Третьяке?

Удар молотка привел расслабившуюся аудиторию в чувства. Все подобралось, лица стали серьезными.

— Я рассмотрел все материалы по рассматриваемому делу, как «за» так и «против». И по совокупности совершенных преступлений приговариваю рейдера Люгера к наказанию в виде конфискации всего имущества в пользу Острога для погашения причиненного ущерба. Однако его вопиющее поведение, нарушающие наши законы, должно не только караться материально, но и сам он должен понести справедливое наказание. «Да воздастся каждому по делам его!» Три трупа, двум из которых можно было помочь — это слишком даже для Улья! Как применение боевой гранаты в стенах нашего славного города! У нас часто говорят, желая сказать о непредсказуемости судьбы и судьбоносных траекторий: пуля — дура. И каждый знает, что осколки еще дурнее! Поэтому удивительно, что никто больше не пострадал от необдуманных действий преступника, кроме двух честных рейдеров, которых он же и добил. У нас цивилизованный стаб, и здесь есть дети..., - гудел Боровик, будто из бочки, голосище сейчас был под стать оратору, густой, сильный, мощный, а до этого звучал совсем по-другому — бас и бас, — Поэтому приговариваю рейдера Люгера к шести месяцам исправительных работ. Долг перед обществом ему предстоит отдавать на двадцать втором Форпосте. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

— Да вы охренели! — выкрикнул с места Дохлер, — Лучше его бы сразу к смертной казни!

— За неуважение к суду...

Но уже стихийный гомон все поглотил. Слышалось от недовольных: «Смерть! Смерть! Несправедливо! Произвол!», от моих сторонников тоже несло про несправедливость, но кроме реакции, настораживали реплики: «Это же Жопа сатаны!», «Это же Сердце Дьявола!»

— Давай на выход, и не глупи! Все для тебя закончилось! — предупредил конвоир, вытаскивая меня из клетки.

— Дикий, погоди минуту с крестником дай пообщаться. Напутствие дам!

— Ну-ну, — усмехнулся тот. Но отошел чуть в сторону и не стал меня торопить, — Ладно минута, время пошло.

Третьяк же заговорил быстро.

— Мы больше ничем не сможем помочь. Единственное, что постарайся выжить на начальном этапе. Думай, потом делай. И, да, проблема у тебя еще имеется, не хотел говорить, итак всего на тебя поднавалилось, но теперь вряд ли мы встретимся. Вчера поздно вечером со мной связался с Кварц и просил передать, что он внимательно изучил все твои данные, связался с КАНовцами. В общем, для тебя, парень, жопа. В полном смысле. Они

тебе обещают всего лишь три месяца, после этого процесс обращения в мертвяка необратим, — тот вздохнул, глубоко и даже как-то печально.

А меня будто мешком цемента оглоушили.

— Как три месяца? — переспросил, даже подаваясь вперед, в голове же сотни мыслей.

Конвоир подобрался, видимо не понравились мои излишне резкие движения.

— Не знаю как, я не знахарь. Но, порой, и они ошибаются, только в твоём случае это скорее фантастика, Кварц — профи. Настоящий. Поэтому для тебя удачный исход маловероятен. Думай, короче... Тут я тебе не советчик. Надеялся, хоть здесь обойдется, но эта, сука, — кивнул тот в сторону невозмутимого судьи, который сейчас внимательно смотрел на зал, судя по всему, вычлняя злостных нарушителей спокойствия местной Фемиды, — Отомстил, он по мне удар нанес. Но ты не думай, я ему тоже принесу букет из роз!

Так сказал, как будто мне было сейчас дело до их разборок, между жерновов которых я и попал.

— Все так плохо?

Тот криво усмехнулся.

— Плохо? Да, если есть в Стиксе место хуже, чем этот Форпост, то оно в самом Пекле. Сердце Дьявола — там средоточие всего и вся дерьма. Выживает в первый месяц тридцать процентов из осужденных, во второй от этих остается еще меньше. Со статистикой туго, больше месяца там — такое наказание редко дают. Вот и считай. Хотя даже за месяц из выживших часть просто сходит с ума. Психика не выдерживает. Жаль, что нормально помочь не смогли. Не держи на нас зла, короче. Сделали все, что могли.

Протянул ладонь.

— Да, нормально все, спасибо — ответил я, пожимая ее двумя руками из-за браслетов.

Сам же так и эдак прокручивая новую информацию. Как, как искать чертов клад Цемента, находясь в заключении? Еще и в таком месте? Бежать? А куда? И как?

Поймал на себе взгляд Хельги. Девушка улыбалась довольно, будто ей только что подарили новенький «Порш». Хотя я поценнее буду. Поймала мой взгляд и озорно подмигнула. Я ответил тем же. Она заливисто рассмеялась...

У меня же злости столько, мог бы, прямо сейчас убил.

— 4 —

Не зря в народе говорили — «жрать на ночь вредно». Сейчас, в который раз за последние пару дней, я вспоминал эту истину. Не поддался бы тогда на позывы желудка и не пошел в злосчастное кафе, то не получал бы в настоящий момент оружие...

Старый добрый клевец, кто-то называл его «клювом», радовал глаз до белизны отполированной рукоятью. Надежный и проверенный девайс, а где предыдущие владельцы — лучше было не думать. Чуть изогнутый подернутый ржавчиной стальной трехгранный шип выпил немало крови, а небольшой молоток на обухе проломил черепов. В общем, дерьмо, как его не называй, и не героизируй, дерьмом и оставалось. По сравнению с цементовским, изъятым у меня, будто получил ушастый «Запорожец» вместо «Мерседеса».

Еще выдали средних размеров туристический китайский нож. Дешевый, дрянной и блестящий, как шалава на деревенской дискотеке. Рукоять неудобная, слишком тяжелая, если только по черепу кого-нибудь двинуть. Хорошо так приложиться, желательно вон тому, юркому и хитромордому товарищу по несчастью, который мне не понравился сразу, как только его увидел. Выполнять какие-то другие, предназначенные для данного инструмента работы, например, резать, строгать или снимать шкуру — занятие из затруднительных, уже на пятой минуте начнешь вспоминать малый боцманский загиб, а на десятой подберешься и к большому. Представленный образец холодного оружия лучше всего держать на полке и доставать только тогда, когда потребуется в очередной раз удивиться обществу эры потребления, которое производило и покупало совершенно ненужную ерунду. Облезшие ножны из кожзаменителя уже в трещинах и потертостях дополняли и делали завершенной картину.

Армейская, еще, наверное, с советских времен, фляжка. Полтора литровая пластиковая бутылка с живцом «Княжеским». Солдатский вещмешок, тот самый сидор, который даже в ВС РФ сегодня можно найти лишь на музейных полках. Хотя части разные, до некоторых и не дошли, скорее всего, инновационные решения. Пластиковый брикет с ИРП, глядя на который пришлось сглотнуть слюну. Жрать — вредно!

Но больше всего удивлял и пугал противогаз. Обычный себе старый, добрый, знакомый по урокам НВП ГП-5 в небольшой брезентовой сумке. А на поверку смотришь на него, и чувства, как у детей, после кинговского «Оно», увидевших на улице клоуна. Устройство и предназначение «фильтрующего средства индивидуальной защиты органов дыхания, глаз и кожи лица человека» было переосмыслено и углубленно в училище. Затем забыто, но вот сегодня прошлое нашло меня и врезало под дых специфической резиновой вонью, вместе с которой пробудились и воспоминания, слегка холодящие затылок будущими перспективами. Это куда нас собрались забрасывать? Какое-то опасное химическое производство? Радиация? Куда взгляд ни кинь, всюду клин.

Выложив все богатство передо мной, кладовщик с угрюмым выражением на усатой, будто у моржа, роже, протянул лист формата А4 и шариковую ручку. Молча, заскорузлым пальцем, с пожелтевшим от никотина ногтем, ткнул в графу «получил». Просмотрев список понял, что вручено мне все строго, как там и указывалось. Отсутствие каких-либо прочерков

и пробелов под отпечатанным текстом делало невозможным приписки еще какого-либо имущества. Странно, а посмотришь, на стоящего на выдаче мужика, и сомнения закрадывались, что ему можно доверять материальные ценности, хотя... Он на золотой жиле сидел, а тут, что можно было взять с преступников, вставших на путь отдачи долгов обществу? Ни-че-го. Вот он и не брал.

Путь от камеры предварительного содержания в Остроге и до Форпоста под номером двадцать два, я проделал, будучи скованным по рукам и ногам, с пакетом на голове, который позволял дышать, но не видеть окружающее пространство. Сняли его около часа назад, в огромном ангаре. До этого часов пять мы тащились, если судить по звуку двигателя, на Урале, в сопровождении другой техники. Все ориентировочно и приблизительно. Когда просто сидишь запертый, не видя, куда тебя везут, быстро начинаешь путаться, где и куда свернули, а уж когда больно стискивают руки и ноги стальные браслеты, ты не можешь повернуться нормально, то уже через пятнадцать минут с трудом ориентируешься в пространстве.

Таких же подобно мне счастличиков я насчитал двадцать два человека, символизм, как он есть, гендерных стереотипов перед системой правосудия не имелось и в эту «жопу Сатаны», вместе с прожженными жизнью представителями сильной половины, отправили шесть прекрасной.

Огромный ангар с потолком около пяти — шести метров отлично освещался. Кругом стояла боевая и обычная техника. Здесь был и старичок БТР-60, и американский Страйкер, и даже пара бронемашин ресов присутствовала. Пара бензовозов, чьи кабины напоминали киноленту безумный Макс во всем его адском и абсолютно нефункциональном обвесе. Пикапы обычные и с пулеметными турелями, в ряд стояли квадрациклы. Несколько «Уралов» с кунгами, именно из одного нас и выгрузили.

Человек шесть с нарукавными повязками "СБ Острог", споро расковывали нас, а потом погнали по ангару к лестничным маршам. Где мы оказались на втором, а скорее, исходя из количества пролетов, третьем этаже. Тут нас построили в шеренгу без учета роста на глазах у представителей трех команд, судя по тому, как они отдельно держались друг от друга.

Первоочередность набирать персонал, похоже, была у высокой, и, если бы не выражение сучности на лице, довольно красивой девушки — блондинки, с большими стального цвета глазами, но с резкими чертами лица. Одета она была отлично, бронекостюм, пусть и не как у меня, но скорее всего, из той же оперы. Вот опять... «Как у меня». Нет уже ничего у меня! Пластик, который не брали пули, закрывал сервоприводы. Забрало шлема было поднято. Из оружия на поясе какой-то диковинный пистолет, явно крупного калибра, а за плечами стрелково-гранатометный комплекс внушительного калибра, но не DRK. Остальные представители обитателей Форпоста, даже лидеры других отрядов выглядели куда, как скромнее девушки.

Дамочка внимательно осмотрела каждого из нас, как коня, только в рот зубы проверять не полезла. Затем стала тыкать пальцем.

— Шаг вперед! — скомандовала чуть хриплым голосом, в котором играла сталь.

В итоге вышагнуло восемь человек. Три девушки, пять мужчин, в их числе оказался и я.

— За мной! — так же лаконично отдала приказ та, резко развернулась на месте, и довольно быстро пошла по коридору. Мы последовали за ней, а ее сопровождающие — четыре упакованных по полной, пусть и не как командир, мужика с прожженными мордами, довольно ловко взяли нас, сбившихся в кучу, в коробочку.

Привели нас в довольно просторное помещение, где опять построили уже по росту. Так что, я стоял первым.

— Мое имя — Герда, оно же — позывной. Моя команда за эту неделю потеряла двенадцать человек. Четверых убила я лично, за невыполнение приказов. Вы — второй набор, — довольно жизнеутверждающе заявила она, пройдясь вдоль шеренги, — Первый выезд у нас будет через три часа. Поэтому быстро получаете, что вам причитается, вас определяют на жительство, устраивайтесь. Сбор. Рейд. Отдых. И это распорядок практически на каждый день.

— Что мы будем делать?

— Все, что прикажу я, — жестко и предсказуемо ответила девка. А мужик рядом с ней, похоже, хахаль и подчиненный одновременно, осклабился, — И что я прикажу делать приступать к выполнению незамедлительно. Скажу жрать дерьмо — будете жрать! Те, кто слушается, пристрелю! У нас тут комитета солдатских матерей нет, да и вы не солдаты, а отребье. Впрочем, ваши земные защитники прав, тоже отсутствуют, как класс. Вы — накосячили, вы — сейчас отвечаете.

Она замолчала, прошла вдоль строя, затем развернулась, вновь оказалась возле меня.

— Сейчас получаете положенное оружие, амуницию и прочее необходимое для выживания. Далее вас проведут ваши непосредственные командиры — Дрон и Гайвер, — двое мужиков слитно сделали шаг вперед. Меня восхитила дрессировка, что ни говори, а у девочки просто талант. И недооценивать такую бабу нельзя, в таких местах командовать бандой отморозков, это не в офисе менеджерами повелевать, — До ваших апартаментов. Живем мы на третьем этаже. Это второй. Под нами сейчас ангар. Так как постояльцев тут некомплект, то всех размещаем по отдельным комнатам. Его, Дрон, определи в сорок вторую, — ткнула она в меня пальцем, — Первый раз вас известят и проведут. Затем будете прибывать в положенное время и место сами, опоздание я не приемлю! В обязательном порядке иметь на любой выезд противогаз. Все, — чуть помолчала и неожиданно заорала, — И бегом, бегом, рванина!

Теперь я рассматривал «положенное оружие, амуницию и прочее необходимое для выживания» и тихо зверел. Мои собратья по несчастью тоже имели вид ошеломленно-дебильный, не было слышно радостно-возбужденных воплей «это все нам?». Похоже, не только меня удивляло виденье командования относительно базовых предметов первой необходимости, чтобы не загнуться сразу.

— Они, что издеваются? — высказалась за всех рослая женщина в цветастой бандане, — Да, с таким набором до первого топтуна!

— Разговорчики! — оборвал заграждающийся шквал недовольства Гайвер — высокий, но крепкий блондинистый парень лет двадцати пяти, смотревший на всех, как на экскременты мамонта — удивленно и с неким научным интересом, но не без изрядной доли брезгливости.

Переходы, переходы, подъемы и спуски. Указатели, в отличие от того же Северо-Восточного форпоста, отсутствовали, как класс. При этом были и лифты, но штрафников предпочитали гонять по лестницам. Из нас никто не спешил знакомиться друг с другом, большинство еще находилось в подавленном состоянии, кто-то держался вместе со старыми, я так понимал, знакомыми. А, вообще, пока просто не представилось времени — «бегом», «быстрее» и прочие прелести.

Гайвер с основной массой свернул налево, меня же Дрон повел направо. Провожатый —

смеющийся по любому поводу невысокий плотно сбитый парень лет тридцати, чернявый с родинкой на лбу, одетый в новенький натовский камуфляж, наколенники, налокотники, в бронежилете, и это здесь... Его поведение, и частый смех без причины, вызывали несколько вопросов. Но с другой стороны, это не моя забота.

Мы прошли по длинному коридору, шириной около трех метров. Пространство освещали лампы дневного света под потолком. Дрон остановился возле обшарпанной двери, оббитой железными полосами. Сунул в замочную скважину массивный ключ, со скрежетом провернул, и мы оказались на пороге помещения четыре на четыре метра, с узким окном, подоконник которого располагался на высоте груди взрослого человека. До потолка метра два с половиной. Небольшая железная печка в углу, на плите которой стоял закопченный чайник. Убитый письменный стол знавал еще советские времена, такой же перекошенный стул без спинки. Панцирная кровать. Пол грязный, заплеванный, стены такие же. Кругом фотографии голых баб, порнографических сцен, а над всем этим, не знаю где и зачем кто-то добыл баллончик с краской, и вывел будто кровью, но красиво «Cogito, ergo sum». Ниже, судя по подчерку, представитель другой философской школы, подписал черным маркером и довольно коряво: «И это пройдет». «Натюрморт» довершал нарисованный схематично мужской половой орган с подписью из трех букв, видимо, чтобы никто не перепутал.

Такое ощущение, что я попал в комнату, где проживали крайне разносторонние личности. Не в упрек будет сказано Декарту, чей девиз «мыслю, значит, существую» обретал удивительно новые оттенки и грани в таком антураже. Однако, если француз Рене, кроме философствований занимался математикой и физикой, то глядя на голых баб и кучу пустых бутылок, а также окурки и использованные презервативы, становилось очевидно, что таким образом эпикурейцы издевались над рационализмом.

А этот запах! Этот прекрасный одуряющий густой стойкий запах подгнивающих грязных тряпок, слабоалкогольное амбре, вонь окурков. Завершал картину, висящий на проводе, патрон, с ввернутой лампочкой.

Мой провожатый уже щелкнул выключателем рядом с дверью. Тусклый свет рождал причудливые тени.

— Гордись, это помещение обычно для офицерского состава или гостей форпоста предназначалось. А тут преступники, считай каждому такие, — усмехнулся Дрон, — Приведешь в порядок, если захочешь, нет, так живи. Здесь всем, по большому счету, насрать. Розетка имеется, электричество подается круглосуточно. Безлимит, короче. О дровах для печи — заботься сам. Можно купить, можно во время рейда насобирать. Но это скорее роскошь. И так не замерзнешь. Примешь на грудь и тепло! Удобства, как и душ, в конце коридора. Вот там гадить — не советую. Уборщики быстро устроят темную.

— Тряпку, ведро, чистящие средства где можно взять?

— Купить, — хохотнул тот, — Или притащить из рейда самостоятельно. Тут каждый кузнец своего счастья.

— Оружие, кроме холодного, нам выдадут?

Тот ничуть не натужно рассмеялся, хохотал долго, согнувшись в пояснице. Хлопал себя ладонями по коленям. Минуты три, наверное, если не пять. Мне же почти понятны были причины его веселья, убитые почти в ноль зрачки о чем-то говорили. Наконец тот, утирая слезы, порой прихихатывая произнес вполне серьезно:

— Мужик, мы штрафники! Понимаешь? Компроне муа? Какое нам к херам оружие? Мы чистильщики, мы — грузчики, мы — мясо, мы — живцы. Вот какую самую паскудную

работенку можно придумать, на которую ни один нормальный человек не подпишется, тем мы здесь и занимаемся. Но, запомни главное, мы не уборщики, есть тут специальный штат, который за это деньги получает. И это касается коридора, сортира, душевой, а то были случаи, знаешь ли... Попытаются привлечь, бей в рыло и будешь в своем праве. Но гадить специально, тоже не советую. Отчего-то Герда тебя не возлюбила, сюда на постой определила. Место это зловещее, считай, кто сюда попадает — покойник. Потенциальный. Последним тут Берсерк жил. Недавно сдох. Сукой еще той оказался.

— Но у тебя и у других оружие имеется, — пропустил мимо ушей все маловажное и выделил главное. Болтает, но это скорее для меня плюс, сразу многое узнал.

— Так это наше. Кто-то добыл уже здесь, кто-то прибыл с ним, например, как Герда, она, кстати, не штрафница, а гражданство зарабатывает. Поэтому — забей! Один черт, сдохнешь, не сегодня, так завтра. Пойди вечером и напейся, если доживешь. И лучше, трахни кого-нибудь, в общем, возьми от жизни все. Не забывай, сбор через полтора часа. Быть через час двадцать в коридоре. Выезд, для кого-то последний, а там и ужин. До этого момента вас никто кормить не будет. Не на курорте и не заработали. Только расходы одни — на транспортировку.

— Еще вопрос, ваша командирша, она здоровых мужиков не любит или мой типаж? Говоришь — "невзлюбила"?

— Наш, наш командир, — тот расплылся в улыбке, — Она и теперь твой главнокомандующий. Скажу так..., - сделал тот многозначительную паузу, будто обдумывая что-то, — Хрен его знает!

Подумал и добавил:

— С другой стороны, остальные комнаты у нас под боком, может, определила в тебе самостоятельную личность, которая в особом присмотре не нуждается? Если бы не подошел, то не взяла бы да и все. Кстати, плохое про нее говорить не советую. Даже я башку отверчу! С этим разобрались?

Я, ухмыльнувшись, кивнул. Отворачивальщик, много вас таких уже по Улью остыло.

— Не, мужик, я серьезно. Девка она резкая, но тебе каждый из нашего отряда скажет, что зря говно месить не пошлет и между молотом и наковальней не положит. У нас и самый большой процент выживаемости. И, вообще, короче... Не обостряй, да.

— Ага, понял, я, понял.

— А так, не девок же сюда селить. У других мужиков из вашего призыва больно рожки хитрые, за них еще решать что-то, отвечать. Срач, если не нравится, то можно и убрать. И не девок же в это говно селить? Владей, короче! И так, вы, уважаемый, выиграли сегодня суперприз! Однокомнатную новенькую квартиру в Бирюлево! — протянул он мне ключ, опять хохотнул и вышел, не прощаясь.

Дверь с жутким скрипом и скрежетом захлопнулась за ним. Вот еще одна проблема, надо бы петли смазать.

Я вновь осмотрелся. Мда... Жить в таких условиях, даже каждый день рискуя... Не знаю, не знаю. Не по мне. Но о реальном превращении этого сарая в жилое помещение предстоит подумать после, если честно, сейчас даже на стул садиться брезговал, хотя в той же предварилке и на полу примащивался. Пока же, до выезда, хоть мусор убрать. А то складывалось какое-то гадкое ощущение, даже зараженные на начальных стадиях не такие мерзкие, блевотные, как этот шалман. И средств нет для привлечения наемного персонала. И где их добывать? Хотя посаженные в ноль зрочки Дрона говорили о том, что здесь

пользуется популярностью и что может иметь цену — наркотики.

Из имущества, после конфискации у меня осталась нетронутая только одежда. Остальное методично отметали, даже заказ в Гильдии сняли, забрав жемчуг. Сердце стиснуло, когда увидел своего верного боевого товарища — ПЯ, с которым мы прошли огонь и воду, в руках конвоира. Такая буря чувств — звериная ярость помноженная на глухую тоску, тоску безнадежную, будто потерял друга, не охватывала меня даже тогда, когда я узнал об измене Светки.

Планшет с картами оставили, в нем, в потайном кармашке отыскался плоский ключ.

— Интересно, что у свежака делает ключ от банковской ячейки в Монако? — задумчиво пробасил один из конвоиров.

— Этот «свежак», как ты говоришь, — вступил в беседу второй, — Успел угробить немало муров в рейде с Гранитом, и тот за него лично поручился, еще он крестник Третьяка. Ковбой опять же на суд явился. Ты, вообще, слышал про такое хоть раз?

— Нет, но если Гранит подписался, надо ему хоть что-то оставить, — заявил третий, именно он и командовал парадом, носясь с актом приема-передачи.

— Оставь Ярыгина, — не стал предаваться ложной скромности и ткнул пальцем в пистолет, для лучшего понимания, что я имею в виду, — Память. Жизнь не раз спас. Он с мной провалился в Улей.

— Нет, огнестрел не могу, мужик, пойми правильно, проверять будут, вопросы начнут задавать. А из-за тебя мне проблемы не нужны, будь ты хоть крестником самого Ковбоя. Раз "память" и, вдруг, выживешь, маякну насчет этого ствола Третьяку или Каштану. Окей?

— Спасибо, — кивнул. Лучше так, чем никак.

— Ключ не забираем?

— А на кой он? Смысл? Да на предъявителя ключа обычно ячейка оформляется, но черт его знает.... И еще, ты готов замараться? Потом ведь в Острог не пустят... Нет. Бесполезен он.

Оставили мне ресовский нож, Смола — так звали, заведовавшего реквизицией, научил, как ребенка, мол, говори зарядов мало, вот и оставили, а это пусть и высокотехнологичный, но «холодняк». Десять споранов, мой рюкзак, с которым я отправился в чертов поход в кафе, аптечку со спеком. И всю имеющуюся литературу, начиная от руководства к бронекостюму и заканчивая сводом законов, словно в насмешку.

— Читать будешь, просвещаться, — усмехаясь, пошутил конвоир, — Советую на Законы Острога обратить внимание, чтобы не влипнуть еще раз.

А дальше ожидание. Часа в четыре утра в камеру вошли, одели наручники и...

Нет, в таком дерьме жить нельзя. У нас еще в суворовском среди преподавательского состава ходили бессмертные слова: «Убирать грязь не стыдно, стыдно в грязи жить». Приписывали это какому-то молодому советскому лейтенанту из древнего дворянского рода. В дальнейшем я слышал данную историю во множестве интерпретаций, впрочем, неизменными были две детали — загаженный общественный туалет и представитель древнего рода, зато часто менялась его профессия, а вместе с ней и декарации. Начиная от раскопок где-то в пустыне и заканчивая арктическими далями. Сам аристократ был и геологом, и лейтенантом, и полярником, и сварщиком. Но посыл истории, на мой взгляд, был абсолютно верным.

Чёрта и человека отличает немного. Главное, это то, что первый категорически не хочет следить за собой и за окружающим пространством, оправдывая все тяжелыми

обстоятельствами. В тюрьме такие сначала перестают чистить зубы, потом умываться и в итоге превращаются в презираемую всеми касту. Поэтому, может, мне и осталось жить всего ничего. Но жить я буду так, как я захочу, не мирясь с окружающей действительностью, а меняя ее под себя.

Торговая точка присутствовала в Форпосте, но нам сразу объяснили, не имея средств, в кредит здесь никто ничего продавать не будет. Так как наша жизнь подобна спичке. Подожгли, прогорела, погасла. И затушить могут в любой момент.

Где должно быть обычное ведро? Правильно — в уборной. Оно там и нашлось, эмалированное с инвентарным номером, рядом стояла лентяжкой. Ничуть не смущаясь взял емкость, набрал горячей воды. Посмотрел кругом. Нет, чистящих средств не имелось. Плохо. Но и просто убрать тот срач — тоже хлеб.

— Куда ведро потащил?! — раздался недовольный окрик сзади, — А ну верни на место!

Вот ни позже, ни раньше нарисовался уборщик, среднего роста усатый мужик лет сорока пяти на вид.

— Заселили в сорок вторую. Убирать надо.

— Штрафник, что ли?

Я кивнул утвердительно.

— На место потом поставишь! — не стал препятствовать тот, — И чем ты мыть-то собрался?

В итоге, он выдал мне тряпку, порошок, фейри, вручил и здоровенные мешки под мусор, показав куда их выносить. Душевный дядька, растрогался он моей любовью к чистоте.

За оставшееся время до рейда успел только собрать в мешки хлам. Вышло шесть штук. И как можно загадить такое небольшое помещение? Ничего ценного не обнаружил. Нигде и никуда не закатился жемчуг, да, что жемчуг, споран бы, споран...

Сдвинув кровать, с которой в мешки отравился даже матрас, обнаружил за ней ржавую алебарду — средневековая хренотень, с древком около полутора метров. Небольшой топор с широким лезвием, совмещенный с длинным копейным острием, на обухе стальной крюк. И кучу грязных носков, какую-то одежду. В общем, чуть-чуть разгреб основное, но предстояло еще отмывать и отмывать.

— Эй, чистюля, давай на выход! — раздался голос Дрона.

— Слышь ты, базар фильтруй на выходе, уяснил? — я посмотрел на него, вот полезет в бутылку, сломаю здесь и плевать на все.

— Да, понял, я понял, так бы и сказал, что шуток не любишь, — поднял тот руки в жесте «сдаюсь», а взгляд оценивающий, холодный, так обычно через прицел смотрят. Но почувствовал гнида, что я готов убивать.

— 1 —

Наш непосредственный командир — Герда со своим прототипом — девочкой из сказки Андерсена, наворотившей тех еще дел, пусть и спасая любимого мальчика, соотносилась слабо. Скорее, если рассматривать табель о рангах — она Снежная Королева, но больше всего женщина походила на одноименную немецкую овчарку моего соседа. Поджарую зубастую породистую суку, чей бардак в голове был загадкой даже для хозяина. И взгляд такой же, непонятно рассматривала она тебя с желанием вгрызться в горло или ей хотелось ласки.

Нас, всех новичков, построили возле «Урала», прошедшего стандартную для Улья, модернизацию. Кунг во весь кузов усилен стальными листами, обварен уголками и трубами, прорези узких бойниц. Все покрашено в серо-зеленый цвет. Выбивалась из общей камуфлированной целесообразности изображение огромного черного паука с красными пятнами на спине, а ниже было выведено «Black Widow». Надо же «Черные вдовы».

Пришлось задавить усмешку. Ребячеством это пахло, точнее, несло от таких вывертов жидкой детской неожиданностью. С другой стороны, человек всегда стремился провести черту и желательнее, как можно четче обозначить грань между «нами» и «ими». И кто я такой, чтобы выступать на пути чьих-то желаний, если они меня напрямую не касаются? Вдовы и вдовы, хрен бы с ними, да хоть черноводники или чернорясники.

Острые шипы, торчащие в разные стороны, усиленный передний и задний бамперы, мощные лебедки, зубастые колеса — дополняли картину. Общую же гармонию милитаризма динамично завершал крупнокалиберный «Утес» на хитрой турели, расположенный на крыше. Судя по оптическим приборам, управлялась она из салона. Хотя, наверняка, стрелок, будь у него такое желание, мог использовать и ручной режим. Одна из самых радикальных доработок заключалась в том, что из кабины, не покидая ее, можно было попасть в кунг. А так перед нами находилась обычная и поэтому привычная машина постапокалипсиса Стикса, на которые, за последнее время, я успел достаточно насмотреться.

— Итак, все поняли, наверное, в какое дерьмо угодили? — полувопросительно, полуютвердительно заявила Герда, почти радостно ухмыляясь и заглядывая многим бойцам проникновенно в глаза, — Но вы даже не представляете до конца в какое! Перед нами в этот выезд стоят две задачи. Первая, наши вояки раздолбили из арты небольшую группу зараженных, километрах в семи — десяти от Форпоста, поэтому необходимо их почистить, но здесь вам отводится роль наблюдателей и стажеров. Задача номер два, привезти еды для столовой на наш отряд. Как вы понимаете, за красивые глаза вас никто кормить не будет. Ближайший недавно перезагрузившийся кластер в восемнадцати с половиной километрах. Сразу говорю о правилах, то, что вы берете в рейде попутно — ваше, то, что добываете самостоятельно, например, добыча с лично убитых вами зараженных — ваше, как и любые материальные ценности во время законных выходов. Но, когда речь заходит о чистке тварей уже убитых дронами или артиллерийским, минометным огнем, а также другими средствами, помните, за утаенный споран — сразу вышка. Предупреждаю, чтобы не было недопонимания, после каждого рейда мы проходим ментата. О дальнейших задачах сообщу

позднее, сейчас же грузитесь. И шнель, шнель! — хлопнула несколько раз в ладоши, вышло громко, гулко.

Все полезли в распахнутую дверь кунга по небольшой лестнице вслед за Гайвером. Итого всех вместе нас оказалось четырнадцать человек, плюс водитель и пассажир рядом с ним. Набились, как сельдь в бочку. Вот интересно, куда они продукты грузить собирались, место и самим не повернуться особо, на крыше же никакого багажного отделения? Да и лишний он там, пулемету мешать будет.

Я занял место у бойницы, нагло сдвинув в сторону пролезшего вперед вертлявого мужика, который мне не понравился еще во время выдачи кладовщиком «оружия».

Еще не успели, все занять места, как раздался рык мощного двигателя, а затем автомобиль плавно двинулся с места. К слову сказать, шумоизоляция в салоне была на высоте. Можно было спокойно разговаривать. Герда, усевшись на отдельное сиденье возле перехода в кабину, видимо командирское, что-то тихо говорила в гарнитуру рации.

Обзор из бойницы был плохим, но все же лучше, чем никакой. Вот промелькнул незамеченный мной до этого или прибывший во время отсутствия старичок Т-62, возле которого суетился, судя по шлемофонам, экипаж. Один из веселых друзей показал в нашем направлении средний палец. Нашему водителю? Мы затормозили, ожидая, когда огромные стальные створки ворот отъедут в сторону.

— Эй, все внимание на меня! — прикрикнула командирша, закончив со своими делами. Пришлось и мне отвлечься от созерцания окрестностей.

— Первое, — начала та дальнейший инструктаж, — Хотите бежать? Бегите! Мне, да и никому другому до этого дела нет. Дальнейшая процедура простая, вас вносят в черный список, объявляют в розыск. Как результат, Острог, форпосты, да и другие обитаемые стабы, с которыми у Княжества нормальные отношения, становятся для вас запретной территорией. Это ясно?

— А, если так случится, что, например, вы уедете, а кто-то останется случайно? Всякое же бывает, — надо же, вертун сидел, молчал-молчал, вроде к девкам с разговорами лез, а вопрос сразу задал правильный.

— Тогда вы своими силами добираетесь до двадцать второго форпоста. Затем, проходите ментата и трудитесь во благо Острога дальше. В любых других случаях, если ваша смерть кем-то лично не будет зафиксирована, о чем опять же будет сделана соответствующая запись в присутствии ментата, вы объявляетесь в розыск. С этим ясно?

Кто-то кивнул, кто-то промолчал, у «старичков» на рожах была написана скука.

— Далее, для объяснения вашей диспозиции. Кто не знал, этот Форпост вынесен за территорию ответственности Княжества на сто пятьдесят семь километров. То есть, отсюда до ближайшей башни ровно такое расстояние. Учитывайте наличие рядом Пекла, около тридцати быстрых кластеров в окрестностях, плюс в сорока км отсюда атомная станция. В целом, господа и дамы, все просто, ваш срок отбывания наказания начался с сегодняшнего дня. Отрабатываете его, и с почетом и уважением вас доставляют обратно в Острог, там даются подъемные, кое-какая работа на первое время... Стандарт свежака. Чистая совесть, новая жизнь.

— А сколько мы должны отрабатывать? Есть какое-то определенное количество рабочих дней? В неделю там или за весь срок? — это задала вопрос невысокая чернобровая и черноглазая девица. Худенькая и тоненькая, на лицо такой смотришь — наивное, наивное, глаза глупые-глупые, как у щенка. Как там? Милота? Вот она самая. Только то, что первое

впечатление о девушке далеко неправильное говорил простой факт ее здесь наличия. Могли и по ошибке сюда законопатить, только вероятность такого маленькая. Значит, отбывала, как и все мы. Если зарабатывала бы таким образом гражданство, как я уже понял, имелась и такая практика, то была бы вооружена и экипирована даже из арсеналов Княжества. Здесь же стандартный клевец. Значит, штрафница, отсюда следует простое заключение — внешность обманчива.

— Где-то приблизительно три — четыре выезда в неделю. Все зависит от многих факторов. Может быть больше, может быть меньше. Об общих рейдах обычно сообщается за сутки, чем вы занимаетесь остальное время — никому дела нет. При этом срок отбывания наказания уменьшается. А так... Желание есть — пейте, жрите, расслабляйтесь, гуляйте в окрестностях.

— А что тут какие-то развлечения кроме этого есть? — фыркнула та, — Может быть кино, театр, музей?

— Тренажерный зал, раз, — поднял вверх указательный палец Гайвер, — Тир, два!

— Бар, три! — в тон ему ответил Дрон, и весело заржал.

— Развлечения сами найдете, — не поддержала шутливого тона Герда, — Я вам не нянька и не мамка. Сегодня наш пробный выезд, вряд ли будет особо горячо, а я хочу посмотреть, что вы из собой представляете в обстановке приближенной к боевой, и на что способны.

— На что мы способны? — издал патетический возглас вертлявый мужик, — С ржавым холодняком, рядом с Пеклом?

— Муха, никто тебе не говорил, что будет легко! — жестко так оборвала его речь командир, — Не я совершала проступки, идущие вразрез с законами Острога, поэтому не нужно тут давить на жалость. Среди вас невиновных нет. На этом все!

Я отвернулся к бойнице. Мелькали деревянные, примотанные толстой стальной проволокой к бетонным опорам столбы, часто почерневшие от дождя и солнца, с разрывами проводов. За ними почти сразу лесополосы, скорее всего, для снегозадержания на полях. Заметил одинокий беспилотник, пронесшийся куда-то на запад. Грунтовка была наезжена, нас пусть и потряхивало, но редко, а мелкие неровности большие колеса проглатывали.

Часов у меня не имелось, забрали и не вернули, поэтому определить точное время, сколько мы находились в пути, не представлялось возможным. Может полчаса, а может и чуть меньше. Муха пару раз пытался со словами «дай тоже глянуть», прильнуть к оконцу, но я проигнорировал. Лишь, когда тот завозился, пытаюсь сдвинуть меня, молча, погрозил ему кулаком. Тот проникся и больше инициативу не проявлял. Кстати, позывной ему подходил. Он действительно напоминал муху, большую наглую, суетливую, а еще он очень интересно, совсем по-мушиному часто тер ладони друг о друга.

Водитель, сворачивая направо с грунтовки, не забыл о пассажирах, маневр выполнил крайне плавно, поэтому никого не швырнуло с мест на пол. Затем минут десять — пятнадцать ползли по обкошенному лугу, на котором тут и там стояли покосившиеся темно-коричневые копна сена.

Старички подобрались. До этого сидели в расслабленных позах, тут же и нервное напряжение на лицах промелькнуло. Лишь Герда оставалась, спокойной, как кусок льда в мороз.

— Метрах в тридцати пустышей семь штук, дожирают остатки бывшего пиршества! — высунулась из кабины здоровенная конопатая ряха.

Командир кивнула, что информацию приняла. Машина только начала останавливаться, а девушка уже четко раздавала ценные указания.

— Муха, Серый и Люгер — на зачистку, посмотрим, чего вы стоите. Девушки пока остаются на месте. Мы прикроем, почистим убитых. Вперед, рванина! — выглянула в бойницу на двери, затем ее распахнула одним движением, а лицо вмиг закрыло черное, не дающее бликов, забрало.

Здесь я оказался первопроходцем. Спрыгнул, придерживаясь за ручку на влажную, и оттого мягкую землю. Осмотрелся. Позади обзору мешала машина, зато впереди все, как на ладони. Мельком отметил, что мы оказались на пригорке, внизу, метрах в двухстах, возле излучины небольшой реки, расположилось типичная маленькая деревушка, дворов в двадцать. Раскинулись они широко и далеко. Довольно наезженная грунтовка выныривала, изгибаясь, из-за пролеска в метрах сорока от меня, и петляя, будто ее проложил пьяный тракторист, спускалась к домам. Вот возле дороги на чьих-то остатках пировали зараженные. Высших вроде не видно, обычные себе пустыши, хотя... Вон тот мужик явный уже бегун. Но в целом мелочь пузатая.

Рядом с «Уралом» местность хоть и не напоминала лунный пейзаж, но тут и там черные разрывы воронок в травяном ковре. Черные комья земли, две туши огромных тварей, несколько поменьше. Они напоминали окровавленные куски мяса, и честно глаз радовался, видя такую картину.

Но удивлял и заставлял вращать головой другой факт. Странно, чего это пустыши так осмелели? Ведь, как говорили рейдеры из группы Гранита, да и Цемент, низшие зараженные до колик боятся высших, поэтому даже к мертвым не приближаются. Тут же... Чавкали, хрустели с довольными мордами, да так, что даже до меня звуки доносились. Наш водитель отчего-то, думаю, не от великого ума и отсутствия дисциплины или, наоборот, следуя ей, заглушил двигатель.

Еще одна странность. На появление людей твари тоже прореагировали слабо, глянули искоса и дальше жрать. Обычно они по-другому себя вели. Хотя, все ясно. Я разглядел рогатую коровью голову, когда немного отодвинулся один из зараженных. Вон оно что! Выходит говядинки им так хочется, что плевать они хотели на прошлые страхи и фобии, и мы — обычные или необычные иммунные для них совсем не приоритетные цели, есть вещи и повкуснее.

На осмотр и оценку обстановки я потратил меньше пары секунд, еще не успел на землю спрыгнуть вслед за мной Муха, а я уже точно берсеркер с клевцом наперевес бросился на зараженных.

— Куда?! — только и услышал возмущенно-удивленный голос Герды.

Нет, я не обезумел. С того самого момента, как оказался в Остроге никаких непреодолимо-дебильных, деструктивных ли желаний у меня не появлялось. Все дело в том, что мое внимание привлек один из уже начавших меняться зараженных. До этого он был типичным представителем органов правопорядка, о чем говорила серая форма и узнаваемые очертания отнюдь не пустой кобуры на ремне. Может быть, местный участковый, приехавший посмотреть, как живет тут народ в зоне его ответственности и какие у него чаянья, а может и случайно забредший сюда полицейский из дальних далей. И, как заявила наш непосредственный командир, здесь в рейде, кто первым встал, того и тапки. Завалит бывшего мента, например, Муха, а он обязательно это сделает, и пистолет по праву его, при других раскладах можно было, конечно, и отнять. Но... Но вряд ли мне дадут это сделать.

С другой стороны, семь пустышей — не та проблема, которая могла напугать до дрожи в коленях. Тем более, я вполне сносно овладел своим Даром, то есть всегда можно эвакуироваться, а там и остальные подтянулись бы.

Самый опасный, на мой взгляд, это уже изрядно поменявшийся тощий и длинный мужик, почти превратившийся в типичного бегуна. Удивительно, но вот низших, исключая пустышей обычных, я видел пока довольно мало. Все больше элита и такая, что у бывалых рейдеров поджилки тряслись. Так вот, сидел тот ко мне спиной, часто отпихивал в сторону собратьев по болезни, видимо считая, что лезли те, к чему-то вкусному и наглели не по чину.

На меня, приближающегося почти бегом, внимание обратила лишь бабка в цветастой юбке и в таком же платке, показала довольно крепкие еще зубы, оскалившись. Мол, иди мимо, эта корова наша! Вместе с перепачканным кровью лицом, гримаса смотрелось довольно жутковато.

Я же преодолел разделяющее нас расстояние и с размаха опустил клевец на затылок бегуна, который даже не дернулся в мою сторону. Хруст, заглушаемый общим чавканьем, а я уже рванул оружие обратно. Убитый подался вперед, как-то раскинув руки, и почти любовно, обняв вздувшееся брюхо травоядной скотины. Минус один!

Остальной отряд не заметил потери бойца. К слову говоря, засуетился лишь мент, пытаясь встать оборачиваясь. Но я уже, будто рубя дрова, даже с хеканьем, воткнул и ему в череп острый шип, с которого уже падали капли крови.

С трудом выдернул и отскочил назад. Недалеко, на пару шагов. И вовремя, потому что до этого валовый толстый мужик, объедающий почти оторванную ногу животного, с места прыгнул не меньше, чем на пару — тройку метров. Его маневр успеха не принес, он оказался в каком-то шаге от меня, сидя на корячках. Я же тоже не стал долго думать, а шагнул вперед и обухом в виде молотка проломил ему череп. Отчего зараженный без движения распластался на земле.

Минус три! Пока только вспотел.

Так, где же подмога?

Быстро обернулся. Муха и Серый мялись рядом с Гердой, которая стояла на одном колене и, вжав в плечо приклад автомата не спеша водила головой из стороны в сторону, контролируя обстановку. Обращая больше внимания на пролесок рядом, чем на меня, это я отметил по перемещающемуся стволу оружия. Другие старички возились с убитыми из артиллерии элитными тварями.

Озарение или нет, но пришла мне в голову довольно интересная мысль. Нас не проверяли, нас решили использовать в качестве приманки. Вдруг кто-то серьезный в пролеске засел? Пока мы с пустышами воюем, они и выскочат, наши же «товарищи» при помощи пулемета или завалят их, или же сделают ноги. Ровно, как в поговорке, и овцы целы, и волки сыты, и штрафникам, то есть пастухам, вечная память.

Все это хорошо, но отвлекшись, я пропустил момент, когда на ноги поднялся и довольно бодро зашагал от коровьей туши в мою сторону парнишка. Высокий и худой, нескладный, как шест, одежда болталась ровно на пугале, а за ним спешила такая же девчонка, даже на лицо они были очень похожи. Близнецы?

Отметил, как через тушу в моем направлении перебиралась на карячках женщина, ноги которой запутались в коровьих кишках. Обратил внимание и на то, что одета она совсем не по-деревенски. Дачница?

Лишь старушка продолжала жрать. Жадно и невозмутимо.

Отбежав чуть в сторону, не забывая осматриваться, я встретил пацана ударом клевец в лоб, размахнувшись, куда там лесорубу. Чавкнуло, мне на лицо брызнуло кровью. Уже привычно рванул оружие обратно, но оно крепко застряло в черепе.

Твою же мать!

А девчонка, вдруг резко ускорившись, бросилась на меня, вытягивая длинные руки со скрюченными пальцами. Я отскочил, выпуская клевец из рук, и толкая убитого так, чтобы он оказался на пути твари. Сестра запнулась об оседающее тело брата, но как-то ловко, рыбкой нырнула вперед. Смогла уцепиться в правую ногу и, с невероятной силой для таких тонких рук, дернула меня так, пока нашаривал на ремне нож, что едва не свалился. И веса-то в ней, килограмм сорок! Не больше!

Та же, мгновенно подтянулась и вцепилась зубами в ногу, чуть ниже колена. Я едва не заорал, когда девчушка, пусть и, не прокусив ткань тактических брюк, дернула головой назад, совсем по-волчьи, пытаюсь вырвать кусок плоти. Не знаю, как успел, но выдернул таки из ножен туристический нож, и с размаху опустил острие на затылок твари.

Дрянная сталь в микротрещинах, попав в твердую кость черепа, брызнула осколками в разные стороны. Самый большой застрял в голове и теперь торчал из начинающей облезать шевелюры эдаким металлическим рогом. А девке на такие мелочи было плевать, она вновь попыталась, и, наверняка бы, ухватила меня зубами за ногу. Вот только я уже левой рукой ухватил ее за волосы, она же клацала зубами. Опустил сверху, целя пока еще пустой спорный мешок, рукоять ножа с остатками лезвия.

Миг. И тварь уже сотрясали конвульсии.

Я же тяжело дышал, пот заливал глаза, щипал их. Вытер рукавом.

Женщина-дачница или то, что раньше было женщиной, перебралась через тушу, и теперь продолжала ползти довольно споро в мою сторону. За ней так и тянулись кишки животного. Но опасности она особой не представляла, я, наступив на лицо парня, вытащил, клевец. Затем с разбега, пробил дамочке мощное пенальти. Голова ее дернулась вверх, а затем тело обмякло. Сломал позвонки? На всякий случай еще и сверху граненый шип в голову вогнал. Теперь точно не встанет.

Вот тут и показала умудренная опытом старость превосходство перед молодостью и глупостью. Бабка, невозмутимо до этого жравшая говядину, в одном, неуловимо быстром, стремительном прыжке, прямо с четверенек, перенеслась назад сразу метра на два-три. Только трава в разные стороны полетела! Перекатилась через плечо, споро разворачиваясь, и с низкого старта прыгнула уже вперед. А, затем, раскачиваясь из стороны в сторону, метнулась к пролеску.

Хрен бы с тобой, ведьма!

Нужна ты мне!

Я же бросился, к лежащему без движения, бывшему менту. Воняло от него мощно, густо, только сейчас обратил внимание, что общее амбре, едва с ног не валило.

Сплюнул в сторону, и расстегнул ремень на мертвеце. Тяжелая кобура через минуту оказалась у меня в руках. Пистолет Макаров Модернизированный. Выщелкнул магазин. Вроде бы полный. Еще один, запасной, в специальном кармашке. Итого должно было быть двадцать четыре тупоносых тяжелых патрона. Из ПММа давно не стреляли, по крайней мере, порохом от него не несло, да и почищен был на совесть. Любил его бывший хозяин, лелеял. На всякий случай, морщась от запахов, обыскал тщательно полицейского. Больше полезного при нем ничего не имелось.

Но и так отлично!

Тыльной стороной ладони утер со лба пот. Вся рука в крови. Отчего-то пришла мысль, что обязательно очки надо добыть. Тактические, хорошие, как у меня были. Иначе любой мелкий осколок и прощай зрение.

Странно, я ожидал разнос от Герды, но она только хмыкнула и ничего не сказала. Дрон гоготнул, Гайвер посмотрел одобрительно, лишь злобно-завистливый взгляд Мухи говорил, что не все радуются моим приобретениям.

- Грузимся, — скомандовала командир.

Мое дело маленькое. Поэтому я одним рывком забрался внутрь салона и уселся на свое место. Душа же пела и радовалась. Не обращая ни на кого внимания, принялся пристраивать кобуру на ремень. Не прошло и пары минут, как погрузились и остальные. Девушки смотрели с любопытством, но вопросы не задавали. «Урал», плавно развернувшись, поколесил вновь к грунтовке.

— Сколько их было? — обратился к Герде конопатый, который опять высунул свою немаленькую будку из кабины. Забрало на шлеме девушки тут же раздвинулось, она же ответила бодрым голосом.

— Два элитника, один рапан, пара кусачей, кто-то еще из мелочи — конкретно уже не разберешь. Положили ровно в кучу. От коров много ошметков осталось, поэтому вполне возможно на обратном пути придется заворачивать, очередной облет, вроде бы через час...

— Да вряд ли, — отрицательно мотнул головой Дрон, — Если по кустам какие из низших и заныкались, то кто на них ценный боеприпас тратить будет. Основная же масса сейчас мигрировала в Городецк, он вчера днем должен был на перезагрузку уйти.

— Слабо как-то получилось, — прокомментировал Гайвер, — Обычно больше.

— Слабо не слабо, а место отличное! — ответил ему Дрон, Герда же молчала, — Как часы, пусть и немного, но всегда перезагрузка — коровы — банда тварей — добыча. И нам почти никакого геморроя. Везде бы так.

— А дальше какие задачи? — решил задать вопрос я.

— Еще раз так сделаешь — задача у тебя будет одна, работать моей грушей, — Герда зло посмотрела на меня, — Пока приказ не поступил, стоишь, ждешь. Ясно?

Я кивнул, та же уже вполне спокойно продолжила.

- Дальше поедем добывать пропитание. Там дел не особо много... Конечно, жратва это попутно, главная наша задача — привлекать к себе всеобщее внимание.

— Всеобщее внимание? — переспросил.

— Ага, именно так.

— Как это именно так? — влез Муха, предстоящее дело не только мне стало нравиться все меньше и меньше. Вот и он уже позабыл про мой пистолет, честно добытый, на который поглядывал с алчным блеском в глазах, на меня же с плохо скрываемой ненавистью, будто его личное оружие отнял. Но... Перетопчется.

— Вот так! — вступил в беседу, молчавший до этого парнишка, которого я определил, как хахаля Герды. Он во время операции по чистке зараженных и моей славной битвы стоял в дверном проеме кунга пулеметом «Печенег» буллпап, прикрывая возможный быстрый отход группы, — Стандартная работа. Помогать будем ученым или же добычкам каким, чтобы им можно было работать спокойно, не отвлекаясь на всякую херню. Они неподалеку, мы же будем шариться в позавчера утром перезагрузившимся кластере, шуметь. Может пальцем пару раз в воздух. Все, кто поблизости на огонек и подтянутся. Понятно?

— Кто подтянется? — сделал страшные глаза и как-то гортанно спросил Муха.

— Да кто угодно, — усмехнувшись, ответил тот, — Твари, муры, но те скорее исключение, а вот атомиты там рыщут постоянно. Банды порой до двух десятков рыл, могут и до мотострелковой роты количество догнать.

— Кто такие атомиты? — это я вновь вступил в разговор.

— Ты не знаешь? — в голосе мужика послышалось удивление.

- Не знаю. Кто такие атомиты? Будь так любезен, введи в курс.

— Да про атомитов знают все! — категорично заявил тот, — Что ты меня лечишь?! Или действительно не знаешь? Стебешься?

— Не знаю!

— Атомиты, это те, кому не повезло. Мы же иммунные от радиации мрем, как мухи, тут же недалеко раз в три месяца полноценное АЭС грузится. Вот и подумай сам!

— Что подумай? — чуть раздражаясь, ответил я, Все ведь просто, желание есть — отвечай, нет, пошли на три буквы и занимайся своими делами. Но балду крутить — вот самое паскудное.

— Рейдеры это, только под действием радиации в таких уродов превратились... Тут намедни прихлопнули одного, а у он в халате и на жопе типа бугор. Бугор на жопе, да здоровый такой! Понял, да?! Халат сняли посмотреть, а там... Ты не представляешь, что там! Как вспомню, блевать тянет, даром видел почти все! Но девкам, наверное, в радость такой фрукт! Херов шук двадцать у него на жопе росло, от совсем конских, до маалюююсеньких, вот таких, — развел тот большой и указательный палец сантиметра на три, — И два яйца, чисто, как у страуса. Огромные, синие, с прожилками! — тот показал наглядно какие, выходило и слону на зависть, — Чуть ниже жопы болтались. А спереди нормально все — мужик мужиком, пусть и звезд с неба не хватал, но... Смотришь вот на такое, и жуть берет! Понял?

— Так они все такие?

— Нет, не все. У одного может быть три глаза, у другого сопля какая-нибудь и не только под носом. Всякие есть, короче. Мутации такие порой встречаются, в страшном сне не приснится. Или вот еще, прозрачный нарост на башке, как гриб, а в нем понял, мозги, и так шевелятся, — тот опять показал на пальцах их движения, — Типа думает. Умник, мля! Только херово получалось. Но объем приличный, я тебе скажу, — с ведра три. Чисто гении! Эйнштейн на эйнштейне! Только таких или похожих на них, я лично, с пяток видел. А вот херозадый пока один попался. Мы его даже сфотографировали. За фото нам из КАНа по паре рубликов капнуло. Понял?

— А чем они опасны?

— Да всем! Ты, действительно, откуда парень? — это уже Серый вмешался, — Что про атомитов не знаешь?

— Свежак он, — отчеканила Герда, — В первый день в Остроге сразу завалил троих. Из них двое граждан — он им контроль провел.

— Мур что ли? — даже подался в сторону Муха, а в глазах ярость блеснула, и отодвинулся ловко, чтобы с такого ракурса сподручнее было нож в брюхо засадить. Надо же, если разбираться — все мы на строгае, то есть, особо опасные преступники, но не муры. Честные, мля.

— Был бы мур, на коле бы подышал. Наш он, обычный редейр, только заблудился немного, потерялся в наших реалиях, но мы же не звери, вернем на путь истинный. Укажем,

покажем и научим! — подмигнула мне Герда.

Вот нравилась мне эта девка. Крепло желание взять ее нежно за голову, и об угол пару раз приложить. От всей души. До просветления.

Дорога петляла, затем мы поднялись на высокую насыпь грейдера, здесь уже пошел отличный асфальт. Скорость увеличилась.

— Атомиты же, — Герда немного задумалась, — Обычные иммунные, которые под действием радиации и мутируют со страшной силой, и деградируют. Хотя не так, как твари. Стрелковой могут пользоваться, гранатометами и прочим, что особо много мозгов не требует. Воюют пусть не особо умело, но часто с огоньком. К жизни своей относятся порой крайне наплевательски. Поэтому держи ушки на макушке. И, приказы мои выполняем четко и в срок, как в армии. Это ясно?

Обвела она всех хмурым взглядом. Мы промолчали, повисла тишина. И тишина недобрая такая, зловещая я бы сказал, тишина. Каждый только сейчас начинал осознавать, как мы все влипли. Куда тем мухам! Но, как обычно, круче всех только я. Полгода срок. А жить мне осталось три месяца. Вот такая интересная математика.

— 2-

Раньше это был небольшой провинциальный городишко, с количеством жителей вряд ли превышающим сто тысяч. Вот его треть и очутилась в Улье не далее, чем трое или четверо суток назад. Частный сектор, пара новеньких микрорайонов с девятиэтажными зданиями. Щедрая россыпь еще с советских времен пяти, двух и трехэтажек.

Раскинулся городок рядом с живописным озером, с крутыми часто скалистыми берегами, на которых росли сосны, причудливо изгибаясь и цепляясь корнями за выступы. На темно синей водной глади зеленело множество островков и островов. Их покрывал или ивняк, или какие-то лиственные деревья. Определить точнее с такого расстояния, учитывая постоянно меняющийся ракурс, не представлялось возможным. На берегу, на холме церковь с блестящими куполами и крестами. С колокольни, скорее всего, просматривались все окрестности.

Особой активности от зараженных никто из старожил не ожидал. Кого нужно подьели, кто-то переместился дальше, твари тоже не из глупых, сидеть и ждать у моря погоды в пустом кластере — желающих не имелось, учитывая, что им приходилось жрать куда больше, нежели обычному человеку. Да и предварительная разведка с воздуха беспилотниками вселяла нездоровый оптимизм в того же Муху. Впрочем, я никаких иллюзий не питал.

Это Стикс, а здесь обстановка могла поменяться в любой момент. Вроде бы тихо-тихо, а тут раз... и здравствуй, Орда! Близость к Пеклу делала возможными все варианты развития событий. В наши же задачи входило именно шуметь, вести себя беспечно, то есть повышать в разы риски быть обнаруженными зараженными и, пока еще невиданными мной, атомитами.

Сейчас мы, заехав в город, свернули с главной дороги, причиной, как ни странно выступил я.

— Герда, есть вопрос, — обратился я к командиру, сразу после разговора про радиоктивных ублюдков, дождался, когда та заинтересованно посмотрела и кивнула, типа на связи, — Если я себе подберу транспортное средство, это ничего не нарушит?

— А зачем? — вопросом на вопрос ответила девушка, глянув на меня так, как обычно умудренные опытом учительницы смотрят на проштрафившихся учеников начальных классов, уверяющих, что домашнюю работу они выполнили, вот только обстоятельства не позволили ее предоставить.

— Нужно сделать ремонт в том гадюшнике, куда меня заселили, разжиться кое-какими вещами. Привезти мебель, диван, да и многое по мелочи. А то сейчас такие условия, даже у нерадивых хозяев свиньи лучше живут, — и попенял, и ничуть не соврал, добавил в качестве основного аргумента, — Но, если все это можно будет погрузить сюда, то мне лучше.

Герда, кивнув, задумалась. Остальные промолчали, лишь Муха снова одарил меня злым взглядом. Манила его и приковывала кобура на моем бедре, словно, там не ПММ находился, а мегабластер, способный элиту дырявить за здравствуй.

— Да, командир, нам бы еще оружием где-то разжиться. Хоть арбалетами! И то хлеб! —

выступил Серый, — А то, как демоны какие-то!...

— Не гони коней, бродяга, — осклабился Дрон.

Я решил обустроиваться в Башне нормально, основательно. Вполне возможно и зря, может, и погибну завтра или даже сегодня, но с другой стороны, жить так, как мне отвели? В гадюшнике? Тем более, когда фактически все необходимые ресурсы под боком? Нет.

Кроме этого мой «ремонт» убивал сразу двух зайцев. Во-первых, мне необходимо было обзавестись каким-то транспортом, выяснить обстановку, местоположение, а потом валить отсюда. Куда? Пока в Монако. Да, подобные расклады не нравились. В Острог я влюбился с первого взгляда. Жаль, что он взаимностью не ответил. Или, наоборот, ровно по поговорке, бьет, значит, любит?

Еще не хотелось перекрашиваться из честных рейдеров, в не менее честных муров. Но желания побоку, сейчас речь шла о выживании. Чертов Цемент, вероятно, перехитрил всех. Подготовился к уходу основательно. Перетащил жемчуг в муровский стаб, не зря же со своим чемоданом на КПП засветился. Ключ от банковской ячейки вполне себе явно свидетельствовал об этом варианте развития событий. Не верилось, что кто-то будет держать хлам в таком богоугодном заведении. Мне же необходимо, добраться до его сокровищ. И попробовать их как-то обменять на белую жемчужину.

Второй убиваемый заяц — усыпление бдительности нашего командирского состава. Да, я слышал, так как не глухой, что Герда предложила всем делать ноги, коль есть желание. Однако, на мой взгляд, все было не так безоблачно. Например? Удрать вы можете, вот только и мы будем вас ловить, получать премии. Возможен такой вариант? Конечно! Так вот, меньше подозрений вызывает тот, кто обживается всерьез и надолго. Замыслившие побег обычно плюют на бытовую сторону вопроса, ведь они уже где-то там в будущем, попивают уиски в шезлонге, глядя за горизонт, а здесь, в настоящем, можно и потерпеть, и перетерпеть. Домовитые же товарищи к побегам не склонны, так как им зачастую просто жалко бросать все непосильно нажитое, и то, к чему они приложили руки. Вещи привязывают порой сильнее чего-то другого, я абсолютно солидарен с мыслью, «что лишь утратив все до конца, мы обретаем свободу».

— А тебе какая машина нужна? — посерьезнел Дрон.

— Пикап или большой джип. Можно и грузовичок, но с такими дорогами, лучше что-то проходимое взять. Мне ведь не на один раз, хочу и дальше на нем кататься. Говорю же, я здесь на полгода, и жить, как скотина не собираюсь.

— А у тебя большие планы, — позволил себе хохотнуть Муха, Серый тоже осклабился, — Тут бы день прожить, да ночь продержаться.

— Я не против — держитесь, — односложно ответил, сдерживая порыв резко на выдохе локтем сунуть в мерзкую рожу. Ну, не нравился он мне, вызывал стойкую антипатию.

Девушка, видимо, решала какую-то непростую дилемму, а может уже и позабыла о моем вопросе. Лицо отрешенное, вроде и не с нами, а где-то далеко-далеко. Когда я уже решил напомнить о себе, Герда неожиданно вскинулась. Посмотрела мне прямо в глаза, ухмыльнулась, и вот, что интересно, ничего доброго не было в этой, на первый взгляд, милой улыбке.

— Понятно. Что я тебе могу сказать? Ваши желания для нас закон! — она обернулась к пулеметчику, — Здесь ведь где-то Валик брал себе Форанер? Никто не помнит?

— Да, тут, — мужик задумался, — Ангел должен знать точное место, да и Малыш. Я приблизительно только, мы тогда на двух машинных были, но по пути к «Пятерочке», там

они с дороги где-то съезжали.

— Люгер, Фораннер подойдет? Подготовленный к покорению бездорожья, почти новенький, любил его владелец, готовился, но, к твоей радости, не успел поучаствовать в пакушках, и раздолбить этого красавца. На крыше мощный багажник, куда грузить не перегрузить, огромный салон, даже установлена рация. Вот хоть убей, марку ее не вспомню, а так там продуманно все до мелочей, даже крюки внутри под оружие имеются. А диван такой получается, закачаешься, — на последнем предложении ее голос сделался мечтательным, томным, а девушка хитро так посмотрела.

В чем подвох, сука? Зачем обозначила, что неплохо знакома с машиной изнутри? С другой стороны, любая женщина непонятна по своей сути. Мужские тараканы логичны и ходят прямо, прекрасной половины же шныряют туда-сюда, из угла в угол.

— Вполне устраивает, — ожидаемо ответил я.

— Тогда первая остановка там, моторизируем Люгера и двигаем дальше, он пойдет прицепом. Двигаемся к центру, там и магазинов всяких полно, приборавлишься, — отдала она приказ для всех.

Твою мать, я ожидал преодолевать сопротивление: «А зачем?», «А почему?», «А не в побег ли ты собрался...». Уже придумал сотню доводов «за», как и самый простой, возьму, что мне необходимо сам, без всякого величайшего одобрения начальства. С другой стороны, что я знаю? Уверен, не просто так мои звезды сошлись. Значило же это одно, такие заявки укладывались в общие какие-то цели, уверен, только часть которых была озвучена. Более того, они не просто укладывались, а должны были сыграть определенную роль. И сразу же возник вопрос, а так ли мне нужен отдельный автомобиль? Необходим!

— Командир, что за дела? Пока мы туда-сюда ездить будем, тут все кому не лень соберутся! Скажу больше, надо ведь еще и в магазине продукты для столовой загрузить, — Муха уже освоился и обозначил протест, — И что, он такой особенный, ему и пистолет, ему и машину. Может мы еще...

— Разговорчики! — неожиданно резко выплюнула Герда, обрывая нытика, — Мы здесь как раз за тем, чтобы шум создавать. Или что-то непонятно?

— Да, я чего? Я ничего, — сдал тот назад, — Надо, так надо! Но как мы грузить будем для столовки продукты, если твари попрут или атомиты полезут? Все же просто, грузимся и занимаемся по плану делами всякими, чтобы потом без жратвы не остаться, когда прижмут. За нами ведь не Москва? Мы же здесь не насмерть встанем?

— Не Москва. Не насмерть. И ничего мы грузить не будем, все уже должно быть загружено до нас. Там фура с прицепом, завоз был, когда у них перенос произошел. Ее и заберем. Всегда так делали.

— Могли бы тогда и покормить в Башне, — высказался вполне справедливо Серый.

— Сытое брюхо к ученью глухо! — заявил Дрон и заржал, пулеметчик хмыкнул.

Типичная улица частого сектора российского провинциального городка. Где рядом с вычурными коттеджами, строительство которых обошлось не в один миллион вечнозеленых, соседствовали гнилые развалюхи, построенные еще в начале прошлого века и стоившие в десятки раз меньше, нежели земля под ними. Покосившиеся, почерневшие, с облупленной краской заборы упирались в трехметровые из красного кирпича, с затейливой ковкой поверху.

«Урал» остановился возле гаражных ворот огромного особняка, напоминающего замок. Башенки и башни, затейливые флюгеры. Черепичная крыша. В общем, так здесь себе

представляли жилище для состоявшихся людей. Приказав всем оставаться на местах, Герда жестом показала кому на выход. Из кабины выбрался мужик поперек себя шире, чья здоровенная рыжая будка, вот подходило это определение к такой роже, до этого показывалась в салоне. Похоже, это и был тот самый Малыш, на Ангела хитрое даже прохиндейское лицо не походило ни капли. Одет он был от лучших домов Улья, то есть наколенники и налокотники, бронижелет, и где нашли на такую тушу? РПСка с банками для ПКМа, который в руках этого деятеля, смотрелся игрушечным. Голова не покрыта, космы огненно-рыжего цвета, про такие говорят, что от них прикуривать можно. В общем, колоритный тип, учитывая рост за два метра, и вес со всей амуницией под два центнера.

Пока я выбирался вслед за этой честной компанией, ворота, поднимающиеся вверх, уже вскрыли, открывая нутро гаража на три машины.

Тайота Фораннер — сама по себе немаленьких таких габаритов. Тут же... Сразу в глаза бросались огромные широкие колеса, внушительный даже для внедорожников клиренс. Дальше взгляд упирался с этого ракурса в массивный кенгурятник, не обычная изогнутая труба, а специальный каркас, защищающий полностью морду. Крюк лебедки на мощном тросе. Веткоотбойники, шноркель. Дополнительные фары над передним бампером, еще и сверху на багажном отделении целый ряд. Справа за дверцей пассажиров лестница, позволяющая без всяких проблем забираться наверх и укладывать или кантовать грузы. По обеим сторонам багажника на крыше по лопате. Сзади еще одна лестница на силовой калитке рядом с запаской. За ней на специальных креплениях две канистры двадцатки от которых ощутимо пахло бензином. Над мощным задним бампером серьезного вида лебедочный крюк с тросом. Это я отметил, как человек, никогда тюнингом машин для преодоления бездорожья не увлекающийся.

Автомобиль «внушал». И сразу такая мысль возникла: «Он мой! Никому не отдам!», а также как его можно доработать, чтобы перемещаться по Улью, пусть и с опаской, но, в целом, вольготно. Ключи, кстати говоря, нашлись здесь же над длинным пустым верстаком. Их мне вручил Малыш. Еще раз удивился его статьям. Мужик был не просто здоровым, он был огромным. Мало встречается людей, на кого мне приходилось смотреть снизу вверх. Вот Малыш был из таких. Настоящий былинный богатырь, если забыть об рыжей шевелюре. Викинг, наверное.

Я забрался в салон, вставил ключ в замок зажигания, повернул, ожидая какого-либо подвоха, мол, забыли сказать, он сломан. Но стартер бодро крутнул двигатель, тот охотно рыкнул, отзываясь, и заурчал, заурчал. Бак полный. Отлично! Оставил прогревать мотор. Стал осматривать внимательно гараж. На предмет, чего бы взять. Но тот был почти девственно пуст. Да, рядом стояла БМВ последней модели, а еще одно место оставалось пустым. Уехали на еще одной машине? Неплохо тут жили, неплохо. Вот тебе и провинция, последних ежей без соли доедает.

— Ну, как тебе авто? — Герда посмотрела мне внимательно в глаза.

— Время покажет.

— Давай двигай тогда за нами.

— Я бы в доме осмотрелся, — резон мой был прост, обычно любители покатушек, обладающие деньгами, к стрельбе относились тоже положительно. Поэтому вполне возможно, в доме обнаружится оружейный сейф, набитый доверху самым необходимым для меня.

— Нет там ничего полезного. Думаешь оружием разжиться? — сразу поняла, куда я

клоню, девушка, — Давно все проверили. Сейф, как сейчас помню, есть. Здоровенная дура, мы как-то кучу времени убили, думали оружие нормальное. А там «Мурка» одна, да две или три пачки патронов к ней. Вроде бы травмат еще был или газовик. Точно не помню, зато помню, как матом мы тогда крыли все и всех. Задел у нас был на ограбление банка, выхлоп же на два — три спорона. Ну, пусть на пару горошин. Кошкины слезки, да и только. Если бы Там такого хомяка ограбили, — кивнула она куда-то назад, видимо так обозначая направление старушки Земли, и привычных для нас миров, — То овчинка выделки бы стоила — золото, бриллианты, деньги пачками. Но нам-то не они нужны, этого дерьма в любом банке или магазине набрать можно.

— Тогда тем более зайду. Я быстро.

— Что медвежатник?

— Ага, есть немного.

— Даю десять минут. Малыш сходи, покажи. Время пошло!

Дверь с парадного входа была в лучших российских традициях из стали с облицовкой под дерево. Однако задние оказались обычными деревянными, которые Малыш вышиб одним легким пинком. Складывалось такое впечатление, что неизвестные хозяева только планировали заселяться, в некоторых комнатах мебель полностью отсутствовала, в остальных ее было по минимуму. Однако кухня уже отлично обставлена новейшей техникой. По широкой лестнице мы поднялись на второй этаж. Затем оказались в нужной комнате, где, похоже, планировался введения в строй рабочий кабинет.

— Вон он! — ткнул здоровяк на массивный железный ящик, который я заметил сразу, едва только переступил порог. Да и трудно бы было не заметить, так как пока из мебели здесь наличествовал стол с монитором, заваленный бумагами, кресло и сейф.

Увидев у меня в руках ресовский боевой нож, Малыш огорченно вздохнул, я так понимаю, он желал вживую лицезреть работу медвежатника. Уже, наверное, представлял потирая ладонищи, как я достану из широких штанин стетоскоп, буду стучать пальцами, и с умной рожей подбирать шифр, беззвучно шевеля губами. А тут два реза и массивная дверца, куда той плите, едва не придавила мне пальцы на ногах. Если бы не отпрыгнул, то закончилось бы все плачевно.

Действительно, внутри нашлось обычное себе помповое ружье МР-153, самое простое. Ложе и цевье — орех. Обычный брезентовый ремень. Почему-то мелькали подспудные мысли, что помповик будет точно так же, как и Фораннер, проапгрейден до неузнаваемости. Ровно три пачки патронов — одна с пулями, две с картечью по десять шгук в каждой. Никаких приспособлений для чистки оружия не нашлось, хотя ружье, как говорится, блестяло. Но и это хлеб. Да, еще какой! Газовый пистолет или резинострел отсутствовали.

Сразу же набил магазин, передернул цевье, и добавил еще один патрон. Остатки от пачки растолкал по карманам, еще и коробку с пулевыми вскрыл. Последнюю с картечью сунул в рюкзак за плечами.

Настроение скакнуло до небес. Надо же, три дня назад кто бы мне сказал, что я обрадуюсь до глубины души самому народному, как поговаривали некоторые, ружью в России, и слабенькому ПММ... Не поверил бы! У меня задачи были, выбить себе РПГ-26 (Гранита, а также размышления, возместят или не возместят ВАЛ, покореженный в бою с тварями. Но опять же и без этого, у самого имелся целый арсенал, на любой вкус. Начиная от банальных калашниковых и заканчивая ресовской винтовкой.

Теперь же держал в руках «Мурку», а душа пела. Мурчала душа! Просто надо это

прочувствовать, все же Улей — это не Бродвей, здесь от наличия оружия зависело твое выживание, без него себя чувствуешь не просто неполноценным, а возникает некое ощущение обреченности, что ли. Беспомощности. Тот же клевец — годился только для борьбы с низшими, да и, вообще, не считал подобные вещи за оружие. Привык как-то к огнестрельному, настолько, что никакой арбалет, пусть самый мощный не сравнился бы в моих глазах с простеньким ПМ. Мозг понимал, что иные луки и арбалеты не уступали по мощности той же винтовке, но сердцу, не прикажешь. Не лежало оно у меня ко всей этой «бугафории». И да, как там? Господь Бог создал людей сильными и слабыми, а мистер Кольт уравнил их шансы, — американцы знали толк в хороших и емких изречениях. Сейчас же я вооружен, моторизирован и...

— Чем тебя Герда подкупила? — прервал мои размышления Малыш.

— Ты про что? — не понял вопроса я.

— Ну, — протянул тот, и даже покрутил ладонью, — На Форик?

— Что на форик?

— Ну, за руль фораннера усадила, — почти по слогам, как для умственно неполноценного произнес тот.

— Я сам попросился.

— Сам? Да... И как оно?

Я пожал плечами, мол, понимай, как знаешь, будь он мне знакомый, расспросил бы. Впрочем, угадал с реакцией.

— Нет, Люгер, пойми правильно, вас адреналинщиков, я уважаю. Не понимаю, конечно, но уважать уважаю. Мороз у вас в башке лютый, но кто, если не вы? Главное, когда от тварей уходить будешь, всегда старайся делать так, чтобы не на одной линии с ними быть, я, когда за гашеткой, особо не разбираю. Ты уж, извини.

Вот и приплыли. Но честный парень, а Герда сука!

Когда я выходил из кабинета, неожиданный недовольный стрекот привлек мое внимание. Станный звук. Одновременно напоминал и птичий, и какой-то крысиный. Попугаи иной раз так орали. Обернулся к Малышу, тот тоже застыл, настороженно прислушиваясь. Меня изумила перемена, вот недавно передо мной был добряк-здоровяк, эдакий деревенский мельник или булочник, а тут тролль. Здоровенный, рыжий, злющий и косматый. Да, неудобно с пулеметом здесь маневрировать. Викинг же, сначала приложил указательный палец к губам, приказывая сохранять молчание, перехватил удобней ПКМ, и мотнул мне головой, показывая, мол, давай вперед. Я не спешил. Ткнул в гранату на его РПСке, показал, что она мне нужна. Тот отрицательно мотнул головой, оскалился и вновь приказал двигаться по коридору.

Вот, сука! Я вжал в плечо приклад ружья, тоже с таким по помещениям не походишь. Готовый палить на любое движение, медленно и осторожно, стараясь ступать бесшумно, пошел по коридору в направлении звука. Стрекот на несколько секунд смолк, воцарилась звенящая и зловещая тишина. Быстро обернулся. На лбу напарника выступили бисеринки пота. Тоже нервничал. Но с другой стороны, на урчание зараженных это не походило. Хотя мало я про них еще знал.

Закрытая дверь, из-за которой стрекот раздавался еще сильнее. Что за херня?

Напарник же показал, открывай, сам приготовился. Вот идиот, увешан, как новогодняя елка гранатами, нет, закатить одну, а потом уже с остальным разбираться. Впрочем, зачем зря боеприпас ценный тратить, когда тут есть под боком смертник вроде меня, если, что

первым под раздачу попадет, а рыжий может или отступить или вместе со мной изрешетить. Как он сказал «я, когда за гашеткой, особо не разбираю. Ты уж, извини». В общем, на кого Бог пошлет.

Медленно-медленно, повернул круглую, теперь и у нас, как в американских боевиках, дверную ручку, а затем резко, дернул ее на себя, смещаясь, как можно дальше. Рыжая молния метнулась ко мне, я едва не выстрелил в ее сторону, при этом так получилось, что именно нахождение Малыша на линии огня, смогло удержать палец. А то бы потом вряд ли удалось доказать, что не специально. Да и здоровяк едва не пальнул от широты души, но уже по мне.

Как оказалось, виновник наших страхов — небольшой зверек, с сильно вытянутым телом. Хищная и хитрая маленькая усатая мордочка. Окрас рыжий с белым. Был ли это хорек или горноста́й, а может ласка — я не знал, в таком зоопарке не разбирался. Сейчас животное, сидя на задних лапах, что-то торопливо и недовольно выговаривало именно мне, показывая вполне внушительные, для такого миниатюрного создания, клыки.

— Ништяк! Кто это? — спросил у меня рыжий, чье лицо вновь обрело довольно-дебильное выражение, но осмыслить увиденное пытался, о чем говорили собравшиеся на широком, пусть и низком лбе, морщинки.

— Я, что на зверолога похож? — ответил, злости на этого урода было много, вот ведь рысь какая, под молотки хотел подвести. И не пикнешь особо. Сам же сюда вызывался. С другой стороны, мурка, моя мурочка, ты мой муреночек!

— Классный зверь, себе возьму, пусть крыс ловит! — уведомил меня Малыш и потянул грабли к горностаю, ласке или хорьку. К животному, короче.

И тут же заорав, отдернул руку, брызнув в разные стороны кровью. Хищник кусанул тролля за обнаженные кончики пальцев! Допонтавался штурмовыми перчатками, но последнее — это я из зависти, да из-за нее родимой, кроме одежды, что была на мне, больше у меня ничего и не имелось. Между тем этот хорек или еще кто, угрожающе застрекотал, затем ловко забрался по моей штанине. Перебрался на куртку и оказался на правом плече, откуда принялся опять, похоже, рассказывать Малышу про его родословную.

— Да, я тебя, урод! — взревел придурок, вскидывая словно пушинку, ПКМ и наводя его на зверька, которого можно убить и из рогатки. Мозги у рыжего, если и были, то всякие позвоночные, головной точно ушел в мышечную массу и хитроподлость. Мне же было не по себе, заглядывая в черный провал ствола, готового выплюнуть пулю калибра 7,62.

И боевой товарищ мог легко выстрелить. Ведь кто я для него? Очередной смертник, он же зарабатывал гражданство, судя по экипировке.

— Успокойся, Малыш, зверь мой, — четко выделяя каждое слово, заявил я, глядя рейдеру в глаза.

Тот посмотрел на меня, как будто с ним заговорил предмет мебели. Хмыкнул, покачал головой, сплюнул на ковровую дорожку. И, развернувшись, молча потопал к лестнице, махнув мне рукой, командуя, давай двигай следом.

Зверь же снова стрекотнул прямо в ухо, чуть оглушив, ловко перебрался с правого плеча на левое. Опять что-то высказал, очень напоминающее матерную тираду.

— Давай вали уже, освободили тебя, вот и будь свободным! — возиться с ним не хотелось. Да и кто это вообще такой, что он ест, как за ним ухаживать?

Но тот никуда не собирался, наоборот, вцепился лапами в плечо, напоминая истину Экзюпери, про ответственность за тех, кого приручили или еще за что-то, а, может, великий писатель вообще ничего такого не говорил. Однако не зря всегда отмечала Светка, что меня

любило всякое зверье и дети. Жаль, что бескорыстно только они. Остальных же отчего-то интересовали только деньги и возможности их заработать или получить с моей помощью.

— Укусишь, здесь оставлю! — пригрозил я, глядя голову зверька, он или понял речь, или руководствовался чем-то другим, но агрессии не проявлял, — Ладно, возьму тебя с собой, животное. Имя пока не заслужил.

Тот только прищурился, да так хитро-презрительно, мол, кто бы тебя еще спросил, человечешко?

— 3-

Личный автомобиль — это свобода. Свобода от всего. Так, по крайней мере, утверждали многочисленные рекламные ролики. Вот только я ни капли не чувствовал «всеобъемлющего восторга». Да и особого подъема настроения не наблюдалось. Может, дело было в том, что вперед не убегала за горизонт пыльная лента дороги или не рассекала мир на две половины черная блестящая асфальтовая полоса, а маячил грязный, в пулевых отметилах, вмятинах и царапинах усиленный, шипастый, бронированный зад «Урала», отлично вписывающийся в помертвевший городской пейзаж.

Чернели хищные провалы окон, казалось, что там, в глубине, обязательно притаился кто-то злой и вооруженный, наблюдающий за нами, взвешивающий на своих весах, стоит или нет тратить заряд к РПГ или винтовочный патрон. И пока нас спасала банальная алчность этого анонима. Мелькали брошенные тут и там автомобили, часто образующие пробки, которые мощный грузовик, куда там тому ледоколу, вальяжно раздвигал в стороны, чуть снижая скорость. Яркими завершающими мазками в общей картине наставшего Апокалипсиса служили выбитые стекла витрин, мусор, таскаемый ветром, недоеденные почему-то человеческие останки, да белеющие кости на тротуарах и проезжей части.

Сама атмосфера давила, плющила, заставляла постоянно вертеть головой, озираться, всматриваться в боковые зеркала. И нет-нет, а казалось, что там, когда ты отрываешь взгляд, мелькает что-то недоброе, злое.

Разница в ощущениях и восприятии, когда ты двигаешься точно по таким же улицам, но в окружении других людей, на которых можно положиться, вооруженных и закаленных Ульем, и когда ты двигаешься один, на свой страх и риск, была огромной. Даже непомерно огромной. Все-таки человек существо социальное. Как там? Вместе и батьку бить веселей? Абсолютно точно. Сейчас же нервы натянулись струнами, готовые взорвать тело зачастую дурацким действием, ведущим к гибели. Например, вдавить газ вместо тормоза или наоборот, тормоз вместо газа. Идея о личном автомобиле уже не казалась столь здоровой. Но... Я понимал — дело привычки, а вырабатывается она практикой, и только практикой.

В царившей вокруг тишине звук двигателей двух мощных машин, был слышан, наверное, за десятки километров. Он, отражаясь, от стен домов, в одночасье ставших безжизненными, разносился повсюду, проникал в каждый уголок, кричал, верещал ли, восторженно и призывающе: «Кушать подано, господа!» Осталось только дожидаться, кто прибудет первым на зов — зараженные или загадочные атомиты, а может и все вместе.

Еще ощутить себя свободным в полной мере мне мешал ствол крупнокалиберного пулемета, который сноровисто вертелся на турели, часто посматривая на водительское место Фораннера. Отчего порой холодок нет-нет, и пробежал по спине. Малыш действовал или по приказу Герды, нагоняя жути и показывая, что я под присмотром, или развлекался, мстя за прокушенные горностаем пальцы. И ведь, ублюдок, не понимал, ровно до того момента, пока палец случайно не вдавит кнопку на джойстике, что ТБ обращения с оружием касаются именно его — дебила!

Словно соглашаясь с моими мыслями стрекотнул Вжик, обследовавший сейчас

приборную панель. Видовую принадлежность животного определила сходу командир.

— Ого! И где это вы взяли горностая? — впрочем, это был риторический вопрос, не требующий ответа, — Да, какой ты у нас большуссий... Ох, ты моя рыбонька, моя лапочка...

Зверек без всякой опаски перебрался на руку девушки. Если бы Герда сняла трусы, здесь и сейчас, то это хоть и не вписывалось в сконструированный ее образ, но не так, как сюсюканье. Та же, не обращая внимания на мое изумление, тискала горностая, почесывала его, гладила.

— И кто тут у нас? Мальчик или девочка, — перевернула животное, я ожидал, что тот кусанет начальство, но ему, судя по довольной морде, такое внимание нравилось, — Мальчишка! Какой большой мальчик, какая лапочка... Как его зовут?

Обернулась ко мне, я лишь неопределенно пожал плечами. Не лезло ничего в голову. Хотя Хеку почти сразу кличку придумал, надо и этого окрестить. Только как? Муся? Да, за такое имя он мне ночью глотку перегрызет. Зубы хоть и небольшие, но дурное дело не хитрое.

— Вжик, — вспомнилась быстрая и опасная, но легкая и изящная муровская стелсерша, бывшая первой женщиной и человеком, которого я убил в Улье. Цемент к роду людскому не относил, мразь еще та.

— А неплохо, — одобрила Герда, — Быстрый, ловкий Вжик! Вжикуля ты моя... Лапочка...

Горностай довольно стрекотнул, а потом что-то свистнул, типа, хватит с меня ваших телячьих нежностей, и опять забрался мне на плечо. Откуда хитро поглядывал. Нарекая животину, мне и поговорка сразу вспомнилась: «Вжик — и ты больше не мужик», это я уже прикидывал боевое применение рыжего. С алабаем было все ясно — боец, сторож, а это недоразумение? Сплавить его командирше? Использовать как охранника? Не знал я их повадки. С собаками понятно, и как сигналы подает, и как реагирует. А этот зубастик?

— Какие мы гордые, на ладно, будь с папочкой, — поцокала девушка, напоследок почесала пальцем подбородок питомца, а затем вполне добрая улыбка исчезла с лица, глаза вновь стали злыми, оценивающими.

— Выдвигаемся! Люгер, пристраиваешься в хвост, дистанция от десяти до двадцати метров. Все, поехали, рванина!

Двигатель уже прогрелся, поэтому я плавно вырулил из гаража и пристроился за «Уралом». Горностай радовался, он за первую минуту оббежал весь салон, все обнюхал, а сейчас приступил к тщательным и планомерным исследованиям. По мне лучше кот. В башке того, хотя бы понятные вполне себе человеческие мысли — пожрать, поспать, при этом как можно меньше поработать. Этот же зверюга на месте не сидел от слова «совсем». Суетился, пищал, стрекотал, посвистывал, пыхтел, шумел, гремел. Нет, надо его Герде подарить? Как вспомню какая собака была, глотки только в путь рвала, меня слушала, а в итоге... Столько дел уже накопилось, столько всего наворотил. Еще за Хека не раздал долги. Или раздал?

Чем ближе к центру, тем больше встречалось магазинов. Бытовая и компьютерная техника, одежда гламурная, повседневная и специальная, продуктовые супермаркеты и бытовая химия, — заходи, бери все, что сможешь унести. Открытая дверь «Сбербанка»...

До четырнадцати лет у меня и у приятелей часто мелькали мысли, вот бы все люди исчезли, а машины, магазины, квартиры, таящие несметные богатства — остались. Такие фантазии, как и найденный пухлый кошелек с «миллионом долларов», довольно часто рождались в наших головах. Скорее из-за того, что по сравнению с теми же сегодняшними

детьми, у нас всего было мало. Мало перспектив, мало возможностей, мало игрушек, вечно хотелось сладкого и жрать.

Доходило до удивительных умозаключений.

— Я бы Сбербанк сразу ограбил, все золото оттуда вынес, и грузовик «Кока-колы» вскрыл, — делился наболевшим Боб.

Охваченные открывшимися воображаемыми перспективами, мы продолжали придумывать.

— Дерьмо все эти ваши мысли, — подытожил Олег, скуластый белобрысый парнишка, — Сидите думайте... Был бы у бабушки хер, она была бы дедушкой! Вот ты, — ткнул пальцем он в Боба, — Мечтаешь о гамбургере и кока-коле, хрен его знает, зачем тебе банк, если при твоих раскладах можешь зайти в любой магазин и взять то, что хочется. Но что ты сделал, для того, чтобы не мечтать, а пить эту колу? Вот что?!

Мы сидели в этот момент в «Макдональдсе», посещение которого в те времена являлось предметом гордости не только для сопляков, но и для взрослых, вполне состоявшихся. Наша компания жрала картошку, макала в соус, запивала колой, растягивая, как могла эту вкуснотень. Облизывалась и чавкала. Спонсором же банкета выступал Олег.

Все замолчали, затихли, Боб обиженно засопел. Но наш меценат продолжил поделиться мудростью:

— А я вам скажу так, у лошадей головы большие, вот пусть они и думают всякую херню, придумывают. Мы же должны делать! Хочешь колу? Все просто. Поясняю на пальцах, — показал он ладонь с растопыренными пальцами, — На колу нужны деньги, деньги можно заработать. Законно или незаконно — плевать, они зарабатываются. Точка. Выбираешь свой метод, который тебе доступен и подходит. Действуешь. Получаешь деньги, покупаешь колу! Ссышь этой колой, срьшь гамбургерами! Ты счастлив. И для осуществления ваших фантазий — выпить колы, не надо мечтать о том, чтобы все исчезли. Этого не будет. Хоть обосритесь тут все!

Теперь мне абсолютно ясно, что Олег транслировал на нас чьи-то жизненные установки, учитывая тот факт, что ровно через месяц его нашли с отрезанной башкой. А всех знакомых менты трясли около месяца, выясняя подноготную. Оказалось, тот был наркокурьером и даже не мелким. Однако слова парня, несмотря на кажущуюся их обыденность, оказали огромное влияние на нас. Как будто перед нами появился тогда сам апостол с откровениями: «Просите и дано вам будет!». Не скажу, что из той компании у всех судьба сложилась отлично, но «вот Олег говорил», стало чем-то вроде аргумента, ссылкой на авторитетную научную работу. Эдакий труд Карла Маркса и Ленина. Жизненная философия, ведущая к успеху и не дающая сбоев.

Я же вынес одно. Мечты есть у каждого человека — это неоспоримый факт. Они могут быть совсем крохотными и непомерно огромными, а в зависимости от бытия то разрастаются до вселенского масштаба — «осчастливить все человечество, остановить войны, накормить голодных», то превращаются в сиюминутные — «сейчас бы пожрать, поспать, умыться». Порой, при всей жалкости последних, оснований для их воплощения ровно столько же, сколько и для первых.

Главный парадокс заключается в другом, что у одних мечты, при абсолютной их реальности, так остаются фантазиями на протяжении всего существования. У других при невероятной фантастичности воплощаются в жизнь. От удачи зависит многое, но не менее важен подход.

Сейчас моя мечта была простой — отоспаться и отъестся в нормальных человеческих условиях, выпить пару-тройку, а может и с десяток бутылок пива, расслабить мозги, смотря какой-нибудь боевик или дурацкую, абсолютно безбашенную комедию. Может прочесть книгу из далекого теперь мира.

Что для этого нужно?

Уж точно не сидеть подобно Мухе и Серому, которые вместе с дамами, так и не узнав их имен, устроили банкет. Натащили из магазина разной консервированной продукции, вино и даже водку. Добыли откуда-то пластиковые столики и стулья, чинно расселись. Герда промолчала, а честная компания приняла это все за негласное разрешение. И да, их резон я тоже понимал.

Конечно, кто-то бы сказал, мол, чего они сидят, почему не рыщут, будто голодные звери, ведь им тоже надо и то, и это? Однако, все хорошо ровно до того момента, пока тот же чертов топтун не заглянет на огонек. Здесь же прикрытие, отменное, кстати говоря, по меркам Улья. Крупнокалиберный пулемет, люди с автоматами, пусть и хреново, но бронированное нутро «Урала». И главное, на этом автомобиле можно в любой момент рвануть к Башне.

А вокруг вполне вероятно отираются зараженные или атомиты, вооруженные, как когтями и зубами, быстрые и живучие, так и легкой стрелковой, которая становилась непомерно тяжелой в нашем случае, учитывая, что вооружены все грубо сваренными клевцами. Да, даже, если поделками величайших кузнецов современности, с тем же ПММом я, минимум, шестерых архаровцев с холодняком положу или покладу, в общем, раскатаю. И пусть на меня хоть свиной прут, хоть любым другим строю.

Конечно, оставались еще и способности Улья, но по обмолвкам и по охлаждению пивных бутылок тем же Мухой, становилось понятно, далеко не всех одарили на старте хорошими возможностями для выживания. И делалось одновременно страшно, что если в нужный момент, кто-то незримый, как до этого играл, включая, например, в вертолете, незримую кнопку, возьмет и вырубит говенный рубильник активации моего умения! И, как уже говорил, зажмут твари или еще кто-то, а этому ублюдку вдруг захочется посмотреть на мои кишки, и хрен бы в рот, а не телепорт.

Ненавижу, когда что-то зависит не от меня, особенно в тех случаях, когда природу явления я не понимаю даже в принципе. Знахари же, в лице кваза Кварца, дискредитировали себя напрочь.

Герда не соврала — грузить ничего не пришлось. Подъехали мы к стоящему отдельно трехэтажному стеклянному зданию торгового комплекса, где и располагался, занимая почти весь первый этаж супермаркет «Пятерочка». Судя по пестрившим рекламным объявлениям в здании были самые разнообразные торговые точки, начиная от продажи бытовой техники и заканчивая одеждой.

Гайвер, Дрон и пулеметчик с «Печенегом» буллпап споро двинулись к стоянке с «фордовской» фурой. Все подступы просматривались с того участка дороги, где мы сейчас встали. Рейдеры недолго ковырялись, после чего, выхлопная труба американца выплюнула облако почти черного дыма, через несколько секунд ставшее еле видимым.

— Других я проинструктировала, теперь ты, — видимо скромно оценив умственные способности, ткнула пальцем мне в грудь Герда, а скорее всего, такая жестикуляция у нее выработалась, — Резко и споро сейчас грузишь все, что тебе необходимо. Раз уж ты у нас такой весь из себя..., - замолчала, пожевала губы, потом выдала, будто выплюнула, —

Домовитый. Начинается замес, перемещаешься к нам, здесь, если что-то прикроем. Дальше, в ментовку тут неподолеку — можешь не соваться. Все выгребли до нас. Там дальше, — показала она рукой за здание супермаркета, — Находится охотник-рыболов, стрелковку должны были тоже забрать, но по мелочи могло что-то и остаться... Как ты правильно понял, больше вас ничем снабжать никто не будет, спасение рук утопающих, как говорится, дело рук самих утопающих. Это ясно?

— Надолго мы здесь?

— Не меньше трех-четырёх часов. Главное, держи ушки на макушке.

А с плеча девушки уже разразился тирадой Вжик. Видимо говорил, чтобы про него не забыли в процессе мародерства, принесли чего-нибудь вкусенького. Ага-ага, сейчас. Уже бегу.

— Крысу вон жри! — кивнул в сторону здоровенной твари, валяющейся у наших ног. Это горностаи, едва выскочив из автомобиля, успел поймать здоровенного грызуна, который был и толще, и шире Вжика. С гордым видом и вредителем в зубах, тот прошествовал к нам и бросил к ногам добычу, мол, учитесь безрукие. За такой финт получил сразу от Герды очередную порцию сюсюканья. Нет, надо зверя ей подарить. С командиром контакт налаживать, девка она жесткая, да и зависит от нее многое. При всей показной анархии, уверен, начнешь права качать, не заметишь, как мозги на несколько грамм потяжелеют.

— Оставайся пока с мамочкой, — вернул я «папочку», и, судя по промелькнувшей тени на лице девушки, довольно удачно.

Супермаркет уже привычно пустой и безжизненный. Акустика потрясающая, я бы сказал пугающая. Пока я сдавал задом на своем внедорожнике практически до дверей, несколько ступенек подготовленный джип проглотил колесами и даже не заметил. В итоге, когда я зашел в торговый комплекс остальные уже спешили на выход, нахав полные пакеты еды, за девушками следовали Серый и Муха, таща пластиковые столики и стулья.

Первое, что я посетил, это находящийся на этом же этаже магазин бытовой техники. В итоге моей добычей только из крупногабаритных товаров стал небольшой холодильник, напоминающий тумбочку. Благо весил он немного. Затем черед пришел электрочайника, утюга, мультиварки, мощного моющего пылесоса со всеми атрибутами. Но это было только начало, затем последовала посуда, начиная от чашек и ложек и заканчивая обычным чайником со свистком, набором кастрюль и сковородок, пара термосов один большой, второй едва ли на литр, набор ножей и разделочных досок, пару механических помп для кулеровских бутылок. Точку с продажей питьевой воды я заметил сразу. В результате еще и три бутылки погрузил, до кучи. Брал все, что могло пригодиться. Ноутбук, планшет, диктофон, цифровой фотоаппарат, не забыл и рацию. Пусть это был обычный «Кенвуд», но и то хлеб. Аккумуляторы разряжены, поэтому пока пришлось обходиться без связи.

В машине, кстати, несмотря на заверения Герды, этого девайса не обнаружилось. На что та, вполне резонно ответила, мол, это Улей, а здесь, раз на раз не приходится.

Задние сиденья опустил, и до этого огромный багажник, теперь стал непомерным. Однако, только бытовая техника заняла минимум четверть пространства. А взял я, вот уверен, далеко не все. Многое еще требовалось для комфортной жизни, многое. Но это первый выезд, будет и второй и третий, хотел сказать «докуплю», скорее доморадерю. Хотя можно ли это называть мародерством? Людей нет, никого нет, через неделю, может раньше, а может и позже, все оставшееся исчезнет.

После отдела с бытовой техникой, поднялся на второй этаж, где продавалась всякая

одежда, жаль тактической не имелось, но и так, затарился, начиная от повседневной и заканчивая спортивной, бельем, включая постельное, одеялами и парой подушек.

В самой «Пятерочке» тоже не ограничился малой кровью. Что мне было нужно? Да все! Начиная от еды и заканчивая тем же спиртным, как для лечения нервов, разведения живца, уксус тоже надо было не забыть, так и для подарков. Например, решил мужику, который мне выдал тряпки и ведро, а также чистящие средства подогнуть пару бутылок конька. Мне сейчас ничего не стоило их прихватить, а ему, вот уверен, будет приятно. Да и налаживать надо со всеми окружающими плодотворное сотрудничество. Меньше подозрений, больше информации. Она же нужна, как воздух.

Обитающие на базе мусорщики и уборщики, несмотря на неприглядное вроде как занятие, знать должны о подковерной жизни очень и очень много. Они, как тараканы, их почти никто не видит, а вот они все и всех замечают, отсутствие же событий заставляет мозг забивать всякой хренью, на которую тот же рейдер не обратит внимания.

Вроде бы в Улье не такая и ценность любая материальная вещь, спиртное — тем более, но пусть утверждают, что угодно, а достать ту же бутылку водки — надо обязательно сунуться на стандартный кластер, со всеми вытекающими. Вот и возникает резонный вопрос, что лучше — заработать денег и купить, без всякого риска для жизни, или просто взять, но рискуя башкой, где цена порой даже обычных консервов — жизнь? И не всегда даже хорошей тушенки, за банку каши можно огрести по самое нехочу.

Грузил я вдумчиво, но быстро: макароны, тушенку, сгущенку, чай, кофе, сахар, сок, минералка, специи и крупы, консервированную рыбу и овощи, соль и кетчуп, картошку и лук. В три захода увез на тележках, вернулся и в четвертый. Набрал бытовой химии, начиная от порошка и заканчивая мыльно-рыльными, не забыл и про мешки под мусор, хозяйственные перчатки, батарейки пачками самых разнообразных калибров, сигареты, швабра, тряпки, салфетки. Да всего не перечислить.

Проехал буквально метров пятьдесят и сдал задом к строительному магазину «Все для дома». Двери у него были не заперты, поэтому проник без всякого труда. Быстро обошел витрины и стеллажи, проверяя наличие зараженных, заглянул в подсобные помещения. Чисто.

Вновь погрузка. Здесь тоже хапал все, что могло пригодиться, начиная от крепежа, краски, лаков и даже обоев, всяких веревок, цепей — родился концепт благоустройства, заканчивая толстенным рулоном линолеума, который допер только при помощи мата и такой-то матери. Электроинструменты: шуруповерт и лобзик, перфоратор, вот уж без чего невозможно испортить жизнь соседям, краскопульт, миксер и прочее необходимое. Затем черед пришел простых инструментов, тоже не скупился, взял все начиная от ножовки и заканчивая отвертками и пассатижами. Здесь же выбрал несколько светильников, провода в небольших бухтах, упаковка изолянта синей — вот без чего нельзя было делать ни один ремонт, выключатели, как и плафоны с лампами.

А ведь лет десять прошло, когда я последний раз лично участвовал в подобных действиях. Тогда еще все только начиналось, жили гораздо беднее. Первая квартира, сколько пisku и визгу было у той же Светки. Сука, одним словом! Настроение немного испортилось, при воспоминании о вероломстве и предательстве бывшей жены. Проснулась злость. Но шопинг отвлекал, лечил.

Затем посетил мебельный. Конечно, по уму с них надо было и начинать. Но прервать процесс хомячизма могли в любой момент. Поэтому строго по плану. В итоге Фораннер

проклял хозяина. Шкаф купе, разобранный и упакованный, который примерно по размерам должен был встать; офисное кресло; высокая тумба; металлический стеллаж; длинный и узкий, с толстой столешницей стол, над которым размещались всякие полочки и полки; обычная трехногую вешалка; небольшая прихожая. Мебель корпусная, уверен, прокляну все, ее собирая. Но зато, как хорошо сейчас.

Напоследок, на крышу закрепил угловой диван, простенький, но если разложить полностью, то займет, наверное, треть моей комнатенки. Разобрать его на составные части много времени не потребовалось. Четыре болта, боковые спинки легко снимались. В общем, все сделано для людей. Поэтому загрузить его, даже в одиночку хоть и пришлось попотеть, так как все же габариты имели значение, но не особо — вес плевый. Поэтому справился.

Как апофеоз мародерского начала, забрал таки с витрины плетеное кресло-качалку. Так и представлялись картины, как я буду попивать бурбон, покачиваясь возле растопленного очага, читать книгу. Опять накатило дурное настроение, и ощущения, как во время поездки с рейдерами. Эмоциональные качели вновь начались? Вспомнилось, что у меня на настоящий момент имелась только специфическая техническая литература, сугубо прикладная. А вот то, к чему она прикладывалась, доблестные стражи порядка Острога реквизировали, суки, по решению суда. Ладно, тут уж не до жиру, самому быть бы живу.

До разграбленного охотничьего магазина я не успел добраться. Автоматная стрельба началась резко и неожиданно. Впрочем, по-иному разве когда-то бывало? Затем звуки мощных моторов, резко и коротко заговорил «Утес», к нему присоединился «Печенег». Одиночно, но очень серьезно что-то загрохало, я подозревал, что это оружие Герды. Затем настолько сильный взрыв, что задрожали и здесь стекла. Чем это они?

Вновь частая стрельба, автоматы и ружья звучали беспорядочно, а оружие нашего отряда, предположительно, говорило уверенно, басовито. В общем, люди вели бой. Я не спешил с криками «ура» мчаться на помощь. Наоборот, пригибаясь, очень осторожно, двинулся к двери магазина. Выглянул. На улице никого, ни справа, ни слева. Мой джип сейчас напоминал автомобиль беженцев, загружен напроць. Еще это кресло!

А там что происходит-то? Не видно.

Звуки стрельбы, пока я выглядывал, стихли, а гул автомобильных двигателей стал удаляться. Вот дерьмо! Бросили?

Почувствовал за спиной какое-то движение. Быстро обернулся, и едва не выругался, опуская ружье. В какой-то паре метров от меня стоял довольно скалящий зубы Третьяк. И как смог подобраться практически бесшумно? Он тоже выпустил из рук ВАЛ, который повис на ремне стволом вниз. Морда красная, на лбу испарина, которую он тут же вытер тыльной стороной ладони в штурмовой перчатке. Рейдер улыбнулся еще шире.

— Ну, здравствуй, крестник!

— 4 —

Я расслабился. Подумал о море. Отчего-то в этот момент представлялись не тяжелые, накатывающие, раз за разом, на берег волны, не невообразимый водный простор, и не тонущий у горизонта красный диск солнца. И даже не пляж с голыми блондинками, мулатками, негритянками и азиатками, которые нежились в ленивой истоме на белоснежном песке. А мощная мужская волосатая грудь, и об нее с шелестом разбивалась ярко-желтая струя мочи. И пахло совсем не как в набившей оскомину поговорке — морем.

Третьяк, чью рожу я не ожидал здесь увидеть, приветственно осклабился. Я, улыбаясь в ответ и думая о всякой ерунде, одним слитным движением выдернул из кобуры ПММ и выстрелил. Совсем не девять грамм и не только свинца, а около шести, разогнанные пороховыми газами, не оставили крестному шансов. Пуля, разбрызгивая кровь, впиалась в мягкую и тонкую кожу над правой бровью, а затем преодолела тонкую костяную преграду, остановилась где-то там, внутри черепной коробки, потеряв все силы, и отдавая свою короткую жизнь, чтобы ее же подарить и ее же забрать. Отнять у паскудной твари, позволив еще какое-то время любоваться небом Стикса, хорошему, отличному человеку, то есть, — мне.

И пусть Третьяк был матерым и битым волчарой, но не успел отреагировать. Я же решил действовать сразу, так как в иных обстоятельствах мог и не успеть выстрелить первым. Мало кто ожидает агрессивных действий сразу, без всякой раскачки, без лишних слов, едва ты сказал «здравствуй», особенно когда тебе рады, о чем говорит мимика, жесты, да и сам плохого не предполагаешь, от слова «совсем». Рейдер попался на эту уловку и теперь, с крайне изумленным выражением на лице, как-то неуклюже завалился на бок.

Нет, меня не посетило вновь безумие, если только отчасти. Ровно, ровно до сегодняшнего дня, а точнее до какой-то пары часов назад, я не чувствовал никакого давления извне. Дискомфорта. Ощущения, что кто-то берет и стискивает твой мозг грязными ручищами, запускает туда склизкие, холодные и мерзкие-мерзкие бородавчатые щупальца. На пальцах такое передать трудно, необходимо ощутить.

Когда я путешествовал с рейдерами, возвращавшимися в Острог, списывал такие выверты собственного сознания на проделки организма, над которым провел эксперимент в духе отряда 731 Цемент, как и на общую изменившуюся кардинально обстановку. Затем, в больнице, находясь на попечении Кварца, отчетливо осознал отсутствие воздействия извне. Не чувствовал его и, находясь, рядом с Москвичом. Не характерные для меня мысли и такие же желания вновь начинали посещать когда? Когда поблизости оказывался любезный крестный!

Например, все рейдеры уехали из Форпоста и... о, чудо! Поступки адекватные, мысли такие же. Но как только мы встали на КПП перед въездом в Острог на фордовском пикапе-переростке, вместе вдруг с усилившимся чувством беспричинной тревоги, возникло и дикое раздражение. И ведь тогда реально просчитывал варианты отправить на задние пассажирские места оборонительную гранату, самому телепортироваться подальше и помахать ручкой.

Зачем Третьяк сводил меня с ума? Откуда я знаю?! И, вполне возможно, никогда не разгадаю эту тайну, не получу четкий и внятный ответ. Здесь могло быть что угодно, начиная от каких-то затаенных обид и заканчивая общей любовью к искусству.

Вопрос в духе, зачем Чикатило убивал женщин, отрезал им соски и жрал, сука? Потому что маньяк и псих! Вроде бы логично, но... Что это объясняет, обычному среднестатистическому человеку? Или взять очередное семейство людоедов... Ладно бы последней хрен без соли доедали или отловили их в дикой природе, но в основном, обеспеченные, в рамках нашей страны товарищи, коренные россияне, почти москвичи. Поэтому верный ответ — ни-че-го!

Но мне совершенно понятен мотив появления здесь и сейчас крестного — ключ от банковской ячейки в Монако, который обнаружила во время реквизиции всего движимого и недвижимого имущества конфискационная команда с конвоирами. Обмолвились где-то при встрече, и вот сразу кавалерия. Встречайте! Дня не прошло. Шустрая, сука, а как плел дс этого, «больше мы ничем тебе помочь не сможем»...

И звончки о вероломстве Третьяка начали звенеть, еще до больничной койки, где я многое обдумал в тиши, любуясь на потолок, но не знал тогда ключевых деталей, что открылись мне позже. Гораздо позже.

Итак, первый звонок. Третьяк спровоцировал Каспера на драку с последующим убийством неандертальца и зловещими предсказаниями «Улей накажет!». Тогда мне был непонятен данный момент, списывал все на нервы. Так как крестный являлся пусть и слабеньким, но ментатом, зато наглядно доказал, когда выиграл спор с Гранитом, что поведение и реакции любого, даже абсолютно незнакомого ему человека — вроде меня, он просчитывает на раз. Здесь же, будто специально, до последней черты довел, до самого-самого края.

А так все оказалось достаточно просто, в моем понимании, конечно. Девушка из примкнувшей к нам тройцы, после боестолкновения с мурами, оказалась «один в один» похожей на загадочную Виолетту. И рядом с Ирией сразу начал вертеться крестный, опекая и высказывая знаки внимания. Вроде бы все логично — красивая девка, их в Улье имеется определенный дефицит, хотя я бы, например, так не сказал. Но и видел пока обжитых мест немного.

Имелся еще и друг Гранита, некий Брюс Уиллис, связав себя узами брака с Виолеттой, поведение сменил на временами крайне неадекватное. Никого не напоминает? Дошло до того, что, презрев элементарные меры безопасности, оказался рядом с командиром, когда того настиг откат от применения одного из самых убийственных, в прямом смысле слова, даров Улья. В результате чего наш крепкий орешек погибает, молодая вдова, не в силах вынести тяжести разлуки, кончает жизнь самоубийством. В итоге, победитель, то есть Третьяк, не получил ничего.

А кто еще целенаправленно мог раскачивать психику товарища? Для чего? Для последующих непредсказуемых действий реципиента, которые в условиях Стикса всегда приводят к одному финалу — к смерти! И я знал, что неразделенная любовь может толкнуть и не на такие финты. Взяв эту версию, как рабочую, все больше убеждался, в ее истинности.

Третьяк решил, что необходимо убрать конкурента, нет человека, нет проблемы, а вдова в итоге будет его и только его. Таким образом, наш злодей расшатывал психику Уилисса всякой херней, как и мою, но позже, а в нужное время внушил нужные мысли, мол, Гранит тебя не тронет! В итоге достиг необходимой цели — конкурент мертв, его смерть

невозможно связать с Третьяком. Зачем все так сложно? Так Гранит не мальчик, особо опасен и грохнет на раз. Но крестный недооценил того, что девушка полюбила всем своим сердечком неизвестного друга командира, поэтому узнав черную весть, она сводит счеты с жизнью. Банальная, короче любовь-морковь с соплями и брызгами.

В нашем рейде Третьяк встречает девчужку, идентичную той, запавшей в душу. Но проблема имеется — она не одна, спаситель их — Каспер, к которому свежачка может испытывать какие никакие чувства. Все-таки это первый знакомый, помогал, оберегал, и, честно говоря, на мой взгляд, тот выигрывал у многих рейдеров. Далее, неадерталец, судя по всем повадкам, тоже брал над девушкой шефство. Могла привязаться? Вполне.

В итоге Третьяк для купирования всех угроз на любовном фронте, так как один раз уже обжегся, сразу провоцирует Каспера, завязывается потасовка. «Неожиданный выстрел», и минус один конкурент. Умирает тот нелепо и глупо, без всякого героизма. Фортуна отвернулась. Бывает. Сам образ спасителя — матерого рейдера, изрядно блекнет, ибо он выступил пусть и случайным, но виновником смерти Нео. И тут наш честный крестный сурово произносит, назидательно трясая указательным пальцем: «Улей тебя накажет!», «Так нельзя!», «я честный и благородный Третьяк, говорю тебе... покайся, сука!».

Пообнимал скорбящую девушку, шепнул ей на ушко пару ласковых фраз. И Каспер сгинул во время заварушки, наличие которой было лишь делом времени, учитывая общее разгильдяйство, попустительство командования, где каждый из них «личность» и «честный матерый рейдер, коптящий Улей не один год».

В результате спаситель погибает. И, вот уверен, замешкался тот, когда ему снес голову кусач, не просто так. Наш крестный же, как обычно, ни при делах, и новичкам, и подопечному показал, что с приметамы Стикса шутить не стоит. А так... Виолетта-Ирия проникается чувствами к сильному и могучему Третьяку, затем в Форпосте совместная койка и «милая, любимая».

Все в этой схеме вроде бы логично, не логично другое, зачем, спрашивается мне на мозги всю дорогу давить? Я ведь и вспомнил, как амулет с черным квадратом нацепил на себя, да не ожидая такого хода лошадьё от глубин сознания. И сделал это в здании ДОСААФ после разговора с Третьяком! И воспринимал этот факт как данность. Мол нацепил и нацепил... То, что это какая-то непонятная штука, становящаяся теплой или холодной... Да, нормально, так и должно быть, я ведь такую херовину каждый день таскал! В общем, собственная адекватность и здоровый инстинкт самосохранения начала тогда еще сбоить. Плюс, черные квадраты на меня, падла, проецировала, и все с эдакой невинностью, мол, ничего я не вижу, ничего не слышу. Зато я видел!

Плоды собственных размышлений, вместе с облегчением, промелькнули в доли секунды, я еще только слонялся над телом, желая забрать оружие и боеприпасы, как раздавшийся голос, едва не заставил подпрыгнуть на месте и навскидку не выстрелить на него из пистолета. Так и замер с ПММ в руке.

— Отлично сработал! И не дергайся! — затвор не клацал, но оно и не нужно, все уже у этого человека давно приведено в боевую готовность.

У серой шершавой бетонной стены метрах в трех позади меня материализовался Гранит. Убийца, каких поискать, а еще и стелсер! И откуда у них умений нужных пачками? Я ничего не сказал, и даже не дернулся. Бесплезно, что и подтвердил, бывший командир.

- Цемент помнишь? Вот у меня с этим делом еще быстрее! Да и не один я тут...

С последними его словами из марева, будто иногда поднимался от земли горячий

воздух, появилась огромная туша, закованная в ресовский бронекостюм. И где нашли такой только? Почти танк. Забрало шлема, разошлось и открыло расплывшуюся в улыбке, выглядевшую крокодилым оскалом, знакомую морду Кварца. Вот ведь суки, обложили! Они заодно с Третьяком? Нет, не похоже... Лица довольные, особенно у командира, тот будто любимого дерьма на завтрак банку схавал. Скорее двигались за ним скрытно и тайно. Выходило, что конкуренты? Ох, уж эти честные-пречестные рейдеры...

— Не поверишь, Люгер, но ради этого момента стоило жить, стоило оно всего, — заявил Гранит вполне обычным голосом, — Сколько изумления, сколько удивления, сколько эмоций, что просчитался в твоём отношении промелькнуло у Третьяка. Это непередаваемо, это просто коктейль наслаждения, для тех кто в курсе и может почувствовать, конечно. Надо же, наш признанный эксперт-аналитик, знаток человеческих душ, конструктор поведения... Красиво ты ему, прямо как в кино залепил, «привет-привет», «ну здравствуй» и досвидос! Красава, Люгер... Порадовал, порадовал старика! Даже я не ожидал!

— Пистолет скинуть? — перебил я его, мысли в голове метались, будто заполошные воробьи в закрытой комнате. Искали открытую форточку, хоть щель, чтобы выскользнуть, улететь на волю. Но кроме, как биться в стекло, роняя перья, им ничего не оставалось.

— Да, как хочешь, мне дела нет, в любом случае у тебя ни единого шанса. Но можешь попробовать. Есть желание?

— Нет, и лучше скину, — ответил, поясняя, — Вдруг неправильно истолкуете мои движения, да превратите в решето.

Тот хмыкнул, мол, разумные мысли. Я же медленно положил на асфальт ПММ, потом также осторожно снял ружье с плеча, не наводя на рейдеров, примостил рядом.

— Ну-ну, послушный Люгер, чем ты еще сегодня удивишь? — хохотнул Гранит, а Кварц изобразил на подлой роже глубокую умственную деятельность.

Такого отличного настроения у бывшего командира мне не доводилось еще видеть.

- Нет, ты реальный мур! Зачем грохнул крестного-то? — опять уставился насмешливо на меня.

— На мозги капал, — медленно ответил я, а сам искал, искал варианты, и пока не находил. Только теплилась надежда. Но с каждой секундой таяла. Против двоих этих монстров, я бы даже вооруженный не поставил на себя что-то ценное. Они закованы в броню. Кваз — тот, вообще, почти в танковую, командир же в обычную свою сбрую, но там и интегрированный бронезилет, и каска на башке модная, тактическая, на ногах и руках везде, где нужно и нет кевлар. В руках автомат, очень и очень тюнюгованный по виду Калашников под семерку. У Кварца что-то непонятное, огромное зализанное, а в ствол минимум два пальца лезло.

— На мозги... На мо-зги... Капал, — тот рассмеялся, да непринужденно так, не натужно, ему действительно было весело, — Спешу тебя разочаровать, — картинно напустил скорбное выражение, — Не капал тебе Третьяк на мозги, это я знаю точно. Жемчужина ему была нужна, что бесспорно, за ней и явился. Как же хотел семейное гнездышко вить, на покой собрался, девочку любимую нашел, детишек захотелось на старости-то лет своих понянить. Здесь же главное что? Белый жемчуг. Иначе и рисковать не стоит. Представляешь, растишь, растишь спиногрыза, памперсы меняешь, любишь его, а он раз и в пять или семь лет в пустыша перекидывается. Каково? Не выдерживает такого ранимое родительское сердечко. А тут белый жемчуг на блюде...

— На каком таком блюде? Нет у меня жемчуга, — честно ответил я.

— То, что у тебя его нет, это и ежу понятно. Если бы был, уверен, вряд ли кто-то за тобой в поход отправился, потому что такую ценность — глотают сразу, а учитывая, как тебя напугал наш любезный Кварц «иммунный-неиммунный», то сожрал бы ты ее. Как пить дать, сожрал! Но ключик заветный, ровно как в сказке про деревянного идиота, у тебя имеется. Буратино ты наш, думал здесь поле Чудес, а оказался в Стране дураков.

— Ерунда это, — я говорил спокойно. Все итак ясно, или я как-то смогу «сделать» этих двух, обладающих умениями, монстров или же сам останусь здесь. Навсегда. И холод по позвоночнику, но бодрящий, такой холодок, заставляющий думать. Ощущение же телепорта уже поймал.

— Это почему еще?

— Потому что у Цементы был чемодан с жемчугом, по слухам. А не одна белая.

— А вот здесь ты ошибаешься! Он с Говорливым, был такой рейдер, поменялся. Успел перед последним своим походом. А потом грохнули рейдера-ветерана, лично участвовавшего в убийстве сами знаете кого, из кого белый жемчуг берется. И кто завалил? Какие-то залетные хмыри... И убили мужика жестоко и кроваво, умирал он долго и страшно. И, думаю, не обошлось без наводки от Цементы. Но факт остается фактом, обмен состоялся. И это известно доподлинно.

— Может быть, может... Вот только почему ты решил, что не капал мне на мозги крестный?

— Друг, — фамильярно улыбнулся Гранит. Совсем его не узнавал, где собранный вечно угрюмый командир разношерстного сброда, пусть и долгоживущего? Сейчас передо мной был паяц, шут на сцене. Скорее всего, он именно таким и являлся глубоко в душе, только редко кому показывался в данном амплуа, — Потому что на мозги тебе капал я!

Шах и мат, товарищ Люгер! Я даже головой потряс.

— Что?! Ты? И зачем? — такой финт у меня уже вообще никак в голове не укладывался. Выверенная четкая логическая конструкция с осью зла опять была разрушена всего лишь одним фактом.

— Тут такое дело, телепатии в Улье пока не обнаружилось, а вот воздействовать на эмоции можно. Есть такие дары, усиливаешь-ослабляешь, ослабляешь-усиливаешь. Расшатывал тебе психику, чтобы ты в итоге и замочил Третьяка. Учитывая твой взрывной характер, а также, что действуешь без оглядки, будто в омут с головой ныряешь, не любишь поступорожней болтовни и когда тебя используют. Дело должно было выгореть. Но ты крепче оказался. Твой же крестный, ни дна ему ни покрывки, любил тумана напустить. Я думал ты раньше не выдержишь.

— Глупо, с чего мне убивать крестного, — не согласился с Гранитом.

Тот опять рассмеялся и пальцем ткнул в тело Третьяка, которое лучше всего демонстрировало, кто из нас тут сглупил и кто прав, а кто и не очень.

— Это другое, — я отрицательно головой мотнул, — Я просчитал, что он за ключом явился. Значит, ему жемчуг нужен был. Я же — нет. И куда меня? В расход! Туда я не желаю. И кроме всего прочего, мне тоже нужен этот жемчуг или жемчужина. Для чего, вон твой товарищ лучше скажет, — кивнул на кваза.

— Не нужен тебе никакой, а теперь и черный или красный не потребуются. Нормальный ты иммунный, удивительно, что Дар так хорошо развит на начальном этапе, еще есть множество нюансов, но то, что ты недоиммунный — это я сам придумал. Мне, как понимаешь, он тоже необходим. Поясню проще, как мужское достоинство исчезло, так и

понял, хрен бы с этой силушкой богатырской... А вернуть обычный облик можно только при помощи чего? Вот то-то и оно.

День откровений какой-то. Хоть праздником назначай.

— То есть, мне ничего не грозило и не грозит? — переспросил.

— Если ты про мифическую опасность превращения в пустыша, то, конечно, нет! Или сразу обращаются или уже никогда.

— С этим ясно, остался один вопрос...

— Молодой человек..., - заявил кваз, но Гранит оборвал его на полуслове, вскидывая предупреждающе руку.

Командир был на коне, его перло, куда тем наркам, и кто-то пусть и покойник в скором времени, но должен был узнать об его триумфе. Вот же ты, тварь какая, алчущая славы!

— Спрашивай уже?

— Почему ты не ненавидел Третьяка? Он у тебя жену увел?

— Можно и так сказать... Хорошо, буду краток. Спасли мы девку как-то вчетвером. Звали ее Виолетта, Виточка, Витуся, Вита. И ты знаешь, смотреть вроде бы не на что, не была у нее харизма... Влюбились в нее все трое, поголовно, кроме Каштана, но он все по своей подруге горевал, потом Хлоя появилась. Я, Уиллис, Третьяк. Эта же сука была тем еще подарком. Любила Третьяка, жила с Брюсом, меня видеть не хотела. И до того тоскливо бывало — хоть в петлю лезь. Я ей и цветы, рестораны, подарки, даже не поверишь, на коленях стоял — в любви признавался. И ведь, когда спасал эту мразь, потерял глаз, руку до плеча, да легче сказать, что я представлял собой тогда кусок окровавленного мяса. Как выжил?... Не знаю. Вон, Кварц меня выходил.

— То есть, ты своего друга Брюса под молотки подвел сам лично? Сначала на мозги ему капал?

— Да, какой он друг, так попугчик...

— Говоришь, Третьяка ваша девка любила, а зачем она повесилась тогда после смерти Уиллиса?

— Все-то ты знаешь, и откуда только? Москвич накидался и рассказал? — сразу вычислил слабое звено тот, — Не стало Брюса, я к ней, а она вся от радости светится. И Третьяк от нее выходил, не заметил меня, правда. Вита же сразу сказала, что ей такие, как я не нужны. Еще и издевалась над моим чувством. Был немного не в акдевате.

Такое ощущение, что он сейчас просто король адекватата. Рейдер помолчал немного, потом продолжил.

- Мозголом прояснил обстановку, оказалось, они с Третьяком собирались строить отношения, жениться-миловаться, да и не прерывали их никогда, тайком трахались. А с Уиллисом не решалась порвать, тот грозился ее грохнуть и всех ухажеров. И, я тебе скажу, он был еще тем терминатором, что ни дар, все под убийство заточен! И мне бывало порой страшно. А уж Третьяка... Того бы на раз порвал. На Уиллиса даже сторожилы боялись косо смотреть. Я ведь не ожидал, что он сам под меня и подлезет, но здорово все получилось! Самый лучший расклад из возможных!

— Выходит Виту ты сам повесил?

— Да, вот этими руками, — потряс он здоровенной правой ладонью.

Судя по обалдевшей роже Кваза, он таких подробностей из жизни боевого товарища не знал. А ведь, если умный должен сообразить, что после таких откровений остается в живых обычно один.

— А Третьяк?

— Что Третьяк, наверное, догадывался, ну я так думаю, что догадывался, а доказать ничего не мог, с горя куда-то воевать отправлялся. Где-то мыкался, никто не знает точно где. Думал, там и сдохнет, нет, явился, не запыхался.

— И это все ради девки? И как ты ментатов проходил, они же у вас на каждом шагу?

— А вот с этим просто, — самодовольно улыбнулся тот, — Я ведь лично граждан Острога не убивал. Да, под откат один залез, это бесспорно. Но и здесь все понимают, что разным Улей одаривает, там не до сантиментов. Виолетта же не являлась гражданкой, да и когда на ее шею петлю примасивал, это был уже овощ. Не человек. После мозголома всегда так.

— Понимаю, — как можно гнуснее постарался улыбнуться я, — И ты все это рассказываешь, потому что от покойников никуда не уйдет?

— Именно! И часики тикают, лично ты мне не интересен, более того, за то, что ты меня смог позабавить, предлагаю простой вариант. Отдаешь ключ от банковской ячейки в Монако, убиваю быстро. Ничего не успеешь почувствовать. Нет? Даже мозголом не пожалею. Овощем будешь. При этом поговаривают, что ты вроде, как все видишь, ощущаешь и даже понимаешь, вот только максимум что можешь сделать — пустить струю в штаны или соплю со слюнями.

Вот на это я и рассчитывал. Сейчас я молился, что правильно истолковал гримасу кваза, ведь точно он о таком прошлом Гранита не знал. И про покойников не зря ввернул во множественном числе, на что командир не обратил в запале внимания.

— А Гена тебе при таких раскладах нахер?

— Какой Гена?

— Которого ты с собой пришил. Нахер, тебе эта крокодилья образина?

— Так Кварц мне информацию и принес, куда Третьяк намылился, они ведь с ним друзья. Они же с ним были товарищи, отличные товарищи! Наш же кваз интеллигентный человек, за пределами второй линии ни разу не был, вот ко мне и обратился, — Гранит хохотнул, — А тут жемчужина, белая. Точно белая, потому что уже узнали, что видели в Монако Цемента, видели. Ставка слишком высокая, белый жемчуг это не просто деньги или какие-то блага... это... это...

— Жизнь! — сказал Кварц и выстрелил из своего чудовищно-футуристического вида оружия в оратора.

Гранит что-то почувствовал, начал даже смещаться вправо, пытаюсь пригнуться. Но... Дальнейшего я не видел, так как оказался за спиной кваза, который вряд ли являлся реальным бойцом, но ресовская броня и оружие делали из него еще ту машину смерти и уничтожения живого.

Удача любит тех, кто к ней готовится. Так сказал кто-то из великих мыслителей. Данный афоризм в очередной раз доказал свою истинность, потому что я был готов! Специально избавился от лишнего балласта в виде ружья на ремне и пистолета в руке, они могли помешать.

И сейчас рванул из ножен кинжал, прямо снизу начиная длинный рез наискосок от поясицы до плеча. Кварц даже успел повернуть голову, не понимая, что он уже мертв. Ресовский боевой нож не подвел и в этот раз. Там где слабая пуля из ПММ или сильная двенадцатого калибра только насмешила рейдера, почти тридцать сантиметров не знаю или стали с заточкой в одну молекулу или еще чего, но сделали свое дело на пять с плюсом.

Страшное оружие. Я не прилагал никаких усилий, а прочнейшая броня была вскрыта, как скорлупа, которой не хватало кальция. Прежде чем меня окатило кровью, успел еще несколько раз хаотично провести ножом, где смог дотянуться и главное до шеи, которую со спины прикрывали мощные пластины и шлем.

Звон в ушах, воняло не сгоревшим порохом, а чем-то едким и химическим. А кваз разваливался на глазах на части. Я же, не зная насколько он может регенерировать, кромсал и кромсал. Отскочил чуть в сторону, одновременно переводя взгляд на Гранита. Тому контроль не требовался, потому что часть тела, «в просторечии именуемая головой» отсутствовала напрочь. Только из обрубка шеи продолжала толчками выплескиваться кровь. Это сердце, лишившись управляющего органа, все же пыталось выжить, гнало и гнало кровь. Но... Бестолку. И это меня устраивало!

Вот здесь настиг откат от нервного напряжения, даже чуть потряхивать начало, а еще бессилие. Будто пробежал километров двадцать, выложившись до предела. Ни мыслей, ни чувств, а лишь одно безразличие. Но, как бороться с этим чувством, я знал, глотков пять живца — мерзкого пойла, нашего народного топлива, без которого иммунные вымрут напрочь.

Взглянул на небо. Не только вечерело, но и ветер нес с севера на юг, тяжелые темные тучи, с клубящимися краями. Там, где-то далеко на востоке шел очищающий дождь, в облаках мелькали извилистые тела молний, слышались отдаленные, похожие на канонаду, раскаты грома, а еще чем-то воняло. Чем-то донельзя знакомым. Чуть щипало язык... Кисляк! Чертов кисляк попер!

Рванул с места к трупам Гранита, поскользнувшись на крови, я чуть не упал. Черт бы с ними со всеми трофеями, здесь, если поискать, то где-то и их автомобили поблизости, не пешком же пришли. Успел только прихватить автомат вместе с РПСкой бывшего командира, чувствуя, как само отведенное мне время почти заканчивается, прыгнул за руль внедорожника.

Рыкнул двигатель, мощный джип легко преодолел бордюры, лениво ускорился унося меня прочь. Я же давил газ, зная, должен, должен успеть. Тут до границы кластера меньше километра. На душе же мутно. Крепло и росло чувство, что все только начинается... Претило от подлости и коварства «верных боевых товарищей», которым я спас жизнь. Мир другой, а движущие силы почти идентичные — девки, дети, деньги.

А Стикс — это теперь мой дом, моя земля, мое все, как тот Пушкин! И другого мира уже не будет, как и другой жизни. И дороги назад тоже нет. А, значит, педаль до упора в пол и вперед, только вперед! И да рассудят нас Боги, если таковые здесь есть...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Понять (жарг.).

Гг имеет ввиду поговорки, имеющие отношение к уголовной субкультуре, про людей отказывающихся воспринимать адекватно объективную реальность: «броня — сорок восемь табуреток и все ножками вперед», «броня — сорок пачек маргарина» (жарг).